

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 1751
ББК 80/84 Ш

Д. А. Богач

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ОСВЕЩЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА УКРАИНЕ

Рассматривается специфика использования литературно-публицистического творчества Ф. М. Достоевского в освещении политического кризиса на Украине. Доказывается, что публицистический опыт Ф. М. Достоевского, его идеи и представления о значимых и переломных событиях истории России XIX в. приобретают особую актуальность в оценке политического кризиса на Украине. Предлагается вывод о том, что публицистика писателя зеркально отражает современный политический кризис.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, Украина, современная публицистика, «Дневник писателя», либеральная интеллигенция.*

Эпоха различных кризисов (не только политических) того или иного государства определяет особые информационные потребности общества, когда «получатель» выбирает для себя специфический формат новостного контента: иными словами, если в некризисный период масс-медиа были похожи на «фаст-фуд» (в том плане, что их продукт можно было сравнить с горячими пирожками), новости о тех или иных событиях поступали оперативно, лаконично (в форме информационной ленты, мобильного приложения и проч.), то в настоящее (кризисное) время средства массовой информации вынуждены по-другому обслуживать интересы целевой аудитории. Политический кризис на Украине, который уже давно перерос в проблему мирового масштаба, показал, что общественность заинтересована в качественной аналитике освещаемых событий, которая проявляется, к примеру, в расширении конкретной реальной ситуации, использовании глобального проблемного материала, стремлении проецировать аномальные конфликтные ситуации, а также в потребности новых опорных идей и «пакета» предложений, а повествовательная стратегия краткости, конкретики, информативности уже становится неактуальной, что, на наш взгляд, породило глобальные изменения в способе подачи и потребления материала.

Здесь можно предположить, что журналистика все больше становится публицистикой в данный переломный период политического раз-

вития не только Украины, но и России (да и, пожалуй, многих других стран). Принципиальная особенность этого явления заключается в том, что процесс коммуникации автора и читателя становится полифоничным и двусторонним (читатель в любой момент может оценить и прокомментировать тот или иной материал, а также обменяться мнением непосредственно с автором текста через различные каналы коммуникации); кроме того, появляется такая важная для публицистического творчества категория, как образ автора, авторская позиция (автор непременно выражает свою точку зрения на происходящее, а читатель испытывает в ней потребность). И самое главное: автор материала становится творцом публицистического произведения, а само произведение становится цельным. К слову сказать, сама публицистика не становится предметом собственно журналистики, к публицистике в последнее время обращаются многие писатели (З. Прилепин, Т. Толстая, Д. Быков, С. Шаргунов), понимающие необходимость доносить свою позицию до читателя вне художественных форм и пространств, через собственный голос, а не голос своего героя, а также интернет-блогеры (Е. Бычков, А. Навальный), не говоря уже о политиках, ученых, деятелях культуры и многих других. Отметим к тому же, что одним из специфических и, самое главное, симптоматических факторов развития публицистики в свете политического кризиса на Украине яв-

ляется обращение к журналистскому опыту Ф. М. Достоевского и актуализация его идей и представлений о значимых и переломных событиях истории России XIX в., которые могут быть злободневно вписаны в эпоху современных реалий.

Использование литературно-публицистического контекста творческого наследия Ф. М. Достоевского в освещении современной политической ситуации неслучайно. Уже давно многими учеными и писателями была высказана мысль, что Достоевский – наш современник [7]. С одной стороны, это связано с судьбой писателя как с судьбой русского пророка: «Посмертная репутация Достоевского, как в зеркале, отразилась в русской истории: сначала в истории русских революций, потом гражданской войны и наконец в истории страны, которая в течение одного века утратила и вернула свое имя» [5. С. 10] (В. Н. Захаров); «Ф. Достоевский действительно весь пророс в нашей действительности, или наша действительность проросла в Ф. Достоевском» [8] (К. А. Степанян). С другой стороны, Достоевский ранее высказанными идеями в публицистике предоставляет право современному информационному пространству оценить мир его глазами, потому что, как справедливо замечает Б. Н. Тарасов, «многие авторские выводы (Достоевского. – прим. Д. Б.) не только жгуче актуальны, но и жизненно необходимы при совестливой, глубокой и по-настоящему реалистической проверке нравственного содержания тех или иных задач и соответствия выбираемых для их осуществления средств. И вряд ли стоит сомневаться, что они еще долго останутся актуальными, хотя действительность сильно меняется и неузнаваемо изменится в будущем» [9. С. 39]. Кроме того, уже имеется попытка осознания публицистики Достоевского в контексте актуальной политической ситуации и высказана мысль о том, что «отдельные высказывания писателя, перенесенные из своего внутреннего контекста в современный, внешний, вполне приложимы к нынешней ситуации» [1]. В свете освещения политического кризиса на Украине «глазами» Достоевского можно сказать, что позиция Б. Н. Тарасова относительно совестливой оценке событий, конечно же, несколько утопическая, потому что события эти передаются «по-достоевски» совершенно неоднозначно.

Так, литературовед М. Эпштейн определил 2014 г. (переломный год в российской исто-

рии) как год Достоевского, год «бобка» (по одноименному рассказу Ф. М. Достоевского из «Дневника писателя»). Автор статьи «От совка к бобку» пытается поставить метафизический диагноз России образами Достоевского, определяя политику государства как поведение Подпольного Человека: «Мирозлобие <...>, эмоционально агрессивное отношение к миру, злорадство по поводу его бед и несчастий» [11]. А присоединение Крыма к России М. Эпштейн косвенно сравнивает с известным эпизодом из романа Достоевского «Идиот», когда Настасья Филипповна бросает полученные от Рогожина деньги в огонь. М. Эпштейн считает возможным провести аналогию между inferнальным поступком героини Достоевского и подобным безрассудным, как он полагает, политическим поведением российского руководства: «Я задумался. Большинство экспертов сходится во мнении, что, приобретя Крым, Россия теряет несравненно большее. Теряет Украину. Теряет инвестиции, доверие, экономическую стабильность <...> А может быть, дело вовсе не в приобретении Крыма, а в грандиозности своеволия, которое измеряется грандиозностью потери? <...> Для чего Настасья Филипповна бросает в огонь целое состояние? Для чего отказывается от всего своего великосветского круга, от князя Мышкина с его возвышенной любовью и полутора миллионами? Неужели ради дикого Рогожина? Не нужен ей Рогожин – ей нужно себя показать, отринуть все условности, переступить все границы. Не приобрести нужно, а потерять – широчайшим жестом швырнуть в лицо миру все достигнутое, включая олимпийскую славу, гори она синим пламенем... Нет, экономистам и политологам здесь не разобраться, здесь нужен Достоевский» [11]. Определяя для себя подобную перспективу inferнального и дикого своеволия, по мнению М. Эпштейна, Россия встает на путь «от совка к бобку», вступает, видимо, в фазу шизофрении и нравственного «гниения» (напомним, герой рассказа Достоевского – сумасшедший, слышащий голоса мертвецов).

Конечно, как мы уже сказали, М. Эпштейн пытается дать оценку происходящих событий, условно говоря, метафорами и образами Достоевского, не более. Он выражает такую позицию, опираюсь при этом на свой читательский опыт и находя какие-либо литературные и публицистические аналогии из текстов Достоевского, но это всего лишь аналогии, это специфика творческой манеры интерпретато-

ра. Справедливости ради стоит отметить, что позиция М. Эпштейна не имеет ничего общего с убеждениями Достоевского о роли России в политической действительности Запада и Востока. Достоевскому не была близка мысль о том, что России когда-либо была бы присуща, выражаясь словами М. Эпштейна, тотальная ненависть к миру как таковому, жажда абсолютной гегемонии над миром и стремление диктовать ему свою волю, безумная, иррациональная идея всевластия одной банды, представившей к виску всего человечества ядерное дуло [11].

Наоборот, Достоевский отмечал особую миротворческую функцию России во внешнеполитических конфликтах. Так, высказывая мысль о том, что «Константинополь должен быть наш» (симптоматично созвучно с современным патриотическим лозунгом «Крым наш!»), освещая свою позицию об участии России в Восточном вопросе, Достоевский отмечал, что видит в этой войне только гуманистическую миссию защиты славянских племен в Турции: «В пользу нуждающихся семейств русских людей, павших или искалеченных в войне с турками за освобождение балканских славян»; «Дай Бог успеха русским добровольцам, а слышно, русских офицеров убивают опять в битвах десятками. Милые!»* (23; 118). Думается, многие сочтут такую позицию милитаристской, однако Достоевский никогда не был милитаристом, хотя признавал со скорбью, что пролитая кровь может спасти человечество, что «уж лучше раз извлечь меч, чем страдать без срока» (25; 101), и именно в этом конфликте он усмотрел не жажду России к мировому господству, а великую жертву во имя спасения жизней человеческих: «Кроме того, ведь если я, русский, пожертвую в пользу славянина, воюющего с турком, хотя бы даже и из единоверия, то ведь победы ему желаю над турком вовсе не потому, что тот мусульманин, а потому лишь, что тот режет славянина» (23; 126); «Россия <...> все время своей европейской жизни жила не для себя, а для чужих, именно «общечеловеческих интересов» (23; 127). Подобными высказываниями Достоевский в высшей степени не просто предвосхитил политический кризис на Украине, раздел ее территории, гражданскую войну, косвенное участие России в этом конфликте с гуманитарной миссией и проч., но и определил

характер давно назревавшего мировоззренческого противостояния в кругах российской интеллигенции, различные нападки на Россию со стороны Европы и прогрессивной общечеловечности (обвинение в развязывании войны и нарушении целостности независимого государства): «Вся Европа <...> те самые люди, которые кричали против невольничества, уничтожали у себя деспотизм, провозгласили права человечества <...> – вот те самые народы и нации <...> вдруг все <...> отвертываются от миллионов несчастных существ – христиан <...> и ждут <...> когда передавят их всех, как гадов, как клопов...» (23; 61); «В самом деле: в Европе кричат о «русских захватах, о русском коварстве», но единственное лишь, чтобы напугать свою толпу» (25; 49).

Подобная неоднозначная позиция Европы и прогрессивной общечеловечности (либеральной интеллигенции) в свете политического кризиса на Украине была озвучена в современной публицистике и блогосфере, в частности, писателем З. Прилепиным: «Самая большая подмена – вера в то, что стенания о самолете прогрессивной публики – это приступ большого человеческого гуманизма. На самом деле за этим всякий миг угадывается крик: «Разбомбите их всех! Заберите у них Крым! Накажите крымнашистов! Пусть знают!» Вы знаете хоть одного человека, который печалится о страшной гибели иностранцев, постит Орлушу и одновременно взывает: «Прекратите бомбить мирные кварталы, ублюдки!» Вы знаете хоть одного человека, который равно помнит лица Небесной сотни и жертв Донецкого сопротивления? В ужасе смотрит не только на фото погибших в самолете, но и на фото сгоревших в Одессе? Нет таких людей. Посему – кривляйтесь, кривляки. Огрызка ломаного гроша не стоит ваше милосердие» (из высказываний Захара Прилепина в сети «Facebook»).

В контексте освещения событий на Украине многие публицисты и политологи обрушились с нападками на писателя Ф. М. Достоевского в связи с тем, что, как показалось некоторым из интерпретаторов, Россия пошла в украинском вопросе по тому пути, который определил для нее Достоевский, и этот путь по факту неправильный. К примеру, по версии электронного издания «Daily Beast» (автор материала – литературовед Э. Кауфман), Россия пошла по неверному пути националиста Достоевского, а не гуманиста Толстого. Владимира Путина вдохновляет идея Достоевского о нравствен-

* Здесь и далее тексты Ф. М. Достоевского цитируются с указанием номера тома и страниц в круглых скобках.

ном превосходстве России над остальными народами. Но гордыня приводит к печальным последствиям, и России лучше было бы избрать путь смирения – путь любимых героев Толстого [12]. Иными словами, Достоевский, по мнению Э. Кауфмана, – источник национального величия Путина. Можно, конечно, эту позицию оспорить, заявив, что герои Достоевского активно жертвуют собой во имя искупления грехов, во имя счастья и благополучия другого человека, выбирая путь христианского человеколюбия и страдания (Дмитрий Карамазов принимает на себя грех и идет на каторгу «за дите», Сонечка Мармеладова идет на панель и жертвует собой во спасение обездоленных детей, находящихся на грани жизни и смерти, и таких примеров очень много), но такая позиция неслучайна в силу того, что Достоевский, сам того не подозревая, нащупал нерв, суть украинского кризиса, и эта суть (правда) может не нравиться определенной части общества. Достоевский вскрыл те большие нарывы, которые долго зрели, а впоследствии и «гнойно» источились, в частности – в эпоху политического кризиса 2014 г.

Во-первых, в свете оценки политического кризиса на Украине многие публицисты и ученые отметили, что Достоевский предугадал в «Дневнике писателя» антироссийские настроения в современной Украине, предвзятое и неприязненное отношение к России, в основном, в информационном дискурсе такие настроения применительно к украинскому кризису называют «русофобской истерией»: «...не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! <...> Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на поработении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени» (26; 78). Действительно, антироссийские настроения, клевета в адрес России и русских, украинское восприятие России как образа врага, слепая привержен-

ность европейским ценностям – это реалии современной Украины. К слову сказать, эти настроения проявились далеко не в 2014 г., но на фоне политического кризиса они активно катализировались. И примеров здесь достаточно (даже в «докрымский» период): нападение на Русский культурный центр во Львове, нарисованная фашистская символика на памятниках ветеранам Великой Отечественной войны, экстремистские лозунги «Хто не скаче, тот москаль», «Москаляку на гилляку», «Москалів на ножи», которые скандировались на площадях Украины, затем – уроки ненависти к русским в школах Украины, новогодний каннибализм (угощение тортом «Мертвый русский младенец»), и это только то, что на поверхности. Л. И. Сараскина по этому поводу справедливо заметила: «Детям устраивали уроки ненависти с сожжением чучел самых разных “москалів” (видеоматериал в изобилии представлен в Интернете). Кто-нибудь, когда-нибудь из единомышленников г-на Каспарова, н-р, комментировал эти сюжеты? Никто, никогда. Глухое молчание. В одной из гимназий г. Николаева проводилась школьная ярмарка детских поделок – из пластилина, дерева и т. п. Были представлены также выпечка и компоты, приготовленные учениками 5-го класса. Так вот, к маленьким бисквитам была приставлена этикетка “Танки на Москву”, к печеньям – “Жовто-сині зірки понад Кремльом” (“Желто-синие звезды над Кремлем”), а на трехлитровую банку вишневого компота наклеили ярлык «Кров російських немовлят” (“Кровь российских младенцев”). Кто придумал такие надписи? Кто их выполнил? Оказывается, учителя пятиклассников (видеосюжет с ярмарки см. в Интернете). Кто-нибудь из компании г-на Каспарова или г-на Немцова обратил внимание на эту красоту, написал о ней? Нет, конечно. Совсем недавно в центре Киева была развернута инсталляция: “Святой Георгий Победоносец копьём убивает двуглавого орла, российский герб”. Киевляне ликуют. Подобных примеров многие десятки, если не сотни, но они – со стороны “каспаровцев” – только молчание. Почему? Не в цвет? Не в масть? Политическая целесообразность? При такой постановке полемики я объявляю ей свое ПОЛНОЕ НЕДОВЕРИЕ» (из высказывания Л. И. Сараскиной в сети «Facebook»).

Стоит отметить, что пророческие высказывания Достоевского о славянских ненавистниках и клеветниках России не просто активно цитируются при освещении событий украин-

ского кризиса, на просторах интернета развернулась острая полемика по этому поводу в рамках форума «Достоевский о современной Украине». Так, В. В. Борисова приводит в качестве примера показательные отзывы, которые прямо подтверждают симптоматический характер публицистики Достоевского в современный период: «Очень точно написано и все полностью совпадает с тем, что сейчас происходит... Достоевский был провидцем... А жителям бывшей Украины теперь надо читать Булгакова...»; «Достоевский просто гений. Так все предвидеть – украинцев еще не придумали, а он уже знал, как они будут себя вести... Боль России, которую предвидел великий русский писатель более 100 лет назад (!), оказалась еще более мучительной, чем та, которую он предвещал»; «Это пророчество вне времени, и хотя изначально фигурируют там сербы и турки, но подходит оно и к современной Украине» [1]. Справедливости ради, конечно, стоит сказать, что, говоря о предательстве братских славянских народов, Достоевский здесь даже не подразумевал Украину, однако подобные размышления писателя, как выяснилось, вполне адекватные в формате политического кризиса, вызвали новую волну необоснованных обвинений и претензий к писателю: «Достоевский был не самым позитивным человеком. Алкоголизм, азартные игры (проиграл обручальное кольцо жены, кстати), эпилептические припадки и тяга к растлению малолетних. Можно ли приводить высказывания морально сомнительного человека (при этом гениального писателя) – как аргумент или доктрину?»; «Достоевский при всех своих литературных талантах был махровым великорусским шовинистом. Достаточно поглядеть, что он писал обо всех других народах – эпитеты в их адрес типа “полячишка” или “жидок” – обычная вещь» [10]. Конечно, таких интерпретаторов можно упрекнуть в слабом знании биографии и творчества Достоевского, в перевираании некоторых фактов, в чисто человеческом неуважении к великому писателю. Однако, думается, подобные обвинения в адрес Достоевского вызваны у многих, скорее, недоверием к его политической позиции, и не более.

Во-вторых, Достоевский, безусловно, предвидел мировоззренческий раскол внутри российского общества по поводу оценки политического кризиса на Украине. Еще в 1876 г. Достоевский писал, что сознание либеральной интеллигенции определено цинизмом, невери-

ем и даже озлоблением (24; 64) в восприятии славянского движения и объединения: «Тут стучат про вред войны в отношении экономическом, пугают крахами банков, падением курсов, застоём торговли... даже нашим военным бессилием... это все были либералы и прогрессисты» (24; 64). Либеральная позиция в отношении Восточного вопроса была не близка Достоевскому, он считал, что «Константинополь должен быть наш» во имя объединения и безопасности славянского мира. При этом Достоевский прекрасно осознавал утопичность своей идеи, объективно понимал, что подобную позицию никогда не разделят западники и русские либералы. Однако Достоевский вел полемику с либералами не языком фактов, а языком совести. В частности, он указывал, что цивилизованный мир не замечает очевидных вещей (или старается не замечать): гибнут и страдают дети, активно развит институт пыток и проч.: «О цивилизация! О Европа, которая столь страдает в своих интересах, если серьезно запретить сдирать кожу с отцов в глазах их детей» (25; 44). Примечательный факт: либеральной системе ценностей Достоевский однозначно ставит нравственный диагноз, согласно которому стать либералом – это начать презирать и ненавидеть свою культуру, цивилизацию и народ (23; 38). Иными словами, либералы в оценке Достоевского непременно погубят Россию. Этот диагноз в высшей степени применим в свете современных идеологических споров между прогрессивной общественностью («либерастами») и сторонниками патриотического лагеря («ватниками»). Еще в 1876 г. Достоевский отмечал, что либералы будут называть неевропейских русских «квасниками» (23; 39), и, отметим, как в воду глядел. В эпоху политических кризисов (а особенно кризиса на Украине) в либеральных кругах активизировалась сатира на собирательный образ русского народа, который на просторах Интернета воплощен в довольно специфическом персонаже – Квадратном Ватнике. Ватник непременно зависим от алкоголя, туп, невежествен, необразован, он не способен понимать причины происходящих событий, адекватно оценивать действительность, поэтому является непоколебимым патриотом режимного правителя. На наш взгляд, это далеко не безобидный творческий моветон, здесь, очевидно, проявляется неприкрытая ненависть и пренебрежение к русскому народу, о чем в свое время писал Достоевский;

кроме того, некоторые материалы ужасают своим цинизмом. К примеру, администрация сообщества «Рашка – Квадратный Ватник» (социальная сеть «ВКонтакте») посчитала вполне нормальным представить жертву военных операций на Юго-Востоке Украины восьмилетнего мальчика Ваню в образе пьяного Ватника, «русского быдла», гротесково представив ребенка-инвалида (на картинке – покалеченный Ватник в больнице, пьющий дешевую водку, с подписью «Я Ваня с горящего Донбасса»). На самом деле ненависть и враждебность в отношении русских и России со стороны современной прогрессивной общественности, активно разворачивающиеся на фоне украинских событий, почти не связаны с какой-либо политической позицией, с неприятием власти и пр.; выражаясь словами Достоевского, по мнению либералов, Россия виновата уже тем, что она Россия, а русские – тем, что они русские (23; 63). К примеру, в последнее время активно скандируются высказывания русских либералов с явным признаком экстремизма, которые доказывают явление «смердяковщины» в сознании «прогрессивной» общественности (Смердяков, напомним, говорил, что ненавидит всю Россию, отказывается от своей матери; признавал величие Наполеона и мечтал, чтобы умная нация захватила бы глупую нацию – Россию): «Русская нация – раковая опухоль человечества»; «Если Россия вымрет, я лично роптать не буду»; «Русских нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию, их положили у параша, и правильно сделали»; «Жалкие, несостоятельные в духовном плане, трусливые спят у параша и никаких прав не имеют. Если таким давать права, понизится общий уровень человечества» (В. Новодворская); «Страну населяет звероподобный сброд, которому просто нельзя давать возможность свободно выбирать» (Ю. Гусаков); «Убивать, убивать! Россию можно только уничтожить. И ее НАДО уничтожить, – это мера превентивной самообороны рода человеческого от той изуверской дьявольщины, которую несет в себе Россия. Русских надо убивать, и только убивать – среди них нет тех нормальных, умных, интеллигентных, с которыми можно было бы говорить и на понимание которых можно было бы надеяться» (Б. Стомахин). Конечно, эти суждения появились задолго до украинского кризиса, однако, с одной стороны, они косвенно подтверждают диагноз Достоевского о лакейском характере русских либералов, с

другой стороны, с подобной же агрессивной риторикой освещается либеральной публикой судьба России в свете развития украинских событий. Вот несколько примеров: «Погрязшая, как в болоте, в своем провинциализме, Россия никогда не станет великой и успешной страной, какими бы ни были цены на нефть или сколь бы ни была благоприятной мировая финансовая конъюнктура» (В. Иноземцев) [6]; «Россия сегодня будто шизофренией страдает. Гигант с комплексами карлика. Государство, бесконечно разглагольствующее о будущем, но не прекращающее мастурбировать на свое прошлое» (Д. Глуховский) [3]; «На колени, твари, и просить прощения у нескольких поколений украинцев. Умолять о прощении! Пока граждане России не начнут настоящее покаяние, произнося проклятья в адрес Путина, исполнившего роль Гитлера, никто никого не должен прощать. За преступление нужно нести ответственность. Тот, кто его совершил, должен быть наказан» [2] (К. Боровой). И так, в сознании современных либералов вырисовывается некий образ злополучной «Рашки-г... няшки», деградирующей страны с неперспективным будущим, наблюдается явная «достоевская» патология, в основе которой – неприкрытое равнодушие к высшей национальной идее и национальным интересам, озлобленная ненависть к народу и стране, радость и ликование перед малейшими экономическими неудачами и политическими поражениями России и пр. И примечательно, что сквозь призму данной патологии, в основном, и происходит освещение событий на Украине (с точки зрения российских либералов).

Таким образом, политический кризис на Украине можно оценить в контексте литературно-публицистического творчества Ф. М. Достоевского. Это связано с тем, что публицистика писателя зеркально отражает современный политический кризис: замученный турками русский герой Фома Данилов, изувеченные грудные младенцы на глазах у матери из истории Ивана Карамазова являются прямым отражением «мифа о распятом мальчике», трагедии Вани с горящего Донбасса как однозначный тезис о том, что слезинка ребенка не стоит ни одной революции; «Константинополь должен быть наш» проецирует стилистику патриотического лозунга «Крым наш!» и пр. В публицистике и информационном пространстве, как мы уже отметили, появляется стремление посмотреть на мир

«глазами» Достоевского при анализе событий на Украине, найти литературные аналогии, попытаться раскрыть «преступление» и вынести «наказание». В связи с этим использование литературно-публицистического контекста творчества Достоевского в освещении литературного кризиса на Украине порождает особую информационную эпоху: с одной стороны, оценка данных событий становится эмоциональной и эстетически полноценной, с другой, совершенно теряет объективность, когда появляется возможность найти правого или виноватого – Федора Михайловича Достоевского, всемирно известного русского писателя.

Список литературы

1. Борисова, В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в актуальном контексте политической современности : рукопись / В. В. Борисова.
2. Боровой – россиянам: На колени, твари, и просить прощения у нескольких поколений украинцев! // СМИ2. – URL: <http://smi2.mirtesen.ru/blog/43448364384/Borovoy?page=14>.
3. Глуховский, Д. Россия нигде / Д. Глуховский // Сноб. – URL: <http://snob.ru/selected/entry/82817>.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990.
5. Захаров, В. Н. Имя автора – Достоевский / В. Н. Захаров. – М.: Индрик, 2013. – 456 с.
6. Иноземцев, В. Главная болезнь современной России / В. Иноземцев // Сноб. – URL: <http://snob.ru/selected/entry/86495>.
7. Распутин, В. Г. Достоевский – наш современник. Размышления о русском человеке в русской литературе / В. Г. Распутин // Родная Ладога. – URL: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/rodnaya-rech/315-dostoevskij-nash-sovremennik>.
8. Степанян, К. А. Зачем читать Достоевского? / К. А. Степанян // Радио России. – URL: http://www.radiorus.ru/brand/episode/id/57068/episode_id/911675.
9. Тарасов, Б. Н. «Тайна человека» как антропологическая основа публицистики в «Дневнике писателя» Достоевского / Б. Н. Тарасов // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. – СПб., 2013. – С. 39–49.
10. Ф. М. Достоевский о современной Украине... // Drive2.ru. – URL: <http://www.drive2.ru/b/999026>.
11. Эпштейн, М. От совка к бобку / М. Эпштейн // Новая газета. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/66388.html>.
12. Kaufman, A. How Tolstoy Can Save Putin's Soul / A. Kaufman // Daily Beast. – URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2014/05/10/how-tolstoy-can-save-putin-s-soul.html>.

Сведения об авторе

Богач Дмитрий Александрович – аспирант кафедры литературы Челябинского государственного университета.

bogach_tv_86@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 7–14.*

LITERARY AND PUBLICISTIC CONTEXT OF CREATIVITY OF F. M. DOSTOYEVSKY ACCORDING TO POLITICAL CRISIS IN UKRAINE

D. A. Bogach

Graduate Student of Chair of Literature of the Chelyabinsk State University. bogach_tv_86@mail.ru

In article specifics of use of literary and publicistic creativity of F. M. Dostoyevsky according to political crisis in Ukraine are considered. It is proved that publicistic experience of F. M. Dostoyevsky and updating of his ideas and ideas of significant and critical events of history XIX of Russia are topically entered of an eyelid in an era of modern realities in an assessment of political crisis in Ukraine. The conclusion that the journalism of the writer specularly reflects modern political crisis is offered.

Keywords: *F. M. Dostoyevsky, Ukraine, modern journalism, «Diary of the writer», liberal intellectuals.*

References

1. Borisova V.V. “*Dnevnik pisatelja*” F.M. Dostoevskogo v aktual’nom kontekste politicheskoj sovremennosti [“The diary of the writer” F. M. Dostoyevsky in an actual context of the political present]. (In Russ.).
2. Borovoj – rossijanam: Na koleni, tvari, i prosit’ proshhenija u neskol’kih pokolenij ukraincev! [Borovoy – to Russians: On knees, creatures and to apologize to several generations of Ukrainians!]. *SMI2* [SMI2]. Available at: <http://smi2.mirtesen.ru/blog/43448364384/Borovoy-?page=14>. (In Russ.).
3. Glukhovskij D. Rossija nigde [Russia anywhere]. *Snob* [Snob]. Available at: <http://snob.ru/selected/entry/82817>. (In Russ.).
4. Dostoyevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Leningrad, 1972–1990. (In Russ.).
5. Zakharov V.N. *Imja avtora – Dostoevskij* [Name of the author – Dostoyevsky]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.).
6. Inozemtsev V. Glavnaja bolezn’ sovremennoj Rossii [Main disease of modern Russia]. *Snob* [Snob]. Available at: <http://snob.ru/selected/entry/86495>. (In Russ.).
7. Rasputin V.G. Dostoevskij – nash sovremennik. Razmyshlenija o russkom cheloveke v russkoj literature [Dostoyevsky – our contemporary. Reflections about the Russian person in the Russian literature]. *Rodnaja Ladoga* [Network literature]. Available at: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/rodnaya-rech/315-dostoevskij-nash-sovremennik>. (In Russ.).
8. Stepanyan K.A. Zachem chitat’ Dostoevskogo? [Why to read Dostoyevsky?]. *Radio Rossii* [Radio of Russia]. Available at: http://www.radiorus.ru/brand/episode/id/57068/episode_id/911675. (In Russ.).
9. Tarasov B.N. “Tajna cheloveka” kak antropologicheskaja osnova publicistiki v “Dnevnikе pisatelja” Dostoevskogo [“Secret of the person” as anthropological fundamentals of journalism in “The diary of the writer” Dostoyevsky]. *Dostoevskij i zhurnalizm* [Dostoyevsky and a journalism]. St. Petersburg, 2013. Pp. 39–49. (In Russ.).
10. F.M. Dostoevskij o sovremennoj Ukraine... [F.M. Dostoyevsky about modern Ukraine...]. Available at: <http://www.drive2.ru/b/999026>. (In Russ.).
11. Epstein M. Ot sovka k bobku [From a scoop to a bobok]. *Novaja gazeta* [The New newspaper]. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/comments/66388.html>. (In Russ.).
12. Kaufman A. How Tolstoy Can Save Putin’s Soul. *Daily Beast*. Available at: <http://www.thedailybeast.com/articles/2014/05/10/how-tolstoy-can-save-putin-s-soul.html>.

УДК: 81.112
ББК: 81.411.2

К. Р. Ваганова

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖНЫХ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОЗЫСКНОМ ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (на материале текстов тюменской деловой письменности)

Рассмотрены основные способы выражения предложных объектных отношений в розыском деловом языке первой половины XIX в. В качестве материала исследования выбраны деловые бумаги, которые хранятся в Государственном архиве Тюменской области. Сделаны выводы о доминировании конструкций с родительным, творительным и предложным падежами (две формы) и о меньшей частотности с дательным падежом (одна форма).

Ключевые слова: *объект, розыской деловой язык, XIX век.*

Лингвистическое изучение памятников деловой письменности первой половины XIX в. занимает важное место в ряду перспективных направлений современной диахронической русистики. Обращение к подобным текстам позволяет ученым прийти к новым интересным выводам относительно многих аспектов функционирования языка в тех или иных стилистических подсистемах. Важным достоинством этого методологического подхода является следующий факт: так эксплицируются новые архивные источники, которые до этого оказались незаслуженно забыты филологами. В силу масштабности подобных исследований в настоящей работе мы остановимся только на описании одного типа лексико-синтаксических вариаций, которые будут напрямую сопряжены с понятием розыского делового языка, а именно – на объектных отношениях предложного типа.

На современном этапе развития лингвистической мысли вопросы объектных отношений затрагивались в работах Ю. Д. Апресяна, В. А. Бондарко, В. Г. Гака, Г. А. Золотовой, В. Ф. Иванова, А. Е. Кибрика, В. Б. Крысько, Т. П. Ломтева, О. Б. Сиротининой, Ю. С. Степанова, А. Д. Шмелёва, Д. Н. Шмелёва и многих других. В свою очередь, аспекты функционирования данных сочетаний на материале текстов деловой письменности активно рассматривались Ю. А. Матаевой в ее монографическом исследовании «Субъектно-объектные отношения в деловом языке Южного Урала и Зауралья второй половины XVIII в.» [7], а также в серии работ М. В. Биньковской [1] и В. А. Цыбиковой [17].

Целью данной статьи является репрезентация объектных отношений предложного типа на материале розыских деловых бумаг первой половины XIX в. во взаимосвязи с системой предикативности. Обращение к этой проблеме определено необходимостью системного анализа розыских источников, существующих в настоящий исторический период.

Поставленная цель исследования определила следующий перечень практических задач: описать специфику объектных предложных отношений на анализируемом материале в различных синтаксических конструкциях (простых, сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных предложениях; а также в обособленных конструкциях); рассмотреть полученные типы объектных предложных вариаций в аспекте ядерно-периферийных моделей языка.

Материалом для исследования послужили тексты тюменской деловой письменности розыского типа первой половины XIX в., которые хранятся в Государственном архиве Тюменской области (фонд ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень»).

Позволим себе подчеркнуть тот факт, что семантика синтаксиса, исследующая семантический и синтаксический уровни, соответственно, позволяет изучить глубинную и поверхностную структуры предложения. Содержательная интерпретация семантической валентности заключается в приписывании аргументу определенной семантической роли (функции), которая иллюстрирует онтологические связи между признаком и его носителем. Н. М. Мосина в своей докторской диссертации отмечает следующее: «Аргументы характери-

зуются в связи с предикатами в соответствии с той ролью, которую референт играет в ситуации. Происходит установление логико-семантических отношений между глаголом и его семантической валентностью» [8. С. 60–61].

Для разработки данного аспекта лингвопрагматического и историко-стилистического анализа, прежде всего, следует уточнить определение объекта, применяемое в настоящей работе. Так, объектом называется лицо или предмет, на который направлено действие, выраженное глаголом. Глагол без существительного, обозначающего лицо или предмет, как правило, является семантически неполнозначным, поэтому существительное дополняет, изъясняет его. В этом случае отношения между глаголом и формой, которая его изъясняет, то есть семантически и структурно дополняет, называются объектно-изъяснительными [4. С. 287]. Объектные отношения возникают при семантико-грамматическом взаимодействии глаголов, в том числе причастий и деепричастий, с именами существительными и, реже, с инфинитивом [9].

Ю. А. Матаева указывает на многозначность данного термина и отмечает следующие его значения: 1) объект – любой аргумент, не являющийся субъектом; 2) объект – единственный тип аргумента – пациенс; 3) к объектам принадлежат аргументы двух типов – пациенс и некоторый другой, обычно адресат. В конкретном языке объект может соответствовать обобщению нескольких семантических ролей, противопоставляясь субъекту, или же отсутствовать вообще [6. С. 241]. Несколько шире объект (от латинского *objectum* – «предмет») представляет собой формальную и содержательную категорию синтаксиса. В содержательном плане под объектом понимается имя предмета или лицо, на которое направлено действие, выраженное глаголом [5. С. 289].

Функциональное поле объектности, рассматриваемое в настоящей статье на материале текстов деловой тюменской письменности розыскного типа первой половины XIX в., формируется целым комплексом параметров, связанных синтагматически: лексическим значением объекта; значением глагола-предиката; значением падежа, оформляющего объект; морфологическим выражением объекта и его соотносительностью с членом предложения.

Заметим, что значения глагола-предиката были имплицированы в силу его опосредованной репрезентации через значение субъекта.

Важную роль при экспликации значений объекта играют также значения падежа и функциональная направленность, соответствующие его месту в предложении. Последнее иллюстрирует «определённую связанность с типом словосочетания, в который входит падеж, и с ролью падежа, доминирующей или подчинённой» [16. С. 21]. Таким образом, функция падежа характеризует его в синтагматическом плане, указывая на место падежа среди других лексем на горизонтальной оси экспликации смысла.

Далее перейдем к анализу материала в аспекте лингвопрагматики и диахронической стилистики. Обозначим типичные предложные объектные отношения, эксплицированные в деловых тюменских бумагах первой половины XIX в.

I. Родительный падеж

1. Объект-локатив (посессивный)

Семантическая особенность данной формы заключается в функционировании при субъекте действия и субъекте состояния. Так, «Именной список поселщиков бѣжавшихъ съ Забайкальскаго поселенія», хранящийся в Государственном архиве Тюменской области в фонде, фиксирует следующие контексты: «снеся казенныхъ два топора, косу два ножа, у товарища поселщика Рудакова»; «снесь провианту 2 пуда 2 фунта, у товарища Бабашиева, шляпу въ 2 ар. 50 коп.»; «снесь казенной топоръ и суконъ, денегъ у товарищей» (здесь и далее выделено нами жирным. – К. В.) [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 49, Л. 368–374].

Заметим, что объект-локатив выражен предложно-падежной конструкцией: «предлог у + имя существительное в форме родительного падежа». В предложении он соотносится с косвенным дополнением.

2. Объект-субъект опосредованного владения

Связанность с субъектом владения оказывается типичной для данной формы объекта: «отослать ево прямо от себя напоселение» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 72, Л. 184]. Данная номинация описывает отчуждаемого предмета или качество и вербализуется предложно-падежной конструкцией формульного типа – «предлог от + местоимение в форме родительного падежа».

II. Дательный падеж

1. Объект-адресат/объект-директив

Данная форма употребляется при следующих субъектных формах:

– субъекте действия (частотными оказываются глаголы действия (искать, сыскать, разыскать); глаголы перемещения (оказаться), а также фазисные глаголы (начать, окончить);

– субъекте речемыслительной деятельности (при глаголах речи – просить, объявлять, доносить);

– субъекте – каузаторе действия (при глаголах предписать, приказать, просить, требовать, повелевать).

В некоторых случаях объект-адресат может быть выражен личным местоимением я в форме дательного падежа с предлогами к/ко: «предписываю оной Управѣ посихъ доставленія ко мнѣ» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 120, Л. 27]; «я рекомендую вашему высокоблагородію доставить оные ко мнѣ» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 65, Л. 72]; «препроводить к нимъ копии со списка и предписанія даннаго Тобольской Общей Полицейской управѣ» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 120, Л. 29].

Также объект-адресат выражен именем существительным с предлогом к/ко: «к Тюменскому Г-ну Городничему» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 388, Л. 13]. Отметим, что последние контексты эксплицируются в системе начальных реквизитов регистрационного типа. В них фиксируется информация о том, кому будут направлены соответствующие деловые источники. Данные примеры иллюстрируют контаминацию значения «адресность» со значением «направления и пространственного предела движения, образуемого конкретными, реже – личными именами» [3. С. 128].

III. Творительный падеж

1. Объект-комитатив

Интересной формой объекта оказывается форма комитатива, который связан синтаксически с субъектом действия или с экзистенциальным субъектом: «где обнаружитца о поступлении с нимъ запобегъ» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 49, Л. 51]; «и буде окажется, то поступить с нимъ по законамъ» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 49, Л. 367]; «Городскимъ и земскимъ начальствами предписать с темъ Петропавловскую съ строжайшимъ карауломъ» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 49, Л. 449].

Заметим, что предложно-падежная конструкция, выражающая значения связанности, типичная – «предлог с + форма имени существительного / местоимения в творительном падеже». В предложении она соотносится с косвенным дополнением.

2. Объект действия социально-этического характера

Некоторые контексты фиксируют употребление субъекта социальных отношений: «для осужденія за бродяжничество и побѣгъ» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 49, Л. 1]; «взыскать с помѣщика Каликтраза Чернышева за бумагу» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 406, Л. 2]. Предложно-падежная конструкция иллюстрирует связанность с предлогом за и именем существительным в форме Творительного падежа. При этом в предложении объект действий социально-этического характера соотносится с косвенным дополнением.

IV. Предложный падеж

1. Объект-делибератив

Эта форма употребляется при субъекте речемыслительной деятельности и каузаторе того или иного действия. Делибератив обозначает содержание речи при конкретной форме предиката. Вербализация настоящего значения осуществляется за счет имени существительного в форме предложного падежа с предлогом о: «просить учинить публику о сыску бежавшихъ зарайскаго уезда деревни Носово или Ликошиной крестьянина Якова Евлева и Федора Аирланова» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 120, Л. 1]; «Городничему прежнее предписаніе сего Правленія отъ 21 апреля Сего года за № 241 о сыску каторжанина» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 120, Л. 16]; «просить учинить надлежащее распубликованіе о сыску» [ГАТО, Ф. ИЗ, О. 1, Д. 49, Л. 15].

Заметим, что в приведенных выше контекстах объект также соотносится с косвенным дополнением. Это свидетельствует о частотности данного члена предложения в силу его морфологической природы.

2. Объект-локатив с оттенком подчиненности, принадлежности

Данная форма предложного объекта встречается при предикатах действия или предикатах владения: «которые при семъ в Тюменскую воеводскую канцелярию и посылаютца» [ГАТО, Ф. И47, О. 1, Д. 463, Л. 1]; «имѣть при себѣ распутную женщину» [ГАТО, Ф. 3, О. 1, Д. 49, Л. 250]; «и при нимъ салдаты Яковъ Трубачевъ, Павелъ Черепановъ» [ГАТО, Ф. И47, О. 1, Д. 463, Л. 1]. Вербализация значения подчиненности осуществляется с помощью предложно-падежной конструкции «предлог при + имя существительное / местоимение в Предложном падеже». Синтаксически все представленные контексты связаны с косвенным дополнением.

Таким образом, проанализировав объектные предложные отношения в розыском деловом языке первой половины XIX в., мы пришли к сле-

дующим выводам. Семантика объекта репрезентированы 7 значениями, имеющими различное падежное выражение: две формы в родительном, творительном и предложных падежах, одна – в дательном падеже. Объект может быть выражен именем существительным, личным местоимением, словосочетанием формульного типа, которые играют роль косвенного дополнения.

Список литературы

1. Биньковская, М. В. Фразеологические предлоги с субкатегориальной семой «указание на объектные отношения» в деловых документах XVIII в. / М. В. Биньковская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. – 2005. – № 11 (51). – С. 40–44.
2. Дело о розыске беглых лиц // Государственный архив Тюменской области. Ф. ИЗ. О. 1. Д. 406. Л. 2.
3. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
4. Крючкова, Л. С. Русский язык как иностранный: синтаксис простого и сложного предложения / Л. С. Крючкова. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 464 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Наука, 1992. – 685 с. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/497d.html>. Дата обращения: 30.03.2015.
6. Матаева, Ю. А. К вопросу о субъектно-объектных отношениях в простом предложении в южноуральской деловой письменности XVIII в. / Ю. А. Матаева // Деловой язык XVIII в. по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска : сб. ст. / гл. ред. Л. А. Глинкина. – Челябинск: ЧГПУ, 2004. – С. 241–244.
7. Матаева, Ю. А. Субъектно-объектные отношения в деловом языке Урала и Зауралья второй половины XVIII в. : монография / Ю. А. Матаева. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2007. – 164 с.
8. Мосина, Н. М. Семантика глубинных падежей и морфологические средства их выражения в эрзянском языке : дис. ... д-ра филол. наук / Н. М. Мосина. – Саранск, 2014. – 321 с.
9. Мохаммадиан, Суте Мохаммад. Предложно-падежные конструкции с предлогом от, выражающие объектные отношения, в современной русской речи / Суте Мохаммад Мохаммадиан // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 4, т. 1. – С. 121–127.
10. Переписка Тюменского городничего с частным комиссаром и городовым магистратом о розыске беглых // Государственный архив Тюменской области, Ф. ИЗ. О. 1. Д. 388. Л. 13.
11. Промемория Тюменской воеводской канцелярии, рапорта служилых людей о препровождении в Тобольск колодников и других лиц // Государственный архив Тюменской области. Ф. ИЗ. О. 1. Д. 463. Л. 1.
12. Указы Тобольского губернского правления о взыскании по вексям, о сыске беглых, о взыскании казенных недоимок // Государственный архив Тюменской области. Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 72. Л. 184.
13. Указы Тобольского губернского правления о денежных взысканиях, по уголовным делам, о сыске беглых, о ямской гоньбе, о препровождении колодников, о благоустройстве городе // Государственный архив Тюменской области. Ф. ИЗ. О. 1. Д. 65. Л. 72.
14. Указы Тобольского губернского правления о розыске беглых и по уголовным делам // Государственный архив Тюменской области. Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». О. 1. Д. 49. ЛЛ. 1, 15, 51, 250, 367–374, 449.
15. Указы Тобольского губернского правления о розыске беглых, по уголовным делам, о денежных взысканиях, по вопросам делопроизводства, о продаже соли, о наблюдении за ссыльными, о передачи по наследству имуществ, о сохранении вин // Государственный архив Тюменской области. Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень», О. 1. Д. 120. Л. 1, 16, 26, 27, 29.
16. Ходова, К. И. Система падежей старославянского языка : монография / К. И. Ходова. – М.: Академия наук СССР, 1962. – 160 с.
17. Цыбикова, В. А. Вербализация субъектно-объектной семантики в конструкциях с глаголами распоряжения (на материале забайкальской деловой письменности XVIII в.) / В. А. Цыбикова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Язык. Культура. Коммуникация. – 2013. – Вып. 1 (22). – С. 79–84.

Сведения об авторе

Ваганова Ксения Ринатовна – кандидат филологических наук, докторант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета.
ksenia.vaganowa@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 15–20.*

**VERBALIZATION PREPOSITIONAL OBJECT RELATIONS
IN THE SEARCH BUSINESS LANGUAGE EARLY XIX CENTURY
(based on the texts tyumen business writing)**

K. R. Vaganova

*Candidate of Philological Sciences, Moscow State Regional University, Department of History
of Russian Language and General Linguistics, a doctoral student, vaganova1988@mail.ru.*

The article discusses the main ways of expressing prepositional object relations in the search business language of the first half of the XIX century. As research material selected business documents that are stored in the State Archive of Tyumen Region. Appeal to such sources allows scientists to come to new and interesting conclusions about the many aspects of the language in the special typological stylistic subsystems. Functional field of the object, considered in this article on the material of texts Tyumen business writing investigative type the first half of the XIX century, formed a whole set of parameters associated syntagmatically: lexical meaning of the object; meaning of the verb-predicate; the value of case, draws the object; morphological expression of the object and its correlated to one or another member of the proposals.

Keywords: *object, investigative business language, XIX century.*

References

1. Bin'kovskaya M.V. Frazeologicheskie predlogi s subkategorial'noy semoy "ukazanie na ob'ektnye otnosheniya" v delovykh dokumentakh XVIII veka [The phrasal prepositions with subkategorialnoy seme«a reference to object relations» in business documents of the XVIII century]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University], 2005, no 11 (51), pp. 40–44. (In Russ.).
2. Delo o rozyske beglykh lits [The case of the fugitive wanted persons]. *Gosudarstvennyy arkhiv Tyumenskoy oblasti* [State archive of Tyumen region]. F. I3. O. 1. D. 406. L. 2. (In Russ.).
3. Zolotova G.A. *Sintaksicheskiy slovar': Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: Repertoire elementary units of Russian syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 440 p. (In Russ.).
4. Kryuchkova, L.S. *Russkij jazyk kak inostrannyj: sintaksis prostogo i slozhnogo predlozhenija* [Russian as a foreign language: the syntax of simple and complex sentences]. Moscow, VLADOS Publ., 2004. 464 p. (In Russ.).
5. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. V. N. Jarceva (ed.). Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/497d.html>, accessed 21.01.2015. (In Russ.).
6. Mataeva Yu.A. K voprosu o sub"ektno-ob"ektnykh otnosheniyakh v prostom predlozhenii v yuzhnoural'skoy delovoy pis'mennosti XVIII veka [On the question of subject-object relations in a simple sentence in the South Ural Business Writing XVIII century]. *Delovoy yazyk XVIII veka po arkhivnym dannym gorodov Chelyabinska, Kurgana, Tobol'ska* [Business language of the XVIII century. the archives of the city of Chelyabinsk, Kurgan, Tobolsk], L. A. Glinkina (ed.). Chelyabinsk, ChGPU Publ., 2004. Pp. 241–244. (In Russ.).
7. Mataeva Yu.A. *Sub"ektno-ob"ektnye otnosheniya v delovom yazyke Urala I Zaural'ya vtoroy poloviny XVIII veka* [Subject-object relations in the business language of the Urals and Trans second half of the XVIII century]. Chelyabinsk, Poligraf-Master Publ., 2007. 164 p. (In Russ.).

8. Mosina N.M. *Semantika glubinykh padezhey i morfologicheskie sredstva ikh vyrazheniya v erzyanskom yazyke* : dis. ... d-ra filol. nauk [The semantics of deep cases and morphological means of expression in Erzya language. Thesis]. Saransk, 2014. 321 p. (In Russ.).

9. Mokhammadian Sute Mokhammad. *Predlozhno-padezhnye konstruksii s predlogom ot, vyrazhayushchie ob"ektnye otnosheniya, v sovremennoy russkoy rechi* [Prepositional case designs with the pretext of expressing object relations in contemporary Russian speech]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University A.S. Pushkin], 2013, no 4, vol. 1, pp. 121–127. (In Russ.).

10. Perepiska Tjumenskogo gorodnichego s chastnym komissarom I gorodovym magistratom o rozyske beglyh. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen region]. F. 3. O. 1. D. 388. L. 13. (In Russ.).

11. Promemorija Tjumenskoj vovodskoj kanceljarii, raporta sluzhilyh ljudej o preprovoshdenii v Tobol'sk kolodnikov I drugih lic [Promemoriya Provincial Office of Tyumen, the report servitors to be escorted to Tobolsk convicts and others]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen region]. F. 13. O. 1. D. 463. L. 1. (In Russ.).

12. Ukazy Tobol'skogo gubernskogo pravlenija o vzyskanii po vekselijam, o syske beglyh, o vzyskanii kazennyh nedoimok [Decrees of Tobolsk provincial government for the recovery of bills of nipple fugitive, for the recovery of arrears of state-owned]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen region]. F. 13 «Gorodskaja policija, g. Tjumen'». O. 1. D. 72. L. 184. (In Russ.).

13. Ukazy Tobol'skogo gubernskogo pravlenija o denezhnyh vzyskanijah, po ugolovnym delam, o syske beglyh, o jamskoj gon'be, o preprovoshdenii kolodnikov, o blagoustrojstve gorode [Decrees of Tobolsk provincial government on monetary penalties, in criminal cases, investigation of a runaway, about Yamskaya chase, to be escorted convicts, on the improvement of the city]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen region]. F. 13. O. 1. D. 65. L. 72. (In Russ.).

14. Ukazy Tobol'skogo gubernskogo pravlenija o rozyske beglyh I po ugolovnym delam [Decrees of Tobolsk provincial government wanted fugitives and criminal cases]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen region], F. 13 «Gorodskaja policija, g. Tjumen'». O. 1. D. 49. LL. 1, 15, 51, 250, 367–374, 449. (In Russ.).

15. Ukazy Tobol'skogo gubernskogo pravlenija o rozyske beglyh, po ugolovnym delam, o denezhnyh vzyskanijah, po voprosam deloproizvodstva, o prodazhe soli, o nabljudenii za ssyl'nymi, o peredachi po nasledstvu imushhestv, o sohranenii vin [Decrees of Tobolsk provincial government wanted fugitives, in criminal cases, monetary penalties, for office, for the sale of salt, on the observation of exiles, on the transfer of inherited property, the preservation of wines]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen region]. F. 13 «Gorodskajapolicija, g. Tjumen'». O. 1. D. 120. LL. 1, 16, 26, 27, 29. (In Russ.).

16. Khodova K.I. *Sistema padezhey staroslavjanskogo yazyka* [Case System of Old Church Slavonic]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1962. 160 p. (In Russ.).

17. Tsybikova V.A. Verbalizatsiya sub"ektno-ob"ektnoy semantiki v konstruksiyakh s glagolami rasporyazheniya (na material zabaykal'skoy delovoy pis'mennosti XVIII v.) [Verbalization of the subject-object semantics in constructions with verbs orders (based on business writing transbaikalian XVIII century)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2013, no 1 (22), pp. 79–84. (In Russ.).

УДК 81>373.2
ББК 81.411.2

В. В. Гузикова

ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТЬ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Осуществлен анализ письменной коммуникации городского пространства г. Екатеринбурга, рассмотрены названия разного рода предприятий и товаров, включающих иноязычную лексику. Делается вывод о том, что текстовое пространство современного города становится полифоничным, языковая ситуация в письменных текстах – полилингвальной.

Ключевые слова: *иноязычная лексика, лингвистический ландшафт, кириллица, латиница, полифония, эргономим.*

Глобализация и смена технологий являются причиной скоростных изменений, характеризующих современное состояние общества и языка. В условиях современного города происходит постоянное взаимодействие различных национальных культур, представители которых вступают в контакт друг с другом, что связано с различными аспектами городской жизни. Следовательно, отличительным свойством социальной реальности сегодня является поликультурность. Яркой иллюстрацией такой поликультурной атмосферы города могут служить наименования предприятий коммерческого типа (сфера торговли и культурно-развлекательных заведений), переименование улиц в г. Екатеринбурге, который характеризуется множественностью культур в действии.

Лингвистические исследования поликультурной среды имеют давнюю традицию. У истоков определения мировоззрения народов посредством их языков стоял В. Гумбольдт [3]. Его идеи нашли свое отражение в трудах А. А. Потебни, Ф. Баоса, Э. Сепира, А. Мейе и др. В современной лингвистике сформировалось несколько направлений изучения языка в поликультурном мире. Особо следует отметить исследования А. К. Бабуина, В. В. Воробьева, В. В. Иванова, Е. А. Земской. Изучением лингвистической ситуации занимались также такие ученые, как Т. М. Дридзе, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. А. Маслова.

Как известно, в полиэтничном мире культура в качестве «совокупности специфических способов деятельности человека и ее результатов» находится в многовекторной зависимости от языка, определяется им и оказывает влияние на него. Екатеринбург – четвертый по количеству жителей город в России,

центр Уральского федерального округа и Свердловской области, крупный промышленный центр. Полилингвальность текстового пространства Екатеринбурга имеет ряд объективных оснований, а именно: общая численность населения (1 миллион 462 тысячи человек); его национальный состав и удельный вес отдельно взятой национальности, проживающей на территории города; статус «открытого города» в течение последних 20 лет; наличие большого числа иностранных консульств и дипломатических представительств (свыше 12, работающих в г. Екатеринбурге). Екатеринбург занимает третье место в стране (после Москвы и Санкт-Петербурга) по количеству дипломатических представительств.

Этнический состав города достаточно разнообразен. В Екатеринбурге проживает 89,04 % русских, татар – 3,72 %, украинцев – 1,03 %, башкир – 0,96 %, марийцев и азербайджанцев по 0,5 %, таджиков и армян по 0,4 %. Евреи, узбеки, белорусы, удмурты, мордва, чуваш и другие национальности составляют 3,31 % [7].

Для анализа полилингвальности письменной коммуникации современного города можно обратиться к методу лингвистического ландшафта, который служит одним из способов описания повседневного существования языка и состоит в исследовании употребления письменных знаков в общественной сфере (публичном пространстве) городской среды [9. Р. 158]. Лингвистический ландшафт (ЛЛ) – сравнительно новая лингвистическая дисциплина, и ее теоретические установки все еще находятся в процессе становления. Исследование ЛЛ дает возможность выявить некоторые закономерности, модели, дающие представление о раз-

личных способах, с помощью которых лица, отдельные группы, ассоциации, институты и государственные учреждения соревнуются в «игре» символов внутри сложной реальности [10. Р. 27].

Названные выше характерные черты ЛЛ свидетельствуют о его действенности в качестве инструмента для изучения социальной когниции, языкового сдвига и других когнитивных, социолингвистических, лингвоантропологических явлений, а также проверки результатов мультикультурализма. В пространстве современного города человек сталкивается с различного рода письменной коммуникацией повседневности. Лингвистика повседневности изучает состояние языка в различных сферах его применения: уличном пространстве, официальной деловой среде, домашней обыденной обстановке человека и так далее. В настоящей статье мы остановимся подробнее на сфере уличного пространства, где каждый житель мегаполиса ежедневно сталкивается с различными знаками письменной речи, в том числе на различных иностранных языках. Речь идет об информации на рекламных щитах, о названиях предприятий, магазинов и офисов (эргонимы) и так далее.

Язык города, рассматриваемый как сложное взаимодействие различных языковых компонентов, является в современной лингвистике предметом фундаментальных исследований. В рамках антропоцентрической суперпарадигмы это осуществляется в социолингвистическом (Б. Я. Шарифуллин), коммуникативном (И. А. Гайдамак, А. М. Емельянова и др.), семиотическом (Е. С. Яковлева, Н. А. Прокуровская, Л. А. Шкатова, Л. З. Подберёзкина, А. А. Юнаковская и др.), лингвокультурологическом (Е. В. Ворошилова, Е. Ю. Позднякова и др.) аспектах. В последнее время особенно актуальным является комплексный подход к изучению языка города, представляющий собой контаминацию антропоцентрического и традиционного подходов. Прежде всего, это обусловлено спецификой языка города, который можно рассматривать как совокупность разнородных языковых образований (литературный язык, живая речь горожан, урбанонимия), взаимодействующих друг с другом и образующих сложную единую систему в рамках конкретного города.

Одним из значимых компонентов языка города является урбанонимия, которая объединяет названия внутригородских объектов.

Представляя собой систему ориентиров, урбанонимия существует в двух разновидностях: официальной (вывески, названия улиц, названия остановок и др.) и неофициальной, отраженной в узусе горожан. Урбанонимия поликомпонентна по структуре и включает: эпиграфику (граффити, наружная реклама), гидронимию (названия водных объектов), астионимию (название города), эргонимию (названия деловых объектов), годонимию (названия улиц, районов, площадей, переулков, бульваров), названия остановок общественного транспорта и др.

Принимая во внимание различные точки зрения, можно дать определение урбанониму как названию локально закрепленного городского объекта. В качестве важнейших принципов классификации урбанонимов ученые выделяют объект номинации, принадлежность к тому или иному языку, стратиграфический (исторический) принцип, морфолого-словообразовательный и лексико-семантический принципы. Все классификации урбанонимов сводятся к трем принципам описания: собственно лингвистическому, прагматическому и лингвокультурологическому. Из всего многообразия урбанонимного пространства города особо выделяется эргонимия – совокупность названий деловых объединений людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [8. С. 54].

Для исследования полилингвальности текстового пространства нами был проведен анализ письменной коммуникации трех центральных улиц г. Екатеринбурга, а именно: пр. Ленина, ул. 8 Марта и ул. Вайнера. Общее количество письменных текстов составило около 1000. Из них тексты на русском языке, включающие информацию на рекламных щитах, названия остановок транспорта и улиц, а также эргонимы, составили приблизительно 68,1 %. В настоящее время во многих языках активно идет процесс проникновения элементов одних языков в другие, результатом чего чаще всего становятся лексические заимствования. Как показали многие исследования, большинство таких заимствований можно отнести к англицизмам, так как английский язык уже приобрел статус языка международного общения. Русский язык в значительной степени ощущает на себе влияние этого процесса, поскольку многочисленные заимствования из английского языка, гораздо реже из других языков, функционируют в текстах самых разных стилей языкового пространства города. Это подтверж-

дается результатами проведенного исследования. Письменная коммуникация на английском языке, что выявлено в результате анализа названий на центральных улицах Екатеринбурга, соответствовала 23,8 %. Например: *Subway* (кафе), *Pins Pub* (бар), *Friday's* (кафе), *Ural Federal University* (остановка транспорта), *Pigs.ru* (сайт свинокомплекса), *Dream Travel* (турагентство) и др. Процентное соотношение письменных текстов на других иностранных языках, выявленных нами на центральных улицах современного мегаполиса, свидетельствует о том, что тексты на французском языке составили около 3 %, на немецком и итальянском языках – 2 %, на японском и китайском языках – 1 %, на чешском языке – 0,3 %, на испанском и белорусском языках – 0,2 % и на узбекском языке – 0,4 %.

Можно согласиться с точкой зрения П. Бакхауса, который отмечал, что город – это место языковых контактов и это позволяет рассмотреть динамику «контакта языков в городской письменной среде языковых знаков» [9. Р. 158]. По мнению ученого, «любая городская среда – это мириады письменных посланий в общественном пространстве: знаки учреждений и магазинов, рекламные щиты и неоновые вывески, дорожные знаки. Топографическая информация и карты местности; планы эвакуации и постеры политических кампаний, надписи на камне и настенные граффити. Все эти послания сводят воедино разнообразные языки и надписи, которые в своей совокупности и составляют лингвистический пейзаж местности» [9. Р. 158].

На улицах современного г. Екатеринбурга человек встречается с целым арсеналом различного рода названий организаций, фирм, клубов и так далее. Такие названия могут быть переданы:

– кириллицей, например, Бэст Вояж (турфирма), Вуаля! (салон красоты), Глобал Холидей (турфирма), Лас-Книгас (книжный супермаркет), Йогалактика (фитнес-клуб);

– латиницей, примером служат эргоурбонимы типа Grimerka (салон красоты), VetraNet (магазин верхней одежды), Fazenda (ресторан), Obuv.com (сеть магазинов стильной обуви, сумок, аксессуаров), The Perchik (семейный ресторан), PROSTO (салон красоты) и др.;

– буквами и цифрами, как 7-я (детский центр развития), 180 градусов (салон красоты), 17 Club (бар), F1 Club (бар), ВЦ – 7 (компьютерный магазин);

– буквами и компьютерными знаками, например: Детск@я компьютерн@я школ@ №1,

Toni & Guy (парикмахерский салон), Столы & Стулья (мебельный магазин), Пив&КО (сеть фирменных магазинов разливного пива), Myoblik.ru (салон красоты) и подобное;

– разными способами выделения букв, к примеру: Sunflowers (салон цветов), где вместо буквы О изображен подсолнух, Диверсант (оружейный бутик), вместо буквы Р выделено изображение револьвера, Будем! (алкомаркет), в названии которого вместо буквы У показана рюмка, ПАРАХОД (обувной магазин), в названии которого буква А представлена в виде пары ног, РУБАШКА (магазин мужской одежды), где вместо буквы У изображен ворот рубашки с галстуком, NORD24.RU (интернет-магазин сети магазинов «Норд»), где в названии вместо буквы О изображен смайлик и так далее.

Анализируя результаты проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что на территории центральных улиц города Екатеринбурга в большинстве своем преобладают названия на русском языке. Однако присутствует и большое количество названий, включающих заимствования. Следует отметить и ту часть названий, которая включает сложносоставные искусственно созданные слова. В этом случае речь идет о заимствованиях из современных европейских языков. Некоторые слова, в том числе и реалии русского языка, были транслитерированы латиницей, например: Kinoteatr «Iskra», Lada Kalina, Komandog и др., а другая часть слов иностранного происхождения транслитерирована кириллицей, такие как Л'Этуаль, Рандеву, Свит Мама, Октоберфест и так далее.

В Екатеринбурге русский язык в ряде коммуникативных ситуаций начинает вытесняться английским, несмотря на существующие законодательные акты. Можно выделить три стадии подобного вытеснения: гибридные тексты, понимание которых (пусть и не всегда в полной мере) возможно без знания английского языка; гибридные тексты, понять которые может только владеющий английским языком; полностью английские тексты (электронный авиабилет; распечатки некоторых медицинских исследований, некоторые рекламные щиты и так далее) [5. С. 37].

Список литературы

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.

2. Верещагин, Е. М. Мирознание вне и посредством языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: гипотеза (лого) эпистемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 2002. – 168 с.
3. Гумбольдт, В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. Гумбольдт // Звегинцев, В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. – М., 1964. – Ч. 1.
4. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – 80 с.
5. Кирилина, А. В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) / А. В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 2. – С. 30–39.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
7. Национальный состав, владение языками, гражданство Свердловской области. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата обращения: 21.01.2015.
8. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – С. 54.
9. Backhaus, Pr. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio / Pr. Backhaus // Multilingual Matters (136). – NY; Ontario: Clevalon, 2007. – 158 p.
10. Ben-Rafael, E. Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel / E. Ben-Rafael, E. Shohamy, M. H. Amara, N. Trumper-Hecht // International Journal of Multilingualism. – 2006. – № 3 (1). – P. 7–31.

Сведения об авторе

Гузикова Валентина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД РФ (Екатеринбург).

V.Guzikova@el.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 21–25.*

POLYLINGUALISM OF TEXTUAL SPACE OF A MODERN CITY

V. V. Guzikova

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. V.Guzikova@el.ru.

A number of foreign written texts discovered in the principal streets of Yekaterinburg are regarded and analyzed in the present paper. Foreign lexis is used in the names of different enterprises and goods. The analysis of written communication was conducted including foreign words and symbols. The paper focuses on the notion and application of one of the most recent methods of modern linguistics, namely the approach of lingual landscape (abbreviated LL). The author comes to the conclusion that the textual space of the modern city is becoming polyphonic and the language situation in written texts polylingual. Thus any human being living in a modern globalized world faces such kind of written communication containing foreign lexis or artificially made symbols, the so-called hybrids practically every day giving rise to a sort of misunderstanding and incomprehension. This means that people living in the modern world must be aware of some foreign languages in order to survive in the contemporary conditions.

Keywords: *foreign lexis, lingual landscape, Cyrillic alphabet, Latin alphabet, polyphony, ergonom.*

References

1. Vorobyev V.V. *Lingvokul'turologija (teorija i metody)* [Lingual and cultural studies (theory and methods)]. Moscow, RUDN Publ., 1997. 331 p. (In Russ.).
2. Veretchagin E.M., Kostomarov V.G. *Miroznanie вне i posredstvom jazyka. V poiskah novyh putej razvitija lingvostranovedenija: gipoteza (logo) jepistemy* [Universe knowledge outside and through the

language. In search of new ways of language study development: hypothesis (logo) epistems]. Moscow, 2002. 168 p. (In Russ.).

3. Gumboldt W. O sravnitel'nom izuchenii jazykov primenitel'no k razlichnym jepoham ih razvitija [About the comparative study of languages according to different epochs of their development]. Zvegintsev V.A. *Istorija jazykoznanija XIX–XX vekov v ocherkah i izvlechenijah* [History of language study of XIX–XX centuries in essays and abstracts]. 1964, part 1. (In Russ.).

4. Kostomarov V.G. *Nash jazyk v dejstvii: ocherki sovremennoj russkoj stilistiki* [Our language in action: essays of modern russian stylistics]. Moscow, Gardarika Publ., 2005. 80 p. (In Russ.).

5. Kirilina A.V. Perevod i jazykovoje soznanie v dinamicheskoj sinhronii: psihicheskie granicy jazyka (na materiale russkogo jazyka Moskvy) [Translation and language consciousness in a dynamic synchronome: psychic language boundaries (on the basis of the materials of the russian language of Moscow)]. *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of psycholinguistics], 2001, no. 2, pp. 30–39. (In Russ.).

6. Maslova V.A. *Lingvokul'turologija* [Lingual and cultural studies]. Moscow, Academy Publ., 2001. 208 p. (In Russ.).

7. *Nacional'nyj sostav, vladenie jazykami, grazhdanstvo Sverdlovskoj oblasti* [National composition, language acquisition, Sverdlovsk region citizenship]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki>, accessed 21.01.2015. (In Russ.).

8. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [The dictionary of russian onomastic terminology]. Moscow, Science Publ., 1988. P. 54. (In Russ.).

9. Backhaus Pr. Linguistic landscape. A comparative study of urban multilingualism in Tokio. *Multilingual matters (136)*, NY; Ontario, Clevalon Publ., 2007. 158 p.

10. Ben-Rafael E., Shohamy E., Amara M.H., Trumper-Hecht N. Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel. *International journal of multilingualism*, 2006, no. 3 (1), pp. 7–31.

УДК: 811.111.1'42
ББК: Ш143.21-7

В. А. Каменева, В. Н. Сурина

ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГИПОТЕКСТОВ МЕДИЦИНСКИХ САЙТОВ «ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ПАЦИЕНТОВ»

Проанализированы жанровые особенности гипотекстов «информация для пациентов» медицинских веб-сайтов, что позволило определить, какие жанровые особенности характерны для них. Анализ проведен на материале гипотекстов, взятых из сайтовых гипертекстов американских медицинских учреждений.

Ключевые слова: *интернет-жанроведение, жанр, жанровые характеристики, гипертекст, гипотекст.*

В данной статье представлены полученные данные по анализу жанровых характеристик гипотекстов, адресуемых пациентам и тем, кто их навещает в период пребывания в американских медицинских учреждениях. Анализируя жанровые особенности указанных гипотекстов, входящих в состав гипертекста «веб-сайт организации», мы руководствовались алгоритмом, который известен еще с античности, но в дополненном виде применяющийся современными учеными. Данный алгоритм заключается в комплексном анализе ряда аспектов: тематической направленности текстов, субстрата трансляции текста в коммуникативном пространстве, каналов и кодов передачи информации в тексте, стилистических особенностей текста, возможных адресантов и адресатов и коммуникативных целей.

Гипотексты, адресуемые пациентам и тем, кто их навещает, представлены в разделе «Пациентам». Данный раздел – один из самых объемных в составе веб-сайтов медицинских учреждений, но, несмотря на огромный массив гипотекстов, все они относятся к общей тематике – информация для пациентов медицинского заведения. Сравнение контента анализируемых веб-сайтов показало, что в состав данного раздела входит следующая информация: оплата счета за лечение, подготовка к госпитализации, пребывание в медицинском учреждении и процедура выписки, предоставляемые услуги переводчика, информация, касающаяся процедуры получения медицинских записей, расписание собраний групп поддержки, правила посещения, права и обязанности пациента, расположение аптеки, магазина подарков и парковки на территории медицинского учреждения.

Данный раздел имеет структурированную форму. Все гипотексты озаглавлены соответствующими гиперссылками, расположенными в виде списка. Активация необходимой ссылки выводит реципиента на гипотекст соответствующего содержания.

Данные гипотексты не отличаются высокой степенью креолизации. Они представляют собой статичные гипотексты, выполненные черным шрифтом на белом фоне. Информация передается посредством визуального статичного канала передачи.

Все гипотексты представляют собой исковую письменную речь, так как они были подготовлены заранее и отредактированы перед тем, как предоставлены вниманию адресата.

Отнесенность данных текстов к определенным речевым жанрам обуславливается их тематической принадлежностью, стилистическими и композиционными особенностями. Информация, касающаяся оплаты счетов за лечение, подготовки к госпитализации, правил пребывания в медицинском учреждении и процедуры выписки, предоставления услуг переводчика, процедуры получения медицинских записей, выражена гипотекстами, относящимися к жанру «инструкция». В нашем случае интенцией адресанта является указание порядка выполняемых действий в ситуации, связанной с госпитализацией пациента. С лингвистической точки зрения, для текстов данного жанра характерно использование модальных глаголов и императивов.

Субстратом гипотекстов жанра «инструкция» может служить интернет-страница либо отдельный файл формата pdf. В первом случае важно отметить, что этот субстрат не обяза-

тельно ограничен рамками данного раздела, но также может уводить реципиента на отдельный портал, посвященный данному материалу. Другими словами, гиперссылки, размещенные в гипотекстах данного жанра, могут переводить реципиента на другой сайтовый массив. О смене сайтовых гипертекстов сигнализирует смена гиперкаркаса. Например, на сайте Boston Medical Center, информируя реципиента о программе поддержки лиц, перенесших рак, адресант отсылает его на отдельный веб-сайт Центра по лечению раковых заболеваний. Гиперссылка, выделенная синим шрифтом, представляет собой название центра. Данная особенность субстрата объясняется таким его свойством, как гипертекстуальность.

С другой стороны, использование отдельного файла pdf в качестве субстрата тоже имеет преимущества. Во-первых, вся информация размещена в ограниченном пространстве, лимитированном строгими рамками, что упрощает ее поиск, скачивание и хранение. Во-вторых, анализ исследуемого материала показал, что большинство таких файлов выполнены в виде буклетов, которые характеризует высокая степень креолизации, что делает их более читабельными и запоминаемыми. В-третьих, необходимо отметить, что не всю информацию из интернет-формата можно перевести в печатный, в то время как файлы pdf оформлены в виде буклета, который может быть распечатан. Другими словами, это дает возможность заменить один субстрат на другой, в зависимости от потребности адресата. Примером такого формата служит Patient and Visitor's Guide, размещенный на сайте NewYork-Presbyterian Hospital [http://nyp.org/pdf/columbia_preparing.pdf].

Адресантом текстов данного жанра является руководство медицинского учреждения. Из названия раздела следует, что адресатом являются пациенты и посетители медицинского учреждения. Но данный круг не ограничен указанной категорией лиц. Здесь следует разграничить понятие адресат и реципиент. Адресат – лицо, которому адресант направляет информационное сообщение, в то время как реципиентом может стать любой пользователь сети Интернет, целенаправленно или ненамеренно открывший соответствующий ресурс. В связи с такими свойствами субстрата, как глобальность и открытый доступ к информации, в качестве реципиента могут выступать любые лица, обладающие физическими и техническими возможностями работы с сетью Интернет.

Главными коммуникативными целями гипотекстов жанра «инструкция» являются информационная и регулятивная, что объясняется интенциями адресанта. Прописывая необходимые процедуры при госпитализации, адресант предписывает порядок действий, которые необходимо предпринять пациенту. Правила пребывания в медицинском заведении предписывают нормы поведения как пациентов внутри учреждения, так и их посетителей. Тем самым гипотекст выполняет регулятивную функцию, регулируя поведение пациентов и посетителей.

Кроме текстов, относящихся к жанру «инструкция», раздел «Пациентам» включает информацию о правах и обязанностях пациентов. Тексты с указанной информацией изобилуют инфинитивными конструкциями, в них отсутствует прямое обращение и личные местоимения. Кроме этого, в данных текстах имеются юридические термины, например, *pursuant to law, without discrimination on account of economic status or source of payment* и др. Подобное грамматическое оформление и лексическое построение текста характерно для документов нормативно-правового характера, например, договора. Договор состоит из нескольких компонентов, один из которых – «Права и обязанности сторон». В нашем случае сторонами выступают адресант (медицинское учреждение) и адресат (пациент).

Таким образом, анализ языкового оформления позволяет отнести исследуемые гипотексты к жанрам официально-делового стиля (административно-канцелярского подстиля), в частности к жанру «договор».

Субстратом жанра «пациентам» является интернет-пространство, ограниченное рамками раздела.

Согласно исследуемому материалу, основным каналом передачи данной информации является визуально-статичные, то есть нединамичные гипотексты; динамичные тексты представлены в незначительном количестве. Как правило, данным гипотекстам не свойственна высокая степень креолизации: они не отличаются разнообразием используемых шрифтов и фонов, не всегда сопровождаются изображениями и прочими невербальными средствами передачи информации. Из общего числа кодов передачи информации данных гипотекстов обнаружены: вербальный англоязычный, цветовой, графический, визуально-изобразительный, цифровой, символный, звуковой и ви-

део-звуковой. Кроме визуального статичного канала, информация передается и визуально-динамичным – видеороликом, который сопровождается аудиодорожкой. Озвучиваемый в видеоматериале текст относится к искусственной устной речи, так как он заранее подготовлен и читается «персонажами» видеоролика без отличительных маркеров естественной речи. Адресант сообщения – руководство медицинского учреждения, адресат обозначен заголовком текста «Права и обязанности пациентов», то есть адресатом являются пациенты заведения, а также лица, планирующие ими стать.

Как отмечалось ранее, тексты жанра «договор» имеют предписывающий характер. На наш взгляд, информация, указанная в пункте «Права пациента» носит констатирующе-предписывающий характер, а текст пункта «Обязанности пациента» может быть охарактеризован как долженствующе-предписывающий. Различие заключается в интенциональном аспекте. В первом случае, главной интенцией подачи информации является констатация прав адресанта, то есть цель данного текста – информационная. Гипотекст «Обязанности пациента» определяет рамки его поведения, то есть цель данного гипотекста – регулирующая. Таким образом, текст жанра «договор», а конкретнее его часть «права и обязанности», реализует две интенции адресанта: информационную и регулирующую. Данный жанр определяется нами как простой и входит в состав сложного жанра «пациентам».

Согласно исследуемому материалу, в разделе пациентам размещается информация о группах социальной поддержки. Рассмотрим в качестве одного из примеров подобный текст, размещенный на сайте Emerson Hospital [<http://www.emersonhospital.org/en/SupportServicesAndGroups/SupportGroups/Cancer.aspx>]:

«Be Strong Cancer Exercise Program

T: 978-287-8200

Tuesdays, Thursdays: 12:00 pm–1:00 pm

This eight-week class is in collaboration with the Center for Sports Rehabilitation and Specialty Services and the Bethke Cancer Center. The class is under the direction of a qualified physical therapist and will help jump-start you on your way to fighting fatigue and improve your general well-being. The session is for eight-weeks and has rolling enrollment. Please check with your physician to be sure you are able to participate.

\$160.00 for one eight-week session. Classes are held at the Center for Sports Rehabilitation and Specialty Services – 57 Old Road to Nine Acre Corner, Concord, MA».

Данный текст имеет заголовок «Be Strong Cancer Exercise Program», указан контактный телефон, время проведения собраний, краткое описание программы, стоимость и место проведения. Данный структурный состав и небольшой объем информационного массива позволяют отнести этот текст к жанру «объявления».

Субстратом данной информации является интернет-пространство, ограниченное гиперссылками и гипотекстами данного раздела. В отличие от других субстратов, которые могут нести тексты жанра «объявление», страница веб-сайта является более прагматичным. Благодаря свойствам, отличающим интернет-пространство, информация становится легко-обновляемой, что позволяет заменять одни объявления более актуальными. Круг реципиентов не ограничен территориально в связи с глобальностью сети Интернет.

Что касается адресата, здесь им являются лица, проходящие лечение от раковых заболеваний. В объявлении о занятиях группы «Melanoma Support» адресатом являются пациенты, страдающие от меланомы. Другими словами, адресат сообщения соответствует субъекту групповых занятий. Следует отметить, что адресат сообщений детерминирован заголовком объявления, в то время как реципиентом может стать любое лицо, заинтересованное данным типом информации и имеющее технический доступ к сети Интернет.

Информация передается посредством визуального статичного канала. Тематика информации, передаваемой статичными текстами данного жанра, объясняет отсутствие невербальных компонентов в структуре сообщения, так как их использование не требуется согласно интенциям адресанта. Информация передается посредством вербального англоязычного, цветового, графического, визуально-изобразительного, цифрового и символического кодов.

Тексты-объявления о группах поддержки имеют две коммуникативные цели. Во-первых, они информируют адресата о времени и месте проведения собрания, тем самым реализуя информационную интенцию адресанта. Во-вторых, извещая реципиента о существующих группах поддержки и приглашая принять в них участие, тексты рекламируют их, то есть обе-

спечивают достижение второй коммуникативной интенции – рекламной.

В раздел «Пациентам» исследуемых нами сайтовых гипертекстов адресант включает информацию о расположении кампусов, парковки, магазинов на территории медицинского учреждения. Как показал материал исследования, данная информация представлена в виде карт-схем, где отмечены все помещения и их назначение.

Как и у текстов жанра инструкции, рассмотренных нами ранее, субстратом данной информации может служить как страница веб-сайта, так и отдельный файл pdf, который может быть загружен по желанию пользователя.

Карты-схемы характеризуются тем, что передают информацию посредством вербального и невербального кода. В данном случае вербальные номинанты интегрированы в визуальный компонент. При отсутствии любого из них сообщение не будет передано. Канал передачи информации – визуальный статичный.

Исходя из назначения данной информации, адресатом может являться пациент или посетитель данного медицинского учреждения.

Интенцией адресанта при размещении карты-схемы территории учреждения является информирование адресата о расположении различных корпусов больницы, в том числе отделения неотложной помощи, дорожной развязки, специализированных парковок. Таким образом, карты-схемы выполняют информационную функцию.

Итак, сравнительный анализ гипертекстов англоязычных сайтов медицинских учреждений показал, что совокупность гипотекстов раздела «Пациентам» имеет характеристики, свойственные сложному жанру, который характеризует тематическая, композиционная и стилистическая общность. Субстратом гипотекстов данного жанра является интернет-пространство, ограниченное гиперссылками и гипотекстами данного раздела. Размещение текстов обусловлено постановкой следующих коммуникативных интенций: информационной, регулирующей, имиджевой и рекламной. Адресант определен как руководство медицинского учреждения, адресат – пациенты и лица, готовящиеся ими стать. Являясь сложным жанром, он включает в себя простые: «инструкция», «договор», «объявление», «контакты», где информация передается посредством ряда кодов: вербальным англоязычным, цветовым, графическим, визуально-изобразительным,

цифровым, индексным, символьным, звуковым и видео-звуковым. Данный жанр встречается во всех гипертекстах исследуемых нами англоязычных сайтов медицинских учреждений, поэтому относится нами к типу «ядерный». Несмотря на то, что отдельные простые жанры, входящие в состав сложного жанра «пациентам», могут быть определены как первичные, вследствие специфики субстрата (интернет-пространство сайтового гипертекста) и их интеграции в один жанр, мы детерминируем сложный жанр «пациентам» как вторичный.

Список литературы

1. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторики : собрание текстов, статьи, комментарии / под ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: МГУ, 1978. – С. 337–692.
2. Анисимова Т. В. О принципах классификации риторических жанров / Т. В. Анисимова // Речевое общение: Специализированный вестник. – 2000. – Вып. 2 (10). – С. 43–48.
3. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // Вестник Башкирского государственного педагогического университета: Гуманитарные науки. – 2001. – № 1. – С. 4–11.
4. Сурина В. Н. Электронный календарь событий. Жанровые характеристики / В. Н. Сурина, В. А. Каменева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 16 (345). Филология. Искусствоведение. Вып. 91. – С. 132–135.
5. URL: <http://www.hscpediatriccenter.com>.
6. URL: <http://www.gwhospital.com>.
7. URL: <http://www.downtownhospital.org>.
8. URL: <http://www.marywashingtonhealthcare.com>.
9. URL: <http://www.dimensionshealth.org>.
10. URL: <http://www.whcenter.org>.
11. URL: <http://www.childrenhospital.org>.
12. URL: <http://www.beverlyhospital.org>.
13. URL: <http://www.bmc.org>; <http://www.dmc.org>.
14. URL: <http://www.emersonhospital.org>.
15. URL: <http://steward.org/Good-Samaritan>.
16. URL: <http://www.winchesterhospital.org>.
17. URL: <http://www.nmh.org>.
18. URL: <http://www.orthohospital.org>.
19. URL: <http://www.rwmc.org>.
20. URL: <http://www.alegentcreighton.com/immanuel-medical-center>.

Сведения об авторе

Каменева Вероника Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кемеровского государственного университета.
russia_science@mail.ru

Сурина Вера Николаевна – преподаватель английского языка Кемеровской государственной медицинской академии.
vsurina@hotmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 26–31.*

GENRE CHARACTERISTICS OF MEDICAL WEB SITE HYPOTEXTS “INFORMATION FOR PATIENTS”

V. A. Kameneva

*Doctor of Philology, Professor of the Chair of English Philology of the Kemerovo State University.
russia_science@mail.ru*

V. N. Surina

Teacher of English, Kemerovo State Medical Academy. vsurina@hotmail.ru

In the article, genre peculiarities of the hypotexts “Information for patients” of the medical web sites were analyzed. It allowed us to determine their genre characteristics. The analysis was carried out on the basis of hypertexts material taken out of site hypertexts of American medical institutions.

Keywords: *internet genre studies, genre, genre characteristics, hypertext, hypotext.*

References

1. Aristotel'. Ritorika [Rhetoric]. *Antichnye ritoriki* [Antique rhetoric]. Moscow, MGU, 1978. Pp. 337–692. (In Russ.).
2. Anisimova T.V. O principah klassifikacii ritoricheskikh zhanrov [On the principles of classification of rhetorical genres]. *Rechevoe obshhenie: Specializirovannyj vestnik* [Speech dialogue: specialized bulletin], 2000, iss. 2 (10), pp. 43–48. (In Russ.).
3. Lebedeva N.B. Estestvennaja pis'mennaja russkaja rech' kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija [Natural written Russian language as an object of linguistic research]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Bashkir State Pedagogical University: Humanities], 2001, no. 1, pp. 4–11. (In Russ.).
4. Surina V.N. Jelektronnyj kalendar' sobytij. Zhanrovyje harakteristiki [Electronic calendar of events. Genre characteristics]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 16 (345), iss. 91, pp. 132–135. (In Russ.).
5. Available at: <http://www.hscpediatriccenter.com>.
6. Available at: <http://www.gwhospital.com>.
7. Available at: <http://www.downtownhospital.org>.
8. Available at: <http://www.marywashingtonhealthcare.com>.
9. Available at: <http://www.dimensionshealth.org>.
10. Available at: <http://www.whcenter.org>.
11. Available at: <http://www.childrenhospital.org>.
12. Available at: <http://www.beverlyhospital.org>.
13. Available at: <http://www.bmc.org>; <http://www.dmc.org>.
14. Available at: <http://www.emersonhospital.org>.
15. Available at: <http://steward.org/Good-Samaritan>.

16. Available at: <http://www.winchesterhospital.org>.
17. Available at: <http://www.nmh.org>.
18. Available at: <http://www.orthohospital.org>.
19. Available at: <http://www.rwmc.org>.
20. Available at: <http://www.alegentcreighton.com/immanuel-medical-center>.

УДК: 811.11 - 111,
ББК: Ш143.21

Л. Н. Каримова

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

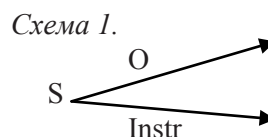
Приводится подробный анализ когнитивных процессов, лежащих в основе формирования значения глагольных фразеологических единиц английского языка. Глагол, функционируя в рамках фразеологических единиц, основанных на когнитивной метафоре, меняет свою когнитивную конструкцию за счет изменения слотов во фреймовой структуре глагола, а также изменения семантического типа предиката.

Ключевые слова: фразеологическая единица, когнитивная метафора, ориентационная метафора, когнитивная конструкция, фреймовая структура, семантический тип предиката.

В данной статье рассматриваются когнитивные механизмы формирования глагольных фразеологических единиц (ФЕ) английского языка. Глагольные фразеологические единицы представляют собой устойчивые сочетания, значение которых не выводится из прямого, тривиального значения слов, а формируется за счет сложных когнитивных механизмов переосмысления значений компонентов ФЕ. Анализ английских глагольных ФЕ показал, что одним из механизмов формирования значения является когнитивная метафора. Существует множество подходов, объясняющих феномен метафоричности мышления, но системность в описании метафоры как когнитивного механизма привнесла теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона, представленная в книге «Metaphors We Live by». Авторы многочисленными примерами доказывают, что метафора как неотъемлемая часть сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. По словам ученых, «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [6. С. 25]. Подобный подход позволяет рассматривать метафору не только в рамках языковой системы, но и как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры.

Такой комплексный подход к метафоре и называется когнитивным. С этих позиций мы рассматриваем формирование значения глагольных ФЕ. Как уже было сказано выше, значение ФЕ не выводится из прямого значения его компонентов. Гипотезой нашего исследования является тезис о том, что появление

новых смыслов слов в ФЕ происходит за счет изменения прототипического, тривиального значения глагола в результате употребления в иной когнитивной конструкции. Рассмотрим это на примере ФЕ *работать спустя рукава*. С. И. Ожегов дает следующее определение глагола *работать*: «трудиться над чем-нибудь, находиться в труде, в работе» [15]. Опираясь на теорию семантического фрейма, мы выделяем во фреймовой структуре прототипического значения глагола *работать*, как минимум, три слота. Данная фреймовая структура может быть схематично изображена следующим образом:

В данной схеме S означает Субъект (Деятель), который выполняет трудовое действие; O – Объект (эффект или аффект), над которым воспроизводится трудовое действие; Instr – Инструмент, при помощи которого данное трудовое действие производится над объектом. При этом в качестве Инструмента могут выступать руки человека, а также предмет труда, который человек держит в руке и при помощи которого выполняет трудовое действие. Эффективность работы во многом зависит от того, каким образом субъект выполняет действие: двигаются ли его руки свободно, или движение затруднено настолько, что выполнить трудовое действие вообще невозможно.

В результате сочетания глагола *работать* со словами *спустя рукава* слот фрейма, несущий

щий информацию об инструменте выполнения трудового действия, сохраняется формально, но при этом его содержание изменяется: вместо инструмента выполнения действия слот заполняется информацией о невозможности его выполнения (*спустя рукава*). В этом случае происходит замена когнитивной конструкции: вместо когнитивной конструкции *трудового действия* новая конструкция несет информацию о *лени*. Конструкция «лени» опирается не только на семантику глагола, но и на всю фразеологическую единицу в целом. Таким образом, прототипическое, тривиальное значение глагола *работать* полностью меняется за счет того, что глагол *работать* в новой когнитивной конструкции функционирует не сам по себе, а в сочетании со словами *спустя рукава*, становясь неотъемлемой частью ФЕ. Содержание слота Инструмента во фреймовой структуре глагола *работать* изменяется, в результате чего словосочетание *работать спустя рукава* приобретает фразеологическое значение.

Конструкция проанализированной когнитивной метафоры представляет собой взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры источника (*работать*) и когнитивной структуры цели (*лениться*), при этом область цели структурируются по образцу источника, то есть происходит метафорическая проекция.

Область источника является наиболее конкретным знанием, получаемым человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью, а область цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание. Поэтому при помощи «относительно простых когнитивных структур» области источника нам легче понять более сложные когнитивные структуры области цели [6. С. 13]. Рассмотрим это положение на следующих примерах:

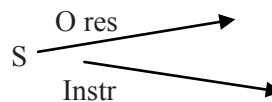
(1) *She became an enemy of God by making food her golden idol; she dug her own grave with a fork and knife. (Prodigies. Pamela Ditchoff. British National Corpus).*

(2) *He dug a grave with his sword and buried the poor-girl. (The kingdom under the sea and other stories. Joan Aiken. British National Corpus).*

В предложении (1) когнитивная структура области цели ФЕ *dig her own grave* базируется на тривиальной области источника *dig a grave*. Если рассмотреть фреймовую структуру прототипического значения глагола *dig* 'to break up and move soil using a tool, a machine, or your

hands'[16], как, например, в предложении (2), то мы увидим, что она относительно проста: субъект производит при помощи инструмента трудовое действие, в результате которого появляется новый объект. Схематично данный фрейм можно изобразить следующим образом:

Схема 2.

В рассматриваемой фреймовой структуре слот Субъекта характеризуется семантической ролью Деятеля (he), который обладает признаками волеизъявления и контролируруемости приложения силы; слот Объекта характеризуется семантической ролью Объекта *Результатива* (a grave), так как является непосредственным результатом трудового действия (dig), производимого Субъектом *Деятелем* при помощи инструмента (sword).

Если рассмотреть фреймовую структуру глагола *dig* в окружении слов *her own grave* и *with a fork and knife*, то мы видим, что происходит метафорическая проекция элементов области источника в область цели, то есть структура фрейма глагола *dig* сохраняется, но семантика частично меняется, осложняясь когнитивной метонимией. Объект характеризуется признаком результативности (так же, как и во фреймовой структуре глагола *dig* в его прототипическом значении), но результатом (Объект *Результатив*) в данном случае является не могила, а смерть самого субъекта. Изменяется семантика слота Инструмента, который содержит информацию не о типичном орудии труда для копания, а о столовых приборах (*fork and knife*). Данный метонимический перенос (*fork and knife*) заменяет множество ситуаций, связанных с перееданием, неразборчивостью в еде.

Происходит изменение семантического типа предиката *dig*. В прототипическом значении предикат *dig* является конкретным действием, контролируемым Субъектом *Деятелем*, денотат которого «лежит» на оси времени, а в составе фразеологического единства *dig her own grave* денотат предиката *dig* абстрагирован от оси времени, представляет собой некое множество действий, релевантных для любой точки на оси времени. Предикат *dig* усложняет свою гетерогенность: вместо простых движений, характерных для трудового действия, он передает информацию о случаях приема пищи.

Таким образом, в результате изменений в слотах Объекта и Инструмента во фреймовой

структуре глагола *dig*, а также смены семантического типа предиката, глагол *dig* меняет свою семантику, которая несет информацию не о конкретном трудовом действии, а о гетерогенном действии переедания, приведшего к смерти.

Семантика гетерогенности действия сохраняется и в ФЕ *dig one's own grave*, представленной в словаре Collins Cobuild Dictionary of Idioms в значении 'put yourself in a difficult situation by doing something wrong or making foolish mistakes' [17. С. 169]. В данном случае ФЕ выражает обобщенную семантику, связанную с различными ситуациями попадания в затруднительное положение в результате собственных действий. Иными словами, ФЕ выражает семантику, типизирующую множество ситуаций, одной из которых может быть и ситуация переедания, как, например, в предложении (1).

В семантическом фрейме ФЕ *dig one's own grave* каждый слот выражает более общую семантику: семантика Объекта *Результатива* (смерть) коррелирует с понятием затруднительной ситуации (put yourself in a difficult situation), семантика Инструмента, указывающая на причину возникновения Объекта *Результатива*, коррелирует с понятием совершения ошибки (by doing something wrong or making foolish mistakes). Таким образом, область цели ФЕ *dig one's own grave* представляет собой еще более абстрактный уровень осмысления действительности по сравнению с ФЕ *dig her own grave (with a fork and knife)* в предложении (1).

Как было отмечено, область цели формируется на основании знаний в области источника. Эти знания в области источника могут быть организованы в виде «схем-образов» (image schemas) – относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью, например, «верх – низ», «вместилище», «путь», «баланс» [14. С. 267]. Схемы-образов структурируют когнитивную конструкцию метафоры и определяют ее тип. Так, метафоры, строящиеся по схеме-образов, связанных с ориентацией в пространстве, а именно, «верх – низ», «передняя сторона – задняя сторона», «на поверхности – с поверхности», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный», называются ориентационными. Рассмотрим данный тип когнитивной метафоры на примере следующих фразеологических единиц:

(3) *Labour says that young people on waiting lists for youth training fall between two stools. They can't get unemployment benefit, nor can they get the allowance for the scheme they are waiting to get on. (Collins Cobuild Dictionary of Idioms).*

(4) *He fell to the ground and never regained consciousness. (The Daily Mirror. British National Corpus).*

В примере (3) фразеологическая единица *fall between two stools* является примером ориентационной метафоры, область источника которой основывается на схеме-образов UP/DOWN. Когнитивная область цели рассматриваемой ФЕ строится на основе когнитивной конструкции прототипического значения глагола *fall*. Так, в предложении (4) глагол *fall* употреблен в его прототипическом значении и выражает семантику, связанную с падением субъекта на горизонтальную поверхность. Фреймовая структура глагола *fall* в его прототипическом значении может быть изображена при помощи следующей схемы:

Схема 3.

В данной фреймовой структуре Субъект характеризуется семантической ролью Агентива, так как отсутствуют признаки волеизъявления и контролируемости приложения силы, а Локатив означает конечное местоположение Субъекта Агентива, при этом UP означает «быть в вертикальном положении», а DOWN – «быть в горизонтальном положении». Опираясь на теорию фазового состава семантической структуры предиката, мы выделяем три этапа, которые раскрывают процесс изменения денотата предиката *fall*. Так, предшествующим этапом (onset) в описываемой в предложении (4) ситуации является то, что Субъект находится в вертикальном положении, стоит, центральный этап (nucleus) содержит информацию о том, что Субъект падает на землю, а последующий этап (coda) выражает то, что происходит с Субъектом после падения, его состояние. При этом акцент в прототипическом значении глагола *fall* делается именно на центральный этап (nucleus).

Если рассмотреть более детально фреймовую структуру глагола *fall* в окружении слов *between two stools*, то мы увидим, что содержание слотов меняется. А именно, уточняется семантика Локатива, который теперь содержит

информацию не просто о переходе из вертикального положения в горизонтальное, но и то, что это в исходной позиции человек опирается на две точки (*two stools*). Принимается во внимание то, что исходное положение было неустойчивым, в результате чего происходит падение.

Структура фрейма области источника проецируется в область цели с изменением семантики Локатива: семантика неустойчивого положения коррелирует с понятием затруднительной ситуации, связанной с невозможностью принадлежать ни к одной из социальных категорий (в примере (3) этими категориями являются противопоставленные друг другу категории безработных (*unemployment benefit*) и людей, занятых работой (*allowance for job*); а семантика падения (положение DOWN) коррелирует с понятием фрустрации.

Таким образом, когнитивная конструкция ФЕ *fall between two stools* несет информацию не о падении субъекта на горизонтальную поверхность, как в области источника, а информацию о затруднительной ситуации и связанном с ней состоянии неудовлетворенности, фрустрации. В данном случае акцент в значении глагола *fall* смещается с центрального этапа (*nucleus*) на последующий этап (*coda*).

Изменение фреймовой структуры глагола *fall* приводит к тому, что меняется и семантический тип предиката *fall*. Денотат предиката *fall* означает не процесс, локализованный на оси времени в виде отрезка $t - t_1$, имеющего четкие границы начала и конца, как в области источника, а состояние, локализованное на оси времени в виде отрезка $t - t_n$, не имеющего определенной точки окончания.

Таким образом, в результате перехода из когнитивной конструкции «локального присутствия в пространстве», строящейся по схеме-образов UP/DOWN, в когнитивную конструкцию «затруднительного положения» глагол *fall* меняет свое прототипическое значение, а словосочетание *fall between two stools* приобретает фразеологическое значение 'to be in an unsatisfactory situation because you do not belong to either of two groups or categories' [17. С. 370].

Ориентационные метафоры не только определяют структуру когнитивной области источника, но и придают пространственную ориентацию концепту, лежащему в основе области цели ФЕ. Исследование показало, что глагольные ФЕ, значение которых формируется за счет когнитивной ориентационной метафоры, могут основываться на различных концептах,

но общим для них будет то, что, например, такие понятия как здоровье, успех, счастье «ориентированы» вверх (UP), а понятия болезни, неудачи и т. п. «ориентированы» вниз (DOWN).

Рассмотрим примеры, в которых просматриваются когнитивные ориентационные метафоры UP/DOWN, основанные на концептах REVIVAL IS UP, BEING REALISTIC IS DOWN.

(5) *I could not believe I had done it. I had risen from the dead and my career had survived the ultimate test. (Collins Cobuild Dictionary of Idioms).*

(6) *She had risen at dawn each day, when the sky was still apricot-coloured and swum naked and alone as the sun rose. (Twentieth century British history. British National Corpus).*

В предложении (5) ФЕ *rise from the dead* является примером когнитивной ориентационной метафоры, область цели которой строится на основании концепта REVIVAL IS UP. Когнитивная область цели рассматриваемой ФЕ строится на основе когнитивной конструкции прототипического значения глагола *rise*. Так, в предложении (6) глагол *rise* употреблен в прототипическом значении и несет в себе семантику пространственного движения снизу вверх. Фреймовая структура глагола *rise* в данном случае включает в себя три слота и строится по схеме-образов UP/DOWN:

Схема 4.

Loc 2 UP

S Loc 1 DOWN

Данная схема показывает, что Субъект выполняет движение в пространстве из положения Loc 1 в положение Loc 2, направленное снизу вверх. Положение Loc 1 означает стартовую позицию субъекта, а положение Loc 2 выражает конечную (результативную) позицию субъекта. Иными словами, семантика прототипического значения глагола связана с перемещением субъекта из положения DOWN в противоположное ему положение UP.

Данная фреймовая структура прототипического значения глагола *rise* проецируется и в области цели ФЕ *rise from the dead*, но при этом содержание ее слотов меняется. Содержание слота Локатива, а именно, движение из DOWN

в UP, метафорически переосмысливается. Теперь DOWN ассоциируется с периодом неудач, провалов в карьере, а UP – с началом нового периода, связанного с успехом. Переход из DOWN в UP в когнитивной конструкции области цели связан с концептом восстановления, когда человек после периода неудач в карьере снова начинает верить в себя, в свой успех.

В результате сочетания глагола *rise* со словами *from the dead* меняется и семантический тип предиката *rise*, денотат которого означает, в отличие от денотата предиката *rise* в его прототипическом значении, не гомогенное, локализованное на временной оси действие, а гетерогенное действие со значением класса, абстрагируемое от оси времени.

Таким образом, глагол *rise* из когнитивной конструкции «движение наверх» попадает в когнитивную конструкцию «восстановления», которая выражается концептом REVIVAL IS UP. Прототипическое значение глагола *rise* меняется, а словосочетание *rise from the dead* приобретает фразеологическое значение 'become active or successful again after a period of being inactive or unsuccessful' [17. С. 96].

(7) *I was thrilled by the mountains and the snow, by the magically fresh air, and then quickly came down to earth and started to spend money in the shops. (Collins Cobuild Dictionary of Idioms).*

(8) *The plane came to earth and skated its mile-long catwalk. (I believe in angels. Fiona Cooper. British National Corpus).*

В предложении (7) ФЕ *come down to earth* является примером когнитивной ориентационной метафоры, область цели которой строится на основании концепта BEING REALISTIC IS DOWN. Когнитивная конструкция рассматриваемой ФЕ строится на основе когнитивной конструкции глагола *come* в его прототипическом значении, связанном с семантикой перемещения по направлению к какому-либо объекту. Так, в предложении (8) глагол *come* означает пространственное перемещение субъекта сверху вниз по направлению к горизонтальной поверхности. Фреймовая структура глагола *come* в его прототипическом значении имеет как минимум три слота и строится по следующей схеме:

Схема 5.

S Loc 1 UP

Loc 2 DOWN

Согласно схеме, Субъект переходит из положения Loc 1 в положение Loc 2, при этом точка Loc 1 находится на некотором расстоянии выше, чем Loc 2. В примере (8) субъект (*the plane*) характеризуется семантической ролью Агентива, так как является неодушевленным предметом и не обладает признаком волеизъявления. Актанты, заполняющие слоты Loc 1 и Loc 2, характеризуются семантической ролью Локатива и содержат информацию о местоположении Субъекта *Агентива*, который переходит из положения UP в положение DOWN (*earth*).

Если рассмотреть когнитивную конструкцию ФЕ *come down to earth*, то мы увидим, что фреймовая структура глагола *come* меняется, информация в слотах метафорически переосмысливается. Слоты Локатива во фреймовой структуре глагола *come* в его контекстуальном значении несут информацию не о перемещении объекта, а об эмоциональном состоянии Субъекта, который в данном случае характеризуется семантической ролью Деятеля. Происходит метафорическая проекция: быть в положении UP – значит испытывать сильные положительные эмоции (*be thrilled by the mountains and the snow, by the magically fresh air*); быть в положении DOWN – значит вернуться к реальности, к своим повседневным делам, не вызывающим сильных эмоций (*spend money in the shops*). Глагол *come* переходит из когнитивной конструкции «пространственного перемещения» в когнитивную конструкцию «быть реалистичным», основанную на концепте BEING REALISTIC IS DOWN.

Происходит изменение семантического типа предиката *come*, который, будучи процессом в прототипическом значении, становится предикатом состояния, денотат которого локализован на оси времени. При этом концептуализируется не пофазовое изменение денотата, а отрезок времени, в течение которого субъект занимается своими повседневными делами, становится практичным, реалистичным.

Таким образом, в результате изменения когнитивной конструкции, произошедшего за счет метафорического переосмысления содержания Локатива во фреймовой структуре глагола, а также изменения семантического типа предиката, глагол *come* меняет свое прототипическое значение, а выражение *come down to earth* приобретает фразеологическое значение 'to face the reality of everyday life after a period of great excitement' [17. С. 118].

Анализ исследуемого материала показал, что значение глагольных ФЕ английского языка может формироваться за счет изменения когнитивной конструкции глагола. Глагол, функционируя в рамках ФЕ, попадает в иную когнитивную конструкцию, отличную от когнитивной конструкции глагола в его прототипическом значении. В ФЕ, основанных на когнитивной метафоре, смена когнитивной конструкции глагола происходит за счет следующих механизмов:

1. Изменение содержания слота Локатива во фреймовой структуре глагола (примеры с ФЕ *fall between two stools, rise from the dead, come down to earth*).

2. Изменение содержания слота Объекта во фреймовой структуре глагола (пример с ФЕ *dig her own grave*).

3. Смена семантического типа предиката процесса на семантический тип состояния (примеры с ФЕ *fall between two stools, rise from the dead, come down to earth*).

4. Переход глагола из группы гетерогенных предикатов в группу предикатов с осложненной гетерогенностью (пример с ФЕ *dig her own grave*).

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Элпис, 2008. – 269 с.

2. Амирова, О. Г. Семантическая модель английских глаголов управления : дис. ... канд. филол. наук / О. Г. Амирова. – Уфа, 2002. – 190 с.

3. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Тамбовский университет, 2001. – 123 с.

4. Бондаренко, А. В. Локализованность как степень конкретности денотативной ситуации / А. В. Бондаренко // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Горького. – 1988. – Вып. 330. – С. 84–92.

5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

6. Маракуин, Л. Р. Семантические модификации предикатов в метеоинформационных текстах : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2012. – 195 с.

7. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

8. Селиверстова, О. Н. Семантические типы предикатов в английском языке / О. Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 86–216.

9. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

10. Шабанова, Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения / Т. Д. Шабанова. – М.: ИЯ РАН – Уфа, 1998. – 198 с.

11. Шабанова, Т. Д. Семантические типы предикатов как проблема ментального представления / Т. Д. Шабанова // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранными языками и литературоведения в свете межкультурной коммуникации. – Уфа: БГПУ, 2011. – С. 313–315.

12. Freed, Alice F. The Semantics of English Aspectual Complementation / Alice F. Freed. – Dordrecht; London, 1979. – 172 p.

13. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things / G. Lakoff // What Categories Reveal about the Mind. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990. – 614 p.

Список словарей

14. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – URL: <http://www.ozhegov.org/>. – Дата обращения: 20.01.2015.

British National Corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. – Дата обращения: 20.01.2015.

15. Cambridge Dictionaries. – URL: <http://www.cambridgedictionaries.com>. – Дата обращения: 20.01.2015.

16. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. – London; Glasgow, 1997. – 493 p.

Сведения об авторе

Каримова Лилия Наилевна – заместитель директора по учебно-производственной работе, преподаватель английского языка Уфимского многопрофильного профессионального колледжа.
english_1@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).

Philology. Arts. Issue 96. Pp. 32–39.

COGNITIVE METAPHOR AS A BASE OF THE MEANING CONSTRUCTION OF VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH LANGUAGE

L. N. Karimova

Deputy director for educational and production work, an English teacher. english_1@mail.ru

The article gives a detailed analysis of cognitive processes which are a part of the meaning construction of verbal phraseological units in the English language. A verb being a part of a phraseological unit based on a cognitive metaphor changes its cognitive structure according to variations in a verb frame, as well as the changes of a semantic type of a predicate.

Keywords: *phraseological unit, cognitive metaphor, orientational metaphor, cognitive structure, frame structure, semantic type of a predicate.*

References

1. Alefirenko N.F. *Frazeologija v svete sovremennyh lingvističeskikh paradigim* [Phraseology in the light of modern linguistic paradigm]. Moscow, Jelpis, 2008. 269 p. (In Russ.).
2. Amirova O.G. *Semantičeskaja model' anglijskih glagolov upravlenija* [Semantic model of English verbs Management]. Ufa, 2002. 190 p. (In Russ.).
3. Boldyrev N.N. *Kognitivnaja semantika* [Cognitive semantics]. Tambov, Tambov university Publ., 2001. 123 p. (In Russ.).
4. Bondarenko A.V. Lokalizovannost' kak stepen' konkretnosti denotativnoj situacii [Localization of the degree of specificity denotative situation]. *Sbornik nauchnyh trudov MGPIIJa im. M. Toreza* [Collection of scientific works Moscow State Pedagogical Institute. M. Torez], 1988, iss. 330, pp. 84–92. (In Russ.).
5. Lakoff, Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my živjom* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russ.).
6. Marakuin L.R. *Semantičeskie modifikacii predikatov v meteoinformacionnyh tekstah* [Semantic predicates in 'Weather modification of texts']. Ufa, 2012. 195 p. (In Russ.).
7. Minskij M. *Frejmy dlja predstavlenija znanij* [Frames for knowledge representation]. Moscow, Jenergija, 1979. 151 p. (In Russ.).
8. Seliverstova O.N. Semantičeskie tipy predikatov v anglijskom jazyke [Semantic types of predicates in English]. *Semantičeskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow, Nauka Publ., 1982. Pp. 86–216. (In Russ.).
9. Seliverstova O.N. *Trudy po semantike* [Works on semantics]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004. 960 p. (In Russ.).
10. Šabanova T.D. *Semantičeskaja model' anglijskih glagolov zrenija* [Semantic model of English verbs]. Moscow, IJa RAN Publ., 1998. 198 p. (In Russ.).
11. Šabanova T.D. Semantičeskie tipy predikatov kak problema mental'nogo predstavlenija [Semantic model of English verbs]. *Problemy lingvistiki, metodiki obučenija inostrannymi jazykami i literaturovedenija v svete mezhkul'turnoj kommunikacii* [Problems of linguistics, methodology of teaching foreign languages and literature in the light of intercultural communication]. Ufa, BGPU Publ., 2011. Pp. 313–315. (In Russ.).

12. Freed A.F. *The Semantics of English Aspectual Complementation*. London, Dordrecht, 1979. 172 p.
13. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. *What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1990. 614 p.
14. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka* [Russian dictionary]. Available at: <http://www.ozhegov.org/>, accessed 20.01.2015. (In Russ.).
15. *British National Corpus*. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>, accessed 20.01.2015.
16. *Cambridge Dictionaries*. Available at: <http://www.cambridgedictionaries.com>, accessed 20.01.2015.
17. Collins Cobuild *Dictionary of Idioms*. London, Glasgow, 1997. 493 p.

ББК 81.2,
УДК 8.81.811

Т. А. Кутенева

РЕФЛЕКСИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕОЛОГЕМ ПРОПАГАНДА И АГИТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Статья посвящена выявлению аксиологических изменений актуальных на данном этапе развития российского общества идеологием пропаганда и агитация. В условиях современной действительности происходит переосмысление концептов советской эпохи. Особое внимание уделено рефлексивным высказываниям по поводу лексем пропаганда и агитация в текстах современных российских СМИ, которые фиксируют аксиологическую неустойчивость данных идеологием.

Ключевые слова: идеологема, языковая рефлексия, лексема пропаганда, лексема агитация, оценочность, метаязыковые высказывания.

Начало третьего тысячелетия в России отмечено общественным переосмыслением культурных ценностей и установок советской эпохи. В условиях современной действительности активизируется употребление идеологически маркированных единиц *пропаганда* и *агитация*. Идеологемы в текстовом пространстве российских печатных СМИ подвергаются рефлексивному осмыслению, что позволяет зафиксировать аксиологические сдвиги лексических единиц.

В сознании современного носителя языка пересматриваются сложившиеся представления о мире. «Обновление концептуального мира носителя языка, концептуализация знаний о преобразующемся мире при представлении их в языковой форме сопровождается оценочной интерпретацией языкового знака, которая проявляется в феномене метаязыкового комментирования, в обостренной рефлексии носителя языка» [2. С. 23]. Рефлексия представляет собой особый речемыслительный механизм, вербальной формой которого является рефлексив. Под рефлексивом понимается относительно законченное высказывание, содержащее комментарий к употребляемому слову или выражению.

Метаязыковая деятельность является обязательным компонентом языковой способности носителя языка и отражает обыденное сознание индивида. В метаязыковом обыденном сознании осмыслению подвергаются наиболее значимые для данного синхронного среза ключевые концепты эпохи. В современной общественно-политической ситуации рас-

шатывания социальных устоев происходит резкая мировоззренческая переориентация «человека советского». Складывающаяся российская культура формируется из рефлексивного переосмысления культурных ценностей и установок советской эпохи. Метаязыковые высказывания дают возможность проследить ценностную переориентированность человека в окружающем мире.

Задача статьи – показать происходящие аксиологические изменения идеологием *пропаганда* и *агитация* на основе наблюдений за метаязыковым комментированием говорящих по поводу данных лексем в текстах печатных российских СМИ. Материалом исследования послужили рефлексивные высказывания, собранные методом сплошной выборки из центральных и региональных средств массовой информации с 1995 г. по 2014 г. при помощи электронной информационной базы данных «Интегрум».

Идеологически маркированные базовые лексемы *идеология*, *пропаганда* и *агитация*, входящие в «фундаментальный лексикон» тоталитарного общества, получили положительную оценочную окраску в рамках советской системы ценностей [9]. Советская идеология как профессионально «сконструированная, многомерная система идеологием, отражающая основные ценностные ориентиры советского общества, тесно связана с подчиненным ей пропагандистским дискурсом. В свою очередь, лексема *пропаганда* устойчиво закрепились в языке советского времени в виде словосочетания *пропаганда и агитация*, свидетельству-

ющего о неразрывной связи данных единиц» [8. С. 107].

Приватизированное советским дискурсом идеологическое содержание лексем *пропаганда* и *агитация* провоцирует негативную оценку данных единиц в постсоветский период. Прежде всего, наибольшей дискредитации в общественном сознании подверглось слово *пропаганда*, поскольку лексема *агитация* всегда имела политизированный характер, и агитационные тексты не скрывали своей воздействующей целенаправленной функции и были принадлежностью политического языка.

Проанализированные нами метаязыковые высказывания по поводу слов *пропаганда* и *агитация* позволяют выявить оценочное отношение говорящего к идеологемам. Массив контекстов содержит общеотрицательную оценку этих слов. В большинстве рефлексивных высказываний аксиологическая семантика может быть представлена негативно окрашенными прилагательными, характеризующими идеологемы: *Старались забыть презренное слово «пропаганда»* (Новое время. 23.01.2000); *Слово «пропаганда» давно стало ругательным в нашей стране* (Известия. 19.12.2001); *В слове «пропаганда» есть что-то агрессивное еще с советских времен* (Российская газета. 21.12.2001); *Страшное слово «агитация»* (Российская газета. 13.02.2004); *Слово «пропаганда» стало бранным* (Независимая газета. 13.04.2005); *Слово «пропаганда» имеет в языке эдакий негативный оттенок* (Волгоградская правда. 24.03.2009) и др.

Кроме отрицательной оценки, рефлексивы могут включать конкретные негативные смыслы, которые демонстрируют набор сем, заложенных в коннотативной части: *Слово «пропаганда» у нас вдруг стало ругательным, синонимом ангажированности, идеологической нечистоплотности и вообще общественного зомбирования* (Российская газета. 14.11.1997); *Чего точно не будет на нашем канале, так это кампанийщины, хамства, лжи, безответственности, то есть всего того, что называется одним словом – «пропаганда»* (Итоги. 16.09.2003); *В самом слове «пропаганда» уже заложена доля лукавства, хитрости и манипуляции* (Дело. 29.05.2006); *Основные демоны прячутся в слове «пропаганда»* (Известия. 14.03.2012). Набор отрицательных конкретных смыслов: «нечистоплотность», «манипуляция», «зомбирование», «ложь», «безответственность» и др. – характеризует специфиче-

ские признаки пропагандистского инструментария, которые в общественном сознании в свернутом виде манифестируются в виде информационно нагруженной опорной лексической единицы *пропаганда*. Гипотетически возможное информационное развертывание базовой единицы предстанет в виде набора исходных пропагандистских текстов официального советского языка. Многие исследователи отмечают манипулятивный характер пропаганды [6; 7; 11; 13]. Пропаганда понимается как контролируемое распространение сознательно искаженных представлений, осуществляемое с целью побудить людей к действиям, отвечающим заранее намеченным целям заинтересованных групп. В метаязыковых контекстах говорящий указывает, прежде всего, на манипулятивный характер лексических единиц *пропаганда* и *агитация*: *Зритель начинает понимать, что ему в сталинские времена досталась изрядная доля бессовестной пропаганды* (Независимая газета. 14.01.1993); *Люди болезненно переживают ломку стереотипов, сформированную бесчестной пропагандой сознания* (Независимая газета. 17.02.1995); *К цинизму толкает лживая пропаганда* (Независимая газета. 23.06.2004); *Мне вообще не нравится слово «агитация». Ни мне, ни моим сторонникам не хотелось бы настырно уговаривать избирателей проголосовать за меня. Не хотелось бы и того, чтобы тверитяне поставили заветный крестик в избирательных бюллетенях лишь за предвыборные листовки или же за бесплатную раздачу пива во время агитационного митинга!* (Tver.Ru 03.10.2006); *Слово «пропаганда» сильное и хитроумное* (09.06.2010).

В некоторых рефлексивных высказываниях говорящий для выражения своей оценки использует метафоры и сравнения с негативной семантикой. С помощью метафорической информации «создается панорамность образа, позволяющая выходить за пределы конкретной ситуации» [3. С. 21] Метаязыковые высказывания позволяют выделить следующие виды метафор:

1) метафора болезни: *С советских времен у нас аллергия на слово «пропаганда»* (Нижегородские новости. 30.09.2000). *Телекомментаторы отрецивались от слова «пропаганда», как от чумы* (Независимая газета. 13.04.2001); *Само слово «агитация» показывает, что этот вид пропаганды – болезненное явление* (Независимая газета. 21.09.2004);

2) метафора отвратительного запаха: *Слово «пропаганда» не нравится, так как от него по-*

пахивает коммунистическим прошлым (Мегаполис – Экспресс. 14.07.1999); *Вонючее слово «пропаганда»* (Профиль. 08.04.2007);

3) метафора неприятного звучания: *Чудовищное звучание слова «пропаганда»* (Профиль. 02.03.1998). *Слово «пропаганда» многим режет ухо* (Парламентская газета. 08.08.2000). *Сколь коряво ни звучит слово «пропаганда», хорошую книгу надо пропагандировать* (Новые известия. 26.04.2009).

Таким образом, отрицательная оценка анализируемой идеологемы фиксируется в условиях постсоветского пространства в виде метаязыковых высказываний и носит прагматический характер. «Пропагандистски навязчивый, унитаристский характер советского языка, вызвав к себе неприятие и отторжение», сформировал у носителей языка «эмоционально заряженное и обличающее отношение» [12. С. 121] к нему.

Изменение идеологической оценки в конце 1980-х – нач. 1990-х гг. шло по линейной причинно-следственной связи: старое, уходящее оценивалось со знаком «минус», новое, развивающееся – со знаком «плюс». Поэтому связанная с советской действительностью идеологема *пропаганда* тоже приобрела отрицательную коннотацию. Но идеологическая переориентация концептов политической сферы проходит непросто.

Мена аксиологических оценок в смысловой структуре слов-идеологем часто «представляется в виде оценочного размывания» [8. С. 138]. Границы между поляризованными явлениями, сведенными в едином пространстве, нередко становятся идеологически амбивалентными. Различное отношение к идеологическим концептам проявляется не только на уровне разных социальных групп, но и в сознании отдельной личности. Столкновение прототалитарных и антиталитарных тенденций в обыденном сознании постсоветского человека придает современной эпохе драматический характер. Чертой современной речи является подвижность оценочного идеологического компонента. Покажем некоторые рефлексивные высказывания по поводу лексемы *пропаганда*.

1. Стремление порвать с советским прошлым обусловило уход единицы из активного употребления: *Мы последнее время как-то стали стесняться слова «пропаганда»* (Подмосковные известия. 03.08.1999); *Мы тщательно избегаем слова «пропаганда»* (Коммер-

сантъ. 13.11.2001); *Забывтое слово «пропаганда»* (Честное слово. 05.02.2003); *Слово «пропаганда» мы уже забыли* (Брянский рабочий. 04.10.2008); *Нужны новые рамки, новая идеология <...> забывтое слово «пропаганда»* (Комсомольская правда. 05.08.2010).

2. Переосмысление ценностных установок становится сегодня более сложным, поскольку исчерпана энергия разрушения, но не решены принципиальные проблемы общественного и государственного устройства. Проблема создания нового общества напрямую связана с идеей преемственности, с идеей сохранения русского общества и государства. Рефлексивные высказывания демонстрируют стремление реабилитировать лексему, вернуть ее в речевой обиход, избавившись от идеологических советских наращений: *Пора прекратить бояться слова «пропаганда». Это у коммунистов пропаганда – обольванивание. А у нас – просвещение, энергичное, целеустремленное распространение идей, целей, путей их достижения»* (Тульские известия. 28.05.1999); *Финансово-промышленные группы, стремящиеся к диктату, отнюдь не стесняются слова «пропаганда»* (Парламентская газета. 22.02.2000); *Мы должны без смущения использовать слово «пропаганда» при описании документа* (Библиотека в школе. 31.08.2002); *Теперь слово «пропаганда» перестало быть ругательным* (Советская Сибирь. 20.04.2005); *Необходимо перестать бояться слова «пропаганда» и активнее пропагандировать физкультуру и активный образ жизни* (Глас народа. 03.03.2014).

3. Параллельно с предложениями возвратить лексему *пропаганда* в активный лексикон наблюдается процесс поисков замены «советского» языкового знака. Говорящий ищет адекватные по смыслу лексические единицы или словосочетания, способные заменить «ущербную» единицу: *Слово «пропаганда» заменили на «продвижение национальных интересов посредством зарубежных информационных программ»* (Итоги. 11.05.1999); *Слово «пропаганда» нынче не в моде, речь ведется в основном об «информационных технологиях»* (Завтра. 28.12.1999); *Слово «пропаганда» не нравится, словосочетание «идеологическая работа» звучит намного свежее* (Мегаполис – Экспресс. 14.07.1999); *Уберем набившее оскомину слово «пропаганда» и заменим его термином «точка зрения»* (Журнал Журналист. 01.03.2000); *Слово «пропаганда» режет ухо, тогда скажем: внешнеполитическая информация или инфор-*

мационное обеспечение (Парламентская газета. 22.02.2000); *Непопулярное нынче слово заменено более нейтральным словосочетанием «социальный PR»* (Рекламный мир. 30.06.2001) и др.

Возникшие на почве замены словесные оппозиции: *пропаганда – информирование; пропаганда – пиар, социальный PR; пропаганда – продвижение национальных интересов; пропаганда – точка зрения; пропаганда – информационное обеспечение* и др. – иллюстрируют словесную работу современных носителей языка по извлечению из содержания денотата идеологической семы «воздействие», а также специализированных субъектно-объектных сем, связанных с правящей партией и широкими массами населения, подвергаемыми воспитанию в духе господствующей идеологии.

4. Попытка нейтрализации негативной оценки лексемы приводит к появлению метаязыковых высказываний, в которых метаоператорами выступают лексические единицы с положительной семантикой *люблю/нравится, в хорошем смысле слова: В хорошем смысле слова «пропаганда»* (Независимая газета. 09.04.1997); *Слова «пропаганда», «пропагандист» – нормальные политические термины* (Советская Россия. 16.10.1998); *Это, в хорошем смысле слова, пропаганда государственной символики, потому что марки наклеиваются на конверты и все время находятся перед глазами людей, стало быть, лучше знакомы гражданам.* (Независимая газета. 16.06.2001); *Слово «пропаганда» мне здесь нравится* (Комсомольская правда. 27.07.2009); *Далее благополучно сложился период «киноэкспансии» в Западную Европу и на юг Франции, где было реанимировано в хорошем смысле значение слова «пропаганда»* (Российская газета. 04.07.2014). Положительная метаязыковая оценка слова направляет осознание адресата по нужному пути, содержит в подтексте определенную прагматическую инструкцию по восприятию этого слова. Говорящий своей метаязыковой подсказкой как бы говорит: «Я прекрасно знаю, что тебе не нравится это «скомпрометированное» слово, но хочу подчеркнуть его информативную ценность. Поэтому призываю: отметай плохое (идеологическую добавку) и ищи хорошее (понятийное ядро)». В данном случае положительная оценка слова – это, по сути, призыв к его нейтрализации.

Лексема *агитация* в составе метаязыковых высказываний получает лишь общую негативную оценочность наряду с лексемой *пропаганда*

да без конкретизации общеоценочного смысла. Корпус метавысказываний по поводу лексемы *агитация* показал, что рефлексивное осмысление слова пошло по пути уточнения семантики лексемы. Лексема *агитация* в современном русском языке сузила свою семантику, употребляясь в политической сфере лишь в ситуации выборных кампаний.

Рефлексивное осмысление анализируемых лексем в российских печатных СМИ позволяет сделать выводы об изменениях аксиологической составляющей идеологием *пропаганда* и *агитация* в современных условиях. Материал исследования включает яркие свидетельства амбивалентности русского самосознания в постсоветский период, его переоценивающий характер. Качественные изменения, произошедшие в оценочной части семантики идеологием *пропаганда* и *агитация*, можно квалифицировать как расщепление идеологической оценки, подвижность оценочного идеологического компонента, деформацию советских идеологических смыслов. Усталость от социализма как проявление посттоталитарного синдрома сменилась осознанием дефицита новой идеологии и ее инструментов. Рефлексивное осмысление лексемы *пропаганда* позволяет выделить определенные витки идеологизации: идеологемы проходят путь от положительной (в рамках официального советского дискурса) оценки через резко отрицательную к нейтрально и положительно оценочному этапу (в постсоветский период).

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург: Уральский университет, 2002. – 380 с.
3. Володина, М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / М. Н. Володина // Язык средств массовой информации. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. – С. 6–25.
4. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М.: Московский университет, 1970. – 230 с.
5. Иссерс, О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени : монография / О. С. Иссерс. – Омск: Омский государственный университет, 2012. – 276 с.

6. Китайгородская, М. В. Современная политическая коммуникация / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 151–239.
7. Купина, Н. А. Идеологическое состояние лексики русского языка / Н. А. Купина // Русское слово в языке, тексте и культурной среде : сб. ст. – Екатеринбург: Арго, 1997. – С. 134–144.
8. Кутенева, Т. А. Смысловая динамика лексем *пропаганда* и *агитация* в русском языке / Т. А. Кутенева // Политическая лингвистика. – 2008. – Вып. (1) 24 – С. 106–115.
9. Кутенева, Т. А. Базовые идеологемы советской эпохи: смысловая динамика / Т. А. Кутенева. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 252 с.
10. Ляпон, М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование / М. В. Ляпон // Язык и личность : сб. ст. – М.: Наука, 1989. – С. 24–34.
11. Цуладзе, А. Большая манипулятивная игра / А. Цуладзе. – М.: Алгоритм, 2000. – 336 с.
12. Червиньски, П. Семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности / П. Червиньски // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. (3) 23. – С. 118–134.
13. Шипова, А. В. Манипулирование сознанием и его специфика в современном обществе : автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Ставрополь, 2007. – 21 с.
14. Электронная база данных СМИ «Интегрум». – URL: www.integrum.ru.

Сведения об авторе

Кутенева Татьяна Александровна – доцент кафедры языков массовых коммуникаций, кандидат филологических наук, департамент маркетинговых коммуникаций и брендинга Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

shadrina_tatyana@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 40–45.*

REFLEXIVE UNDERSTANDING IDEOLOGEME OF PROPAGANDA AND AGITATION IN THE CONTEXT OF CURRENT RUSSIAN MEDIA: AXIOLOGICAL CHANGES

T. A. Kuteneva

Department of marketing communications and branding Institute of public Administration and Entrepreneurship Ural Federal University. shadrina_tatyana@mail.ru

The article is devoted to revealing the axiological changes in current ideology propaganda and agitation in Russian society. In the texts of modern media there is an active use of these ideologeme in the structure of reflexive statements (reflexives, metalinguistic statements) which represent a relatively complete statement containing the comment to used word or expression, for example: the word “propaganda” has become a dirty one; terrible word “agitation”; since Soviet times we have allergic to the word “propaganda”; forgotten word “propaganda”; I like the word “propaganda”; the word “propaganda”, “propagandist” are normal political terms. These examples record the presence near the ideologemes propaganda and agitation negatively charged units – dirty word, terrible word, allergic to the word, and positive neutral - the word is liked, the word is normal. Metalinguistic statements allow us to fix the axiological instability of these units: from a positive assessment (in the Soviet period) through a very negative to a neutral-positive (in the post-Soviet period) appraisal.

Keywords: *ideologeme, linguistic reflection, reflexics, lexical item of propaganda, lexical item of agitation, appraisal, metalinguistic statements.*

References

1. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p. (In Russ.).
2. Vepreva I.T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetськуy epokhu* [Language reflection in the post-soviet era]. Ekaterinburg, Ural'skiy universitet Publ., 2002. 380 p. (In Russ.).
3. Volodina M.N. Yazyk SMI – osnovnoe sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie [Language of mass media – the main means of influencing the mass consciousness]. *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of mass media], Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Al'ma Mater Publ., 2008. Pp. 6–25. (In Russ.).
4. Ivin A.A. *Osnovaniya logiki otsenok* [Bases of logic ratings]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1970. 230 p. (In Russ.).
5. Issers O.S. *Lyudi govoryat... Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [People are talking... Discursive practices of our time]. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2012. 276 p. (In Russ.).
6. Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya [Modern political communication]. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language. Social and functional differentiation]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. Pp. 151–239. (In Russ.).
7. Kupina N.A. Ideologicheskoe sostoyanie leksiki russkogo yazyka [The ideological status of the Russian language lexica]. *Russkoe slovo v yazyke, tekste i kul'turnoy srede* [Russian word in the language, text and cultural environment]. Ekaterinburg, Argo Publ., 1997. Pp. 134–144. (In Russ.).
8. Kuteneva T.A. Smyslovaya dinamika leksem propaganda i agitatsiya v russkom yazyke [Semantic dynamics of lexemes propaganda and agitatsiya in the russian language]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2008, iss. (1) 24, pp. 106–115. (In Russ.).
9. Kuteneva T.A. *Bazovye ideologemy sovetskoy epokhi: smyslovaya dinamika* [The basic ideologemes of the Soviet era: the semantic dynamics]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publ., 2013. 252 p. (In Russ.).
10. Lyapon M.V. Otsnochnaya situatsiya i slovesnoe modelirovanie [Estimated situation and verbal modeling]. *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. Moscow, Nauka Publ., 1989. Pp. 24–34. (In Russ.).
11. Tsuladze A. *Bol'shaya manipulyativnaya igra* [Big manipulative game]. Moscow, Algoritm Publ., 2000. 336 p. (In Russ.).
12. Chervin'ski P. Semantika negativno-otsnochnykh kategoriy pri oboznachenii lits v yazyke sovetskoy deystvitel'nosti [Semantics of negative-evaluative categories in the designation of the persons in the language of Soviet reality]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2007, iss. (3) 23, pp. 118–134. (In Russ.).
13. Shipova A.V. *Manipulirovanie soznaniem i ego spetsifika v sovremennom obshchestve* [Manipulation of consciousness and its specificity in modern society]. Stavropol, 2007. 21 p. (In Russ.).

УДК: 81

А. Ю. Левенкова

ОБОСНОВАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Рассматривается предметная область возобновляемой энергетики с точки зрения возможности и необходимости её лексикографического описания. Аналитический обзор источников по возобновляемой энергетике, результаты формального анализа терминологии, результаты анкетирования и экспертная оценка состояния терминологии продемонстрировали актуальность разработки специального двуязычного словаря по данному направлению.

Ключевые слова: терминология возобновляемой энергетики, лексикографическое описание, формальная структура термина.

В настоящее время все больше и больше лингвистов обращаются к исследованию терминологических систем различных отраслей знания, что вызвано значительным увеличением числа терминологических единиц. Интерес к особенностям употребления специальной лексики обусловлен стремлением упорядочить терминологические единицы, предложив конкретные лингвистические методы систематизации терминологии.

В данной статье мы поставили цель охарактеризовать предметную область возобновляемой энергетики с точки зрения возможности и необходимости её лексикографического описания. Лексикографическое описание терминологии проявляется в процессе моделирования специального словаря, который включает в себя несколько этапов. Наиболее подробно вопросы унификации и алгоритмизации процесса создания словарей рассмотрены в работах С. В. Гринева, К. Я. Авербуха, А. С. Герда, В. М. Лейчика, В. В. Дубичинского и др. Ссылаясь на положения ученых, мы выделяем начальный этап проектирования словаря, так называемый аналитико-теоретический этап, который включает:

– анализ существующих источников по данной проблематике, представленных в виде монографий, учебных пособий, нормативных документов, статей из профессиональных журналов и газет, статей, размещенных в сети Интернет;

– анализ лексикографических источников – существующих двуязычных, многоязычных специальных словарей;

– изучение потребностей современного пользователя словаря.

Как отмечают О. М. Карпова и Е. В. Щербакова в своей монографии, эволюция области знания, её развитие могут быть выявлены через эволюцию и изменения в способах подачи данного знания, то есть измерению поддаются изменения на уровне специализированных текстов. Развитие области знания, как правило, сопровождается появлением монографий, научных работ, публикаций в профессиональных журналах, статей в газетах, других сообщений в прессе и на телевидении.

Анализ русскоязычного и англоязычного сегментов сети Интернет продемонстрировал разнообразие ресурсов по возобновляемой энергетике: монографии, учебные пособия, статьи, аудио и видео презентации, форумы и семинары, сайты крупных компаний о возможностях использования ВИЭ, информационные сайты, он-лайн энциклопедии.

О становлении области знания и её терминологического аппарата свидетельствует также наличие указов, положений, инструкций, государственных стандартов, санитарных правил и норм, методических рекомендаций и других нормативных документов. Терминология возобновляемой энергетики представлена в следующих государственных стандартах: ГОСТ Р 51237 98 Нетрадиционная энергетика. Ветроэнергетика; ГОСТ Р 51238 98 Нетрадиционная энергетика. Гидроэнергетика малая; ГОСТ Р 51594–2000 Нетрадиционная энергетика. Солнечная энергетика; ГОСТ Р 51596 2000 Нетрадиционная энергетика. Солнечная энергетика. Коллекторы солнечные; ГОСТ Р 51597 2000 Нетрадиционная энергетика. Модули солнечные фотоэлектрические; ГОСТ Р 51990 2002 Нетрадиционная энергетика. Ветроэнергетика.

Установки ветроэнергетические. Классификация; ГОСТ Р 51991 2002 Нетрадиционная энергетика. Ветроэнергетика. Установки ветроэнергетические. Общие технические требования; ГОСТ Р 52808–2007 Нетрадиционные технологии. Энергетика биоотходов. Только в четырех из вышеперечисленных документах терминология представлена систематизировано в виде списка терминов и их определений на английском языке.

Анализ существующих на сегодняшний день словарей (печатные и электронные; англо-русские и русско-английские переводные, русскоязычные и англоязычные толковые) терминов ВИЭ продемонстрировал, что данное направление либо не представлено вообще, либо входит в состав терминологии общей энергетики, либо представлено одним из входящих в него разделов. Так, например, англо-русский словарь по энергетике и защите окружающей среды А. С. Гольдберга содержит около 70 000 терминов по системам подготовки энергетических топлив и водоподготовки, топкам, котлам и парогенераторам ядерных реакторов, системам управления топочными процессами, природоохранному законодательству и нетрадиционным и возобновляемым источникам энергии. Таким образом, терминология ВИЭ никак не дифференцируется. То же самое можно сказать и о большом нормативно-техническом словаре Ю. И. Фединского, большом англо-русском политехническом словаре Барина, новом политехническом словаре А. Ю. Ишлинского, новом большом русско-английском политехническом словаре Г. А. Чакалова. Отдельные направления ВИЭ представлены в англо-русском и русско-английском словаре по солнечной энергетике Д. С. Стребкова, в глоссарии приложения монографии П. П. Безруких «Ветроэнергетика». Довольно значительное количество глоссариев представлено в сети Интернет, которые в основном являются словарями энергетических терминов. На данный момент научно-исследовательская лаборатория ВИЭ географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова подготовила к печати русско-английский словарь терминов ВИЭ, который выйдет в свет в ближайшее время. В англоязычных словарях терминология ВИЭ представлена также в глоссариях по энергетике.

Следует отметить, что формирование терминологии любой предметной области требует проведение экспертной оценки с целью определения необходимости создания специаль-

ного словаря, установления границ изучаемой предметной области, описания источников пополнения терминов, преодоления трудностей в процессе интерпретации терминологии.

Мы провели анкетирование среди русскоязычных специалистов-энергетиков, работающих на предприятиях энергоснабжения, а также специалистов, которые непосредственно занимаются вопросами изучения, внедрения и развития ВИЭ, с целью ответить на вопросы:

1. Существует ли терминология возобновляемой энергетики?
2. Существует ли необходимость в создании словаря по данному направлению? Если да, то какого (русско-английский, англо-русский)?
3. Какие материалы могли бы послужить источниками формирования терминологии данного направления?

Всего было опрошено 48 специалистов на 16 предприятиях и лабораториях Москвы, Тюмени, Ханты-Мансийска, Сургута и Салыма. Все специалисты подтвердили, что терминология ВИЭ действительно существует. 22 специалистам из 48 приходится в своей повседневной работе пользоваться английским языком. Именно они указали на необходимость создания русско-английского словаря терминов ВИЭ. 26 специалистов не видят такой необходимости, так как в своей работе пользуются только русскоязычными терминами. О существовании терминологических словарей ВИЭ ни один из специалистов не имеет представления. 12 специалистов пользуются справочными пособиями по энергетике, 20 специалистов пользуются он-лайн словарями (МультиЛекс, МультиТран), 8 специалистов обращаются к глоссариям по энергетике, размещенным в сети Интернет. В качестве источников терминологии предлагалось провести градацию по степени важности. На первом месте, по мнению большинства, оказались ведомственные документы и государственные нормативные документы, затем учебные пособия и монографии авторитетных авторов, далее корпоративные издания, статьи из профессиональных журналов и газет, и на последнем месте статьи, размещенные в сети Интернет.

О развитии предметной области можно судить также по формальной структуре термина. Мы проанализировали особенности терминов ВЭ на семантическом и синтаксическом уровнях с целью определения наиболее продуктивного способа терминообразования. В качестве

материала исследования мы использовали корпус терминов, представленный в вышеперечисленных нормативных документах и словаре Д. С. Стребкова. Общее количество русскоязычных терминов составило 5830, англоязычных – 6476.

На семантическом уровне термины ВЭ – это слова, взятые из общелитературного языка и приспособленные для наименования специальных понятий. В. П. Даниленко отмечает, что такого рода слова, как правило, многозначные по своей семантической природе. И в специальных областях они используются для выражения одного из присущих им значений, которые выделяются контекстуально. При этом они не теряют связи с общим языком, оставаясь его принадлежностью. Например, термины «ветер» / “wind”, «отходы» / “wastes”, «растительное масло» / “vegetable oil”, «вилка» / “connector”, «усталость» / “fatigue” и др.

Семантический способ терминообразования также реализуется путем метафорического и метонимического переносов, которые обычно рассматриваются на уровне составного термина. Метафора – перенос наименования на основании сходства, совпадения тех или иных объективно существенных признаков двух объектов. Метонимия – перенос, основанный на ассоциации по смежности предметов, явлений или признаков предметов. Составные термины ВЭ, образованные при помощи метафорического переноса, немногочисленны и представляют собой результат метафоризации всего терминологического словосочетания в целом: «роза ветров» / “wind rose”, «черное тело» / “black body”, «закон идеального газа» / “ideal gas law”, «берлинская лазурь» / “Prussian blue” и др.

Значительно чаще в терминологии ВЭ встречаются словосочетания иного типа, в которых метафоризован один компонент из двух, а второй компонент является словом заимствованным или образованным не семантическим способом: «лопатка турбины» / “vane”, «головка ветродвигателя» / “nacelle”, «глубокая ловушка» / “deep trap”, «металлический островок» / “metal island”, «усталость металла» / “fatigue”, «плоскость двойникования» / “twin plane”, «лезозащитная полоса» / “shelter belt” и др.

Довольно часто в терминологии ВЭ функционирует гнездо терминов, представляющих собой словосочетания, в которых прилагательное образовано путем метафоризации: «плавающая МГЭС» / “floated small hydroelectric power

plant”, «погружная МГЭС» / “submerged small hydroelectric power plant”, «рукавная МГЭС» / “string small hydroelectric power plant”, «гирляндная МГЭС» / “network small hydroelectric power plant”.

Более продуктивный семантический способ терминообразования в области ВЭ является метонимический перенос. Модели метонимического переноса, характерные для терминологии, построены на тех же основаниях, что и общелитературные. Достаточно подробно модели метонимического переноса в терминологии описаны в работе В. Н. Прохоровой «Русская терминология (лексико-семантическое образование)». Опираясь на представленные автором модели, приведем несколько наглядных примеров терминов ВЭ, образованных путем метонимического переноса: «активность электрода» / “electrode activity” (качество, присущее человеку, переносится на вещество), «биоэнергетическая архитектура» / “bioenergetic architecture” (абстрактное понятие переходит в конкретное), «введение дефектов» / “defect introduction” (название действия переходит в результат действия), «ветроустановка» / “windmill” (название действия переходит на конкретный предмет), «лошадиная сила-час» / “horsepower hour” (абстрактное значение переходит в единицу измерения).

Среди терминов ВЭ нередко можно встретить термины – слова, заимствованные из других национальных языков и термины-дериваты, которые образуются средствами словообразовательной системы национального языка на основе международного терминологического фонда: «денатурация», «био конверсия», «эффлюент», «шлам», «фугат», «метантенк», “schlam”, “heliostat”, “barium”, “dynamo”.

Итак, возобновляемая энергетика как научная дисциплина довольно активно использует семантический способ терминообразования, с помощью которого удовлетворяются все возрастающие потребности в новых терминах путем преобразования существующих в языке слов.

Морфологический способ словообразования, как правило, включает в себя два вида: словосложение и аффиксация. Образование терминов происходит в основном по тем же словообразовательным моделям и с помощью тех же словообразующих аффиксов, по которым образуются и слова общелитературного языка.

С целью выделить наиболее продуктивный морфологический способ терминообразова-

ния в области ВЭ мы подсчитали количество англоязычных и русскоязычных терминов, образованных путем словосложения и аффиксации. Анализировались только односоставные термины, исходя из позиции соотношения термина как названия и термина как понятия (односоставный термин = одно понятие, многосоставный термин = одно понятие). Многосоставный термин, представляя собой одно понятие, целесообразнее рассматривать на синтаксическом уровне. Общее количество русскоязычных односоставных терминов составило 1287, англоязычных – 1203. Путем словосложения было образовано 908 русскоязычных и 465 англоязычных терминов. Аффиксальным способом было образовано 643 русскоязычных и 582 англоязычных терминов. Оба способа не должны рассматриваться в отрыве друг от друга, так как значительное количество терминов совмещают в себе два словообразовательных способа: «ветроэнергетика», «теплоснабжение», «биокатализатор», “biomethanol”, “hydroelectric”, “biostabilizer” и др. Значительное расхождение наблюдается, по результатам анализа, в количестве терминов, образованных словосложением. Русскоязычных терминов почти вдвое больше, чем англоязычных. Это вполне может быть объяснено национальными языковыми традициями и аналитичностью английского языка.

Среди морфологических способов терминообразования в сфере ВЭ можно также выделить аббревиацию, которая обладает высокой продуктивностью. Аббревиатуры – весьма удобный способ наименования, характеризующийся краткостью и структурной экономичностью. К статьям, посвященным вопросам возобновляемых источников энергии, нормативным документам и словарям, часто прилагаются списки наиболее употребительных сокращений с их расшифровками. Также отличительной особенностью терминологии ВЭ является использование акронимов как разновидности аббревиатуры. Акронимия – инициальное сокращение букв для сжатия сложных терминологических словосочетаний (графемная часть), содержащих основные понятия (ключевые слова или словосочетания), за которым следует числовое обозначение основных технических характеристик модели, позволяющих идентифицировать модель, выделить ее из совокупности однотипных моделей: “PT-RB-0773”, “CYZL561”, “EMFM50170” и многие другие. Достаточно подробно особенности

терминологических акронимов в сфере ВЭ описаны в статье Ю. В. Кобенко и Н. Н. Зябловой «Структурные особенности терминологических акронимов в текстах английского научно-технического стиля сферы возобновляемых источников энергии». Авторы полагают, что акронимы широко используются для наименования продуктов сферы ВЭ в связи с необходимостью обозначения большого количества новых понятий, вызванной бурным техническим прогрессом. Происходит расширение терминологии сферы ВЭ за счет увеличения количества номенклатурных единиц, унификация которых позволит использовать их без затруднений и положительно скажется на формировании терминосистем различных сфер человеческой деятельности.

На синтаксическом уровне, как правило, рассматриваются составные термины и термины-словосочетания. Термины-словосочетания, выражающие единые целостные понятия, обладая разной степенью смысловой разложимости, в целом более устойчивы по сравнению со свободными словосочетаниями общелитературного языка. В. П. Даниленко выделяет в терминах-словосочетаниях два типа по степени смысловой разложимости и по степени отражения в них системности понятий данного терминологического ряда. Проиллюстрируем данную классификацию примерами-терминами возобновляемой энергетики:

1. Неразложимые термины-словосочетания: «роза ветров», «берлинская лазурь», «диод Шокли», «водородная топливная таблетка», “wind rose”, “Prussian blue”, “Brayton engine”, “potassium seed”. Данные словосочетания представляют собой собственно терминологические фразеологизмы и не отражают системы определенных терминологических понятий. В терминах данного типа отражаются только некоторые внешние признаки именуемых предметов и понятий. Это наименее распространенный тип терминов-словосочетаний.

2. Терминологические словосочетания, характеризующиеся формальной разложимостью компонентов. Внутри этого типа можно выделить два подтипа образований, различающихся тем, что а) в первый подтип входят свободные сочетания, состоящие целиком из элементов терминологического характера и сохраняющие самостоятельность понятийного содержания каждого из входящих в словосочетание слов-терминов: «цилиндрический электрод», «металлогидридный теплообменник», «электро-

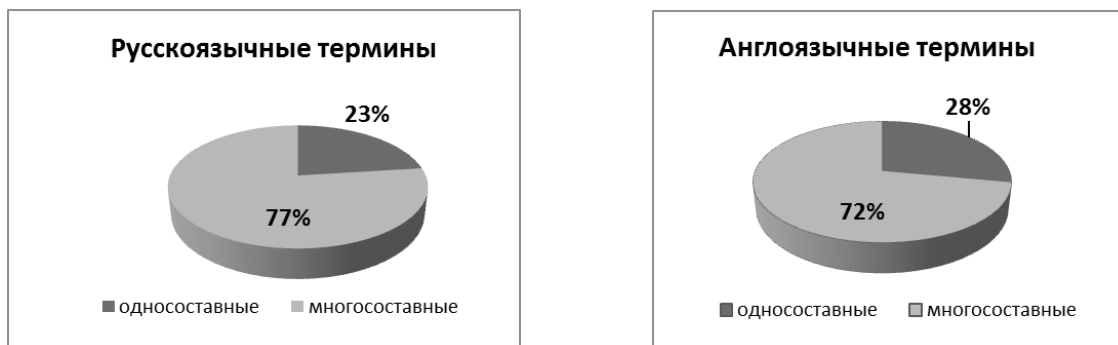

Рис. 1.

литная матрица», “semiconductor electrolyte junction”, “diffuse irradiation”, “absorbed photon”; б) во второй подтип входят несвободные сочетания слов, в составе которых может один из компонентов не являться термином: «неподвижный воздух», «пиролизное масло», «углеродный материал», “autoregtesive method”, “dichroic mirror”, “eutectic mixture”. Эти словосочетания не обладают прозрачностью внутренней формы, как термины они воспринимаются только целиком.

Наиболее распространенным в терминологии ВЭ является второй тип словосочетаний, который с помощью определенных терминологических стандартных моделей, характеризующихся более или менее строгой локализацией компонентов, обеспечивает необходимую однозначность и системность терминологии. Именно термины-словосочетания обладают наиболее отчетливыми систематизирующими свойствами. В терминологии ВЭ преобладают многосоставные термины. Общее количество многосоставных русскоязычных терминов составляет 4512 из всей совокупности рассматриваемых нами терминов в количестве 5830 и 4667 англоязычных из 6476. Процентное соотношение односоставных и многосоставных терминов в обоих языках представлено на рисунке 1.

Диаграммы демонстрируют преобладание многосоставных терминов и в русскоязычной и англоязычной терминологии ВЭ, что указывает на высокую продуктивность синтаксического терминообразования в исследуемой области. Многие исследователи-терминологи полагают, что большая доля многосоставных терминов, с одной стороны, говорит об их точности выражения понятия, а с другой стороны, указывает на недостаточную сформированность терминологии [15. С. 209].

Подводя итог полученным данным, можно сделать следующие выводы:

1) Терминология возобновляемой энергетики существует, но она не упорядочена, то есть не представлена дифференцированно в словарях. Терминология данного направления представлена в нормативных документах (ГОСТ, РД, ISO), монографиях, учебных пособиях, периодических изданиях и статьях, многочисленных глоссариях, размещенных в сети Интернет.

2) Русскоязычная терминология возобновляемой энергетики менее упорядочена по сравнению с англоязычной, так как нормативные документы отражают не все направления ВИЭ, а существующие стандарты устарели и многие находятся в разработке.

3) Анализ формальной структуры термина ВИЭ подтверждает факт, что терминология возобновляемой энергетики находится на стадии своего формирования.

4) Результаты экспертной оценки указывают на необходимость и актуальность создания двуязычного словаря по данному направлению.

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что возобновляемая энергетика как область знания созрела для упорядочения и систематизации своего терминологического аппарата, так как имеет свой собственный объект изучения и может применить к нему системные методы исследования. Актуальность создания двуязычного словаря (в частности, русско-английского) демонстрирует активная международная деятельность российских энергетических организаций, лабораторий, донорских компаний, работающих в области возобновляемой энергетики.

Список литературы

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина : моногр. / К. Я. Авербух. – Иваново, 2004. – 252 с.

2. Баринов, С. М. Большой англо-русский политехнический словарь / С. М. Баринов. – М.: Русский язык, 2003. – 704 с.
3. Безруких, П. П. Использование энергии ветра : монография / П. П. Безруких. – М.: Колос, 2008. – 196 с.
4. Герд, А. С. Научно-техническая лексикография / А. С. Герд // Прикладное языкознание. – СПб., 1996. – С. 287–307.
5. Гринев, С. В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь : учеб. пос. / С. В. Гринев. – М.: Либроком, 2009. – 224 с.
6. Гольдберг, А. С. Англо-русский словарь по энергетике и защите окружающей среды / А. С. Гольдберг. – М.: РУССО, 2001. – 776 с.
7. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания: монография / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 245 с.
8. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка: монография / В. В. Дубичинский. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432 с.
9. Ишлинский, А. Ю. Новый политехнический словарь / А. Ю. Ишлинский. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – 671 с.
10. Карпова, О. М., PR: проблемы терминографического описания : монография / О. М. Карпова, Е. В. Щербакова. – Иваново, 2005. – 184 с.
11. Кобенко, Ю. В. Структурные особенности терминологических акронимов в текстах английского научно-технического стиля сферы возобновляемых источников энергии (ВИЭ) / Ю. В. Кобенко, Н. Н. Зяблова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5 (23). – Ч. 1. – С. 71–73.
12. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура: моногр. / В. М. Лейчик. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
13. Прохорова, В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) / В. Н. Прохорова. – М.: Филологический факультет, 1996. – 125 с.
14. Стребков, Д. С. Англо-русский и русско-английский словарь по солнечной энергетике / Д. С. Стребков. – М.: РУССО, 1995. – 304 с.
15. Тезина, Е. В. Многокомпонентные терминологические словосочетания как элементы интернет-текста / Е. В. Тезина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2006. – № 17 (72) – С. 208–210.
16. Фединский, Ю. И. Большой нормативно-технический словарь / Ю. И. Фединский. – М.: Астрель, 2007. – 926 с.
17. Чакалов, Г. А. Новый большой русско-английский политехнический словарь / Г. А. Чакалов. – М.: Технические словари, 2000. – 618 с.

Сведения об авторе

Левенкова Анна Юрьевна – аспирант кафедры перевода и переводоведения Тюменского государственного университета, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации гуманитарных направлений.
annapopova31@rambler.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 46–52.*

RATIONALE FOR LEXICOGRAPHIC SPECIFICATION OF RENEWABLE ENERGY TERMS

A. Y. Levenkova

Postgraduate student of translation and translation studies at Tyumen State University, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Intercultural professional communication humanities. annapopova31@rambler.ru

The article considers the subject of renewable energy from the perspective of its lexicographic specification. For that purpose we analyzed all existing sources in the field (monographs, text books, regulatory documents, articles in professional magazines and papers and Internet articles) and lexicographic sources (paper and electronic dictionaries, English-Russian and Russian-English translation dictionaries, Russian and English explanatory dictionaries) and studied the requirements

of the contemporary users (questioning energy specialists at enterprises and laboratories in Moscow, Tyumen, Khanty-Mansyisk, Surgut, Salim). The study of the formal structure of the terms specified the prevailing amount of compounds indicating the fact that the terminology of renewable energy has not completely been formed. Thus, the analytical survey of the available sources in renewable energy, the study of the formal structure of the terms, the questioning survey results and the expert assessment of the current state of the terminology in question demonstrated the relevance of modeling a bilingual special purpose dictionary.

Keywords: *renewable energy terms, lexicographic specification, formal structure of terms.*

References

1. Averbukh K.Y. *Obshhaja teorija termina: monografija* [General Theory of the term: monograph]. Ivanovo, 2004. 252 p. (In Russ.).
2. Barinov S.M. *Bol'shoj anglo-russkij politehnicheskij slovar* [Comprehensive English-Russian Scientific and Technical Dictionary]. Moscow, 2003. 704 p. (In Russ.).
3. Bezrukih P.P. *Ispol'zovanie jenerгии vetra : monografija* [use of wind power : monograph]. Moscow, 2008. 196 p. (In Russ.).
4. Gerd A.S. Research and technology lexicography [Scientific and technical lexicography]. *Prikladnoe jazykoznanie [Applied linguistics]*. St. Petersburg, 1996. Pp. 287–307. (In Russ.).
5. Grinev S.V. *Vvedenie v terminografiju: Kak prosto i legko sostavit' slovar* [Introduction to Terminography how simple and easy to make the dictionary]. Moscow, 2009. 224 p. (In Russ.).
6. Gol'dberg A.S. *Anglo-russkij slovar' po jenergetike i zashhite okruzhajushhej sredy* [English-Russian Dictionary of Energy and Environmental Protection]. Moscow, 2001. 776 p. (In Russ.).
7. Danilenko V.P. *Russkaja terminologija. Opyt lingvisticheskogo opisanija* [Russian terminology. Experience of linguistic description: monograph]. Moscow, 1977, 245 p. (In Russ.).
8. Dubichinskij V.V. *Leksikografija russkogo jazyka* [Lexicography Russian language]. Moscow, 2008. 432 p. (In Russ.).
9. Ishlinskij A.Ju. *Novyj politehnicheskij slovar'* [New Polytechnic Dictionary]. Moscow, 2000. 671 p.
10. Karpova O.M., Shherbakova E.V. *PR: problemy terminograficheskogo opisanija* [PR: terminograficheskogo description of the problem]. Ivanovo, 2005. 184 p. (In Russ.).
11. Kobenko Ju.V., Zjablova N.N. Strukturnye osobennosti terminologicheskikh akronimov v tekstah anglijskogo nauchno-tehnicheskogo stilja sfery vozobnovljaemyh istochnikov jenerгии (VIJe) [Structural features terminology acronyms in texts of English science and technology style sphere of renewable energy sources]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and practice], 2013, vol. 5 (23), iss. 2, part 1, pp. 71–73. (In Russ.).
12. Lejchik V.M. *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [The subject methods]. Moscow, 2009. 256 p. (In Russ.).
13. Prohorova V.N. *Russkaja terminologija (leksiko-semanticheskoe obrazovanie)* [Russian terminology (lexical-semantic education)]. Moscow, 1996. 125 p. (In Russ.).
14. Strebkov D.S. *Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar' po solnečnoj jenergetike* [English-Russian and Russian-English dictionary on solar energy]. Moscow, 1995. 304 p.
15. Tezina E.V. Multi terminological phrases as elements of Internet Text [Compound term combinations as Internet-text elements]. *Vestnik Juzhnoural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of South Ural State University], 2006, iss. 17 (72), pp. 208–210.
16. Fedinskij Ju.I. *Bol'shoj normativno-tehnicheskij slovar'* [Grand regulatory technical dictionary]. Moscow, 2007. 926 p.
17. Chakalov G.A. *Novyj bol'shoj russko-anglijskij politehnicheskij slovar'* [New Comprehensive Russian English Polytechnic Dictionary]. Moscow, 2000. 618 p.

УДК 81'1
ББК 81

А. Г. Максимовских

КОНЦЕПТ И СРЕДСТВА ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Рассматривается понятие «концепт» с точки зрения новой науки, возникшей в рамках антропоцентрической парадигмы, – лингвокультурологии; анализируются современные работы лингвистов по вербализации концептов; описываются средства репрезентации концептов в современном русском языке; рассмотрен перечень ведущих концептов, несущих идеи русской ментальности.

Ключевые слова: *концепт, концептуальный анализ, средства репрезентации концептов.*

Аспекты исследования репрезентации концептов представляются на современном этапе развития лингвистической науки чрезвычайно актуальными. По мнению Н. Ф. Алефиренко, они связаны с процессами восприятия явлений и продуктов сознания, с изучением познания и мышления, «частично дублированных системой языка или находящихся с ней в отношениях дополнения» [1. С. 8].

Согласно мнению А. В. Свиридовой, концепт – это «открытая многомерная ментальная система, выраженная актуальными в данный момент времени для сознания и мышления периферийными языковыми знаками, объективирующими уровни знаний и способы познания человеком действительности. Вербализованный концепт – продукт духовного производства, репрезентирующий научную, этическую, эстетическую, религиозную и другие виды деятельности» [12. С. 23].

Более поздние работы по исследованию концептов отличаются большим, подробным и разносторонним их описанием. Чаще всего при исследовании различных концептов ученые обращаются к их языковым выражениям, этимологии («внутренней форме») ключевого слова (имени концепта), к данным словарей, анализу синонимов и даже антонимов, анализу сочетаемости и сопоставлению с другими концептами.

По мнению Е. Ю. Прохорова, каждый лингвист под концептом понимает нечто свое: «концептосфера может быть и у языка, и у отдельной лексемы; она может быть связана с отдельным жанром, с отдельным аспектом человеческого бытия и с отдельным наименованием социального статуса; концепт может быть представлен в языковом сознании и в языковой

картине мира, в художественной картине мира и в отдельном литературном жанре; концептом может быть и понятие, и некая каузальность, и некая эмоция, и так далее» [11. С. 9]

Наличие языкового выражения и регулярная репрезентация делают концепт общеизвестным. Один и тот же концепт можно анализировать с точки зрения лексических единиц различных уровней: слов, фразеологизмов, свободных сочетаний, предложений. Определение всего ряда языковых единиц концепта и способов их выражения поможет установить его актуальность для того или иного лингвосообщества. Кроме того, по мнению М. В. Пименовой [10. С. 29], «полное описание того или иного концепта возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его представления», поскольку «концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих».

Основная часть работ, описывающих концепт, базируется на лексико-семантическом материале.

Исследование семантики лексических единиц, репрезентирующих концепт, позволяет раскрыть понятийную составляющую концептов. Однако концепт не ограничивается только понятием. Он включает в себя все содержание той или иной лексической единицы: и денотативное, и коннотативное. Концепт может иметь индивидуальный, личностный, групповой, национальный характер [5. С. 9].

Как правило, концептуальный анализ начинается с изучения отдельных лексем, репрезентирующих тот или иной концепт (Т. И. Бабкина, В. Н. Базылев, Е. Ю. Бутенко, И. В. Войтешук, Т. А. Злыденная и др.).

Отдельные лексемы – единичные базовые (ключевые) слова. Базовость лексемы проявля-

ется в способности задавать основные направления в исследовании концепта, определять границы его номинативного поля, быть мерилом номинативной ценности объективирующих его языковых знаков [9. С. 6]. Но слово своим значением в языке представляет лишь часть концепта, отсюда, по мнению А. Т. Хроленко [14. С. 57], необходимость синонимии слова, потребность в текстах, совокупно раскрывающих содержимое концепта.

Далеко не всегда ядерную зону концепта можно определить одним словом.

С. А. Борисова [6. С. 61] отмечает, что между концептивной и семантической сферами языка нет прямого соответствия. Каждому концепту не обязательно соответствует конкретная лексическая единица. Путем комбинаций языковые выражения – «вербальные оболочки концептов» – могут отражать любые концепты и отношения между ними.

Существует ряд работ, содержащих описание и анализ определенных концептов, нашедших средства выражения на фразеологическом уровне языка (В. В. Антропова, А. В. Артёмова, С. Г. Воркачев, Н. В. Деева, М. Л. Коваль, И. А. Майоренко, А. В. Свиридова, Ф. Р. Сибгаева, Е. В. Слепушкина и др.).

Фразеологизмы наравне со словами способны репрезентировать концепты, но в них в большей степени отражается образно-эмоциональная и национально-специфическая стороны концепта. Благодаря внутренней форме они способны отражать те аспекты концепта, которые по разным причинам проявляются в лексике.

Многие научные изыскания посвящены выявлению концептов в художественных текстах отдельных авторов (Н. В. Богданова, В. Г. Глушкова, Е. И. Диброва, С. М. Карпенко, О. И. Коурова, Е. А. Лукина, А. А. Подкопаева, Е. В. Туктангулова и др.).

Целью таких работ является выявление набора характеристик, составляющих классическое понимание той или иной лексемы, которая репрезентирует исследуемый концепт определенной личности.

В. И. Карасик [8. С. 6] отмечает, что различные характеристики языковой личности, лингвокультурных концептов взаимодополнительны: изучая языковую личность, мы выявляем систему свойственных этой личности концептов; рассматривая лингвокультурные концепты, мы приходим к характеристикам человека в языке.

Многие работы посвящены описанию образного компонента концептов.

Образный компонент представляет собой отражение в сознании познаваемых объектов на протOVERбальном и собственно языковом уровне. Образное поле представляет собой совокупность образных средств, которые обозначают один и тот же денотат [2. С. 112].

Изучению индивидуально-авторских концептов в художественном тексте посвящены работы М. Б. Борисовой, С. Г. Воркачева, Е. В. Дзюба, О. В. Орловой, Т. В. Соловьёвой, И. А. Тарасовой, Т. Е. Яцугаи других лингвистов.

По мнению Н. Ф. Алефиренко [2. С. 11], индивидуально-личностные ценности включают в себя идеи и предметы, особенно близкие отдаленно взятому человеку. Они могут быть найдены в окружающей социально-культурной среде или созданы в результате индивидуального творчества.

У. А. Кулижанов [9. С. 187] отмечает, что высокий национально-культурный потенциал стилистически маркированных единиц явился основой формирования стилистического направления в лингвокультурологии.

Согласно точке зрения Д. У. Ашуровой [3. С. 117], лингвокультурологический подход к стилистическим приемам позволяет рассматривать их как одно из важнейших средств выражения концептов, отражающих понятийный, образный, ценностный компоненты.

Интересным видится ученым выявление концептуальных метафор и анализ метафорической сочетаемости «имени концепта», которые помогают установить образные характеристики.

В конце XX в. синтаксические конструкции стали интересовать лингвистов-когнитологов как знаки. Синтаксические концепты – это образы ситуаций, осмысленных людьми и вербализованных синтаксическими структурами. Так, Г. А. Волохина и З. Д. Попова [7] предложили описание русских синтаксических концептов, потом последовали и другие работы на материале русского и других языков.

В начале XXI в. появились работы о существовании морфологической репрезентации концептов [5]. Идея представления знаний на основе морфологических средств, по мнению ученых, еще молода, но перспективна.

Рассмотрим перечень ведущих концептов, несущих идеи русской ментальности, исследуемых в аспекте лингвокультурологии.

В словаре Ю. С. Степанова [13] выделяются следующие концепты: вечное, свои и чужие, интернационализм и космополитизм, мир, время, огонь и вода, хлеб, действие, ремесло, слово, вера, любовь, радость, воля, правда и истина, партийность, знание, наука, София, число, счет, письмо, алфавит, деньги, бизнес, закон, двоеверие, тайная власть, цивилизация, гражданское общество, славянофилы и западники, грусть и др. Серия тематических сборников под редакцией Н. Д. Арутюновой посвящена концептам судьба, истина, время, пространство, движение, образ человека, этика и др. Ю. Е. Прохоров [11. С. 123] включает концепты душа, играть, гулять, Бог, воля, престиж, жизнь, душа, любовь, профессор, белорусская шляхта, государство, хлеб, событийность, причина.

Картину этноспецифических концептов предлагает А. Д. Шмелев (2002), характеризуя душу и тело, время и пространство, общие жизненные установки (смирение, гордость, попрек, стыд, авось и др.), бытовые представления (заодно, вдруг, задушевность, дружба) и философию жизни (правда, справедливость, долг, обязанность, судьба).

По наблюдениям ученых, число диссертационных исследований концептов давно вышло за рамки сотни.

Лингвистическая концептология развивается в следующих направлениях: 1) моделирование «наивной философии», отраженной в языке, – публикации Ю. Д. Апрусяна и серия сборников «Логический анализ языка» под редакцией Н. Д. Арутюновой; 2) изучение телеономных концептов – высших ориентиров бытия («счастье», «любовь», «справедливость» и др.), проявляющихся в языке (работы С. Г. Воркачева и его учеников); 3) изучение концептов как фактов языкового сознания, живого знания, противопоставленного его лексикографической фиксации (работы И. А. Стернина и его учеников); 4) построение когнитивных моделей освоения действительности на основе грамматической семантики языка (исследования Н. Н. Болдырева и его учеников); 5) описание когнитивных метафор (работы А. П. Чудинова, М. В. Пименовой и их учеников); 6) изучение понятийных категорий в лингвокультурном аспекте (исследования А. В. Кравченко, М. В. Малиновича и их учеников); 7) моделирование концептов как трехмерных образований в аксиологическом ключе (работы В. И. Карасика, Н. А. Красавского, Г. Г. Слышкина и их учеников). Наиболее ин-

тересные исследования концептов, по мнению В. И. Карасика [8. С. 172–173], выполнены в Барнауле, Уфе, Санкт-Петербурге, Ереване, Иваново, Саратове, Минске, Харькове, Белгороде, Самаре, Элисте.

В 2006 г. в рамках совместного научного проекта межрегионального центра коммуникативных исследований в Воронежском университете и научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» в Волгоградском педагогическом университете были опубликованы четыре тома «Антологии концептов», содержащие различные результаты концептологических исследований.

Итак, основными средствами вербализации концептов, по мнению ряда современных лингвистов, являются готовые лексемы и фразеосочетания, синтаксические конструкции, тексты и совокупности текстов.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы вербализации концепта : теоретическое исследование / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
3. Ашурова, Д. У. Лингвокультурологический фактор в работе над художественным текстом на занятиях по стилистике английского языка / Д. У. Ашурова // Хорижий тилларни уқитишда лингвокультурологиянинг урвани ахамияти. Халкароилмий-амалий конференция материаллари. – Ташкент: УзДЖТУ, 2007. – С. 116–119.
4. Базылев, В. Н. Мифологема скуки в русской культуре / В. Н. Базылев // RESLINGUISTICA : сб. ст. к 60-летию профессора В. П. Нерознака. – М., 2000. – С. 130–147.
5. Беседина, Н. А. Принципы и механизмы морфологической репрезентации в языке / Н. А. Беседина // Филологические науки. – 2008. – № 6. – С. 44–52.
6. Борисова, С. А. Пространство – Человек / С. А. Борисова. – Ульяновск: УлГУ, 2003. – 327 с.
7. Волохина, Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: Облтипография, 1999. – 193 с.
8. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

9. Кулижанов, У. А. Эпитет как компонент национальной картины мира / У. А. Кулижанов // Молодой ученый. Ежемесячный научный журнал. – 2010. – № 3 (14). – С. 186–188.

10. Пименова, М. В. Коды культуры и принципы концептуализации мира / М. В. Пименова // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке : материалы Всерос. научн. конф. – Екатеринбург: Уральский университет, 2005. – С. 27–35.

11. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.

12. Свиридова, А. В. Вербализация концепта знание/познание средствами русской фразеоло-

логии в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах (на материале фразеологических единиц с компонентом не) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Свиридова. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2008. – 43 с.

13. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

14. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии : учебное пособие / А. Т. Хроленко. – М.: Флинта, 2004. – 184 с.

15. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

Сведения об авторе

Максимовских Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Шадринского государственного педагогического института, зам. декана факультета истории и права.

anneta@shadrinsk.net

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).

Philology. Arts. Issue 96. Pp. 53–57.

CONCEPT AND MEANS OF ITS REPRESENTATION

A. G. Maksimovskikh

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Shadrinsk State Pedagogical Institute, Deputy Dean of the Faculty of History and Law. anneta@shadrinsk.net

The definition of “concept” from the point of view of the new science which arose within an anthropocentric paradigm, – cultural linguistics is considered; modern works of linguists on verbalization of concepts are analyzed; means of concept representations in modern Russian are described; the list of the leading concepts bearing ideas of the Russian mentality is considered in the article.

Keywords: *concept, conceptual analysis, means of concept representation.*

References

1. Alefirenko N.F. *Problemy verbalizacii koncepta: Teoreticheskoe issledovanie* [Problems verbalization of the concept: Theoretical research]. Volgograd, Peremena Publ., 2003. 96 p. (In Russ.).

2. Alefirenko N.F. *Sovremennye problemy nauki o jazyke* [Modern problems of the science of language]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 416 p. (In Russ.).

3. Ashurova D.U. *Lingvokul'turologicheskij faktor v rabote nad hudozhestvennym tekstom na zanjatijah po stilistike anglijskogo jazyka* [Lingvocultural factors in the work of artistic text in the classroom for the style of the English language]. *Horizhij tillarni ukitishda lingvokul'turologija ning urvan iva ahamijati. Halkaroilmij-amalij konferencija* [The value of foreign language teachers, ethnography. Halkaroilmij conference materials]. Tashkent, UzDZhTU Publ., 2007. P. 116–119. (In Russ.).

4. Bazylev V.N. *Mifologema skuki v russoj kul'ture* [Mythologeme boredom in Russian culture]. *RESLINGUISTICA. Sbornik statej k 60-letiju professora V.P. Neroznaka* [RESLINGUISTIKA. Collection of articles on the 60th anniversary of Professor V.P. Neroznak]. Moscow, 2000. Pp. 130–147. (In Russ.).

5. Besedina N.A. Principy i mehanizmy morfoložičeskoj reprezentacii v jazyke [The principles and mechanisms of morphological representation in the language]. *Filologičeskie nauki* [Philology], 2008, no. 6, pp. 44–52. (In Russ.).
6. Borisova S.A. *Prostranstvo – Čelovek* [Space – Man]. Ulyanovsk, UIGU Publ., 2003. 327 p. (In Russ.).
7. Volohina G.A., Popova Z.D. *Sintaksičeskie koncepty russkogo prostogo predložhenija* [Syntax concepts Russian simple sentence]. Voronezh, Obltipografija Publ., 1999. 193 p. (In Russ.).
8. Karasik V.I. *Jazykovye ključi* [Language key]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 406 p. (In Russ.).
9. Kulizhanov U. A. Jepitet kak komponent nacional'noj kartiny mira [The epithet as a component of the national picture of the world]. *Molodoj učenij. Ežemesjačnyj nauchnyj žurnal* [Young scientist. Monthly Scientific Journal], 2010, no. 3 (14), pp. 186–188. (In Russ.).
10. Pimenova M.V. Kody kul'tury i principy konceptualizacii mira [Codes and principles of cultural conceptualization of the world]. *Novaja Rossija: novye javlenija v jazyke i nauke o jazyke: materialy Vseros. nauchn. konf.* [New Russia: new developments in language and linguistics]. Ekaterinburg, Ural university Publ., 2005. Pp. 27–35. (In Russ.).
11. Prohorov Ju.E. *V poiskah koncepta* [In search of a concept]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 176 p. (In Russ.).
12. Sviridova A.V. *Verbalizacija koncepta znanie/poznanie sredstvami russkoj frazeologii v lingvokognitivnom i lingvokul'turoložičeskom aspektah (na materiale frazeoložičeskih edinic s komponentom ne)* [Verbalization of the concept of knowledge/cognition resources of Russian phraseology in Lingvokognitivnye and lingvokul'turoložičeskom aspects (on a material of phraseological units with components not)]. Chelyabinsk, Chelyabinsk state university, 2008. 43 p. (In Russ.).
13. Stepanov Ju.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademičeskij proekt Publ., 2004. 992 p. (In Russ.).
14. Hrolenko A.T. *Osnovy lingvokul'turologii. Učebnoe posobie* [Fundamentals of cultural linguistics. Textbook]. Moscow, Flint Publ., 2004. 184 p. (In Russ.).
15. Shmelev A.D. *Russkij jazyk i vnejazykovaja dejstvitel'nost'* [Russian language and extralinguistic reality]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 496 p. (In Russ.).

УДК 81

А. В. Матвеева

РАДИОДИСКУРС КАК ВИД ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МЕДИАДИСКУРСА

Обосновывается место радиодискурса в общем дискурсивном многообразии. Принимая во внимание существующие классификации дискурсов, делается вывод, что радиодискурс является видом институционального дискурса, а также типом устного медиадискурса. В соответствии с выделенными характеристиками и особенностями дается определение радиодискурса.

Ключевые слова: радиодискурс, медиадискурс, институциональный дискурс, хронотоп, дискурсивные формулы.

Радио (от латинского *radio* – излучаю, *radius* – луч) – это разновидность беспроводной связи, при которой в качестве носителя сигнала используются радиоволны, свободно распространяемые в пространстве. Также под радио в обиходе часто понимают радиовещание. Регулярные передачи по радио звуковых программ начались в 1920 г. в США, в Российской Федерации – в 1924 г. Широкое распространение в ряде стран получило многопрограммное проводное вещание (в Российской Федерации – трехпрограммное). История возникновения радио традиционно связывается с изобретением в 1895 г. радиоприемника русским ученым А. С. Поповым. В течение 20 в. радио приобрело огромную популярность, в современном мире радио является одним из основных средств массовой информации и каналов ее передачи [6].

Многие исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой радиодискурс является частью, типом более широкого дискурса – медиадискурса или дискурса средств массовой информации, который в свою очередь является одним из типов устного дискурса, что обуславливает специфику функционирования данных типов дискурса. СМИ в целом выполняют функцию посредника, поэтому не просто передают информацию о реальной действительности, но и интерпретируют ее, формируя особую – публицистическую – картину мира [4]. Н. Г. Нестерова называет следующие характеристики современного медиадискурса: динамичность языковой нормы; неподготовленность публичной речи; снижение нормы устного говорения выступающих; активное включение в речь иноязычных вкраплений; использование неузуального словообразования и

сниженной лексики; активизация механизмов свободного построения дискурса; изменение синтаксического построения речи; популяризация интонаций неофициальности, интимности [4].

Говоря об особенностях радиодискурса, стоит отметить некоторые экстралингвистические условия, в которых протекает радиокommunikация и которые определяют уникальность данного типа дискурса: дистантность, опосредованность, отсутствие визуализации, массовость аудитории слушателей, всеохватность, скорость передачи информации, связь со временем (одномоментность, необратимость, линейность, непрерывность). Радиодискурс неоднороден, что вызвано диалогичностью и интерактивностью, созданием текстов и использованием языковых средств, характерных для разных типов речи. Особенности радиодискурса также обусловлены жанровыми и целевыми установками, тематикой программы и форматом радиостанции в целом. В данном случае стоит различать информационный и информационно-аналитический радиодискурсы, характеризующиеся такими свойствами, как установка на объективную позицию ведущего, спокойная тональность текстов, отсутствие ярких выразительных средств, ощущение сдержанности; и информационно-развлекательный дискурс, находящийся в некоей оппозиции к первым двум [5. С. 37–38]. Разница между информационным и информационно-аналитическими дискурсами заключается в направленности радиопрограмм и целевой установке сообщения. Если в первом случае важно донести информацию различного характера, возможно, из различных источников без выражения отношения к ней, то во втором случае целью

является не просто сообщение информации, но и выяснение отношения к ней участников события, сторонних наблюдателей, и при этом ведущий также может занимать определенную позицию, и может ставиться задача проанализировать сложившуюся ситуацию, найти выход из сложившегося положения, предложить пути решения. На наш взгляд, представляется почти невозможным выделить информационный радиодискурс в чистом виде, поскольку такой вид дискурса встречается преимущественно в выпусках новостей, причем и в информационно-развлекательном радиодискурсе, в эфире которого также выходят выпуски новостей. Однако современный радиодискурс не может ограничиться простым доведением информации до слушателя: новостные блоки являются неотъемлемой частью радиоэфира, но все же ядром будет являться интерактивные аналитические передачи, основным элементом которых являются беседы с приглашенными в радиостудию экспертами. Таким образом, мы считаем целесообразным подразделять радиодискурс на два подвида: информационно-аналитический и информационно-развлекательный. Последний подвид относится прежде всего к дискурсу музыкальных радиостанций.

Структурной единицей, организующей радиодискурс, можно считать эфирный час. То, на какие структурные блоки (реклама, информационные блоки, прогноз погоды, «стол заказов», спонтанные однократные реплики ведущих, сообщения о точном времени) он подразделен и как эти блоки соотносятся между собой, также определяет специфику радиодискурса. Данный тип дискурса также характеризуется интертекстуальностью и даже «гиперинтертекстуальностью», наличием ядра (радиоречь – речь ведущих и других участников коммуникативной ситуации) и периферии (всего прочего) [5. С. 38].

Пространство радиокommunikации не имеет реальных физических характеристик, «рисует» при помощи шумов, музыки и слов. Наличием такого пространства объясняется специфика лексики радиоведущих, цель которых состоит в «материализации» виртуального пространства эфира и подчеркивании его уникальности. Специфическими лексическими средствами радиодискурса являются окказиональные единицы и метафоры, реализующие установку на креативность и спонтанность, которые являются коммуникативными тактиками установления и поддержания контакта с

аудиторией слушателей. Диалогичность общения как одна из особенностей радиодискурса, направленная на взаимодействие с адресатом и привлечение внимания к сообщению и радиостанции в целом, достигается такими вербальными средствами, как спонтанно создающиеся «авторские» обращения, этикетные речевые формулы, обращенные к радиослушателям, конструкции, апеллирующие к ментальному опыту адресата [5. С. 39].

Проанализировав перечисленные особенности радиокommunikации и медиадискурса как одного из видов дискурса в рамках типологии по модусу, можно дать предварительное определение радиодискурсу. Радиодискурс – тип устного медиадискурса, характеризующийся динамичностью языковой нормы, дистантностью, опосредованностью, отсутствием визуализации, массовостью аудитории слушателей, всеохватностью, скоростью передачи информации, обладающий такими временными характеристиками, как одномоментность, необратимость, линейность и непрерывность, а также обусловленный жанровыми и целевыми установками, тематикой программы и форматом радиостанции в целом.

Обратимся к типологии дискурсов, предложенной В. И. Карасиком, который выделяет различные типы дискурса с позиций различных ветвей лингвистики. Так, с позиции социолингвистики можно выделить персонально (лично-ориентированный) и институциональный виды дискурса. Для нас в исследовании радиодискурса наибольший интерес представляет институциональный дискурс. В. И. Карасик дает следующее определение данного типа дискурса – это общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Применительно к современному обществу, по его мнению, можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный. Этот список можно изменить или расширить, поскольку общественные институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как однородные явления, кроме того, они исторически изменчивы, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве разновидностей в рамках того или иного типа [2. С. 12]. С учетом последнего замечания можно выде-

лить медиадискурс в качестве отдельного вида институционального дискурса. Поскольку мы определяем радиодискурс как один из видов устного медиадискурса, мы также можем относить его к видам институционального дискурса. Такая отнесенность позволяет выделить некоторые особенности радиодискурса.

В. И. Карасик выделяет следующие элементы институционального дискурса, описание которых позволяет обосновать особенности функционирования того или иного вида институционального дискурса:

- участники;
- хронотоп;
- цели;
- ценности (в том числе и ключевой концепт);
- стратегии;
- материал (тематика);
- разновидности и жанры;
- прецедентные (культурогенные) тексты;
- дискурсивные формулы [2. С. 13–14].

Другая точка зрения на составляющие институционального дискурса представляет следующую классификацию компонентов:

При переходе к вопросу о структурных компонентах институционального дискурса необходимо отметить, что в любом институциональном дискурсе присутствует как минимум восемь компонентов:

- представление о социальной миссии данного института;
- особый язык, включая профессиональный, который принято использовать при включении в конкретную институциональную коммуникацию;
- нормативная модель типично-событийной статусно-ролевой коммуникации, к реализации которой принуждает конкретный институциональный дискурс;
- система базовых ценностей, транслируемых и внушаемых посредством институциональных коммуникаций;
- основные стратегии институционального дискурса;
- жанры институционального дискурса;
- прецедентные тексты;
- типичные дискурсивные формулы (фразеологизмы, анекдоты, жесты, дресс-код и др.) [7].

Остановимся на второй классификации структурных компонентов институционального дискурса, поскольку она представляется нам более полной и охватывает элементы, перечисленные В. И. Карасиком. Опишем подробнее

каждый из компонентов и обозначим, как тот или иной элемент реализуется непосредственно в рамках радиодискурса.

Представление о социальной миссии в обязательном порядке включает формулировку Универсального Блага, которое несет каждому человеку и обществу в целом определенный социальный институт [7]. В случае радиодискурса социальная миссия – сообщение актуальной информации населению страны с наибольшей возможной точностью, с установкой на объективность.

Наличие особого языка является важной характеристикой институционального дискурса. Каждый социальный институт закрепляет за собой некое символическое и предметно-практическое пространство деятельности, в котором ведущую роль играют профессионалы [7]. Профессионалов отличает не только специализированная подготовка и квалификация, но и владение профессиональным языком. В радиодискурсе в качестве профессионалов выступают радиоведущие, которые проходят особую подготовку и, без сомнения, владеют литературным языком. Гости в студии, с которыми проводятся беседы, тоже являются профессионалами в своей сфере деятельности, соответственно, для них характерен также особый язык, отличающийся от языка радиоведущего.

Нормативная модель типично-событийной статусно-ролевой коммуникации имеет собственную сложную структуру. Схематично данную модель можно представить посредством выделения следующих структурных единиц [7]:

- типичное событие: интервью в радиостудии («живой» диалог в студии, интервью по телефону);
  - типичные участники: радиоведущий, репортер, дающий сводку с места событий в выпуске новостей, интервьюируемый;
  - время и место коммуникативных контактов (хронотоп): место действия – радиостудия, причем вещание происходит в режиме реального времени 24 часа 7 дней в неделю;
  - статусы типичных участников коммуникации: радиоведущий выполняет главную роль, доминирует над ситуацией, интервьюируемый находится в позиции подчинения, не имеет контроля над ситуацией;
  - ролевые отношения типичных участников коммуникации: интервьюер и интервьюируемый;
  - ситуативные контексты коммуникации (внутренние и внешние условия общения): от-

ношения между участниками на внутреннем уровне характеризуются высокой формальностью, конфликтность, если и существует, тщательно скрывается, что можно объяснить установкой на объективность и высокой формальностью общения; внешние условия коммуникации обусловлены в значительной степени ситуацией в стране и в мире и задают тематику программ, интервью и телефонных бесед;

- официально принятые нормы коммуникации: общепринятые формы официально-делового медиаобщения в той или иной культуре, регламент проведения интервью в рамках радиопрограммы;

- традиционные формы общения: интерактивность и диалогичность общения, заданная коммуникативной ситуацией интервью.

Система базовых ценностей определяется миссией конкретного институционального дискурса и характерными для сферы его функционирования профессиональными кодексами [7]. В данном случае это кодекс и профессиональная этика журналиста, поскольку радиоведущие являются чаще всего профессионалами в данной области, а также общая установка на объективность и точность информации, доносимой до зрителя. Кроме того, это может быть донесение официальной точки зрения, установленной правительством той или иной страны, и реализация таким образом идеологической функции.

Основные стратегии институционального дискурса определяются характером и направлениями деятельности конкретного социального института, а также типичными для данного института особенностями жанровых коммуникаций [7]. Поскольку наиболее типичной коммуникативной ситуацией радиодискурса является диалог, который присутствует даже при монологической речи ведущего, имплицитно обращающегося к радиослушателю, основными стратегиями радиодискурса будут являться диалоговые коммуникативные стратегии. Кроме того, экстралингвистические условия, в которых протекает радиокommunikация, накладывающие определенные ограничения на донесение сообщения, приводят к необходимости применения некоторых других речевых стратегий и тактик, которые, в свою очередь, будут нацелены на преодоление коммуникативных барьеров и донесение информации в наиболее полном ее виде.

Жанры институционального дискурса – это формализованные конструкты стереотипных практик, получающие свое выражение в риту-

альных актах, административных процедурах, речевых и письменных формах [7]. Жанрами современного радиодискурса будут являться интервью в радиостудии, телефонное интервью (ведущий находится в студии, собеседник в каком-то другом месте), репортаж с места событий, вставки между программами, анонсы.

Прецедентные тексты как структурные компоненты институционального дискурса представляют собой письменные и устные источники, на основе которых выстраивается весь корпус внутренней и внешней институциональной коммуникации, определяются ее миссия, кредо, базовые стратегические установки, нормативные положения, главные правила статусно-ролевой игры. Поскольку тематика программ довольно широка и охватывает различные сферы жизни, то прецедентными текстами в данном типе дискурса могут являться все тексты, созданные в данной культуре, а также в мировой культуре в целом.

Типичные дискурсные формулы так же, как и прецедентные тексты относятся к «осадочному плану» институционального дискурса. В них фиксируются отработанные многолетней практикой типичные для институциональной коммуникации выражения, жесты, реплики, риторические фигуры, анекдотические ситуации, запечатленные в профессиональном юморе. Относительно радиодискурса можно отметить наличие формул приветствия и прощания, напоминаний о программе в эфире, представления ведущих, представления репортеров, анонсирования программы, рекламы радиостанции. Стоит также отметить, что в современном радиодискурсе возможно варьирование формул в зависимости от компетенции, профессионализма радиоведущего и его желания презентовать себя в рамках реализации стратегии самопрезентации.

Экстралингвистические условия, в которых протекает радиокommunikация, типы взаимодействия участников радиокommunikации, стремление к материализации радиопространства, структурная организация, тематическая разноплановость, особые языковые средства свидетельствуют о том, что радиодискурс, сочетая в себе универсальные черты медиадискурса как типа институционального дискурса, имеет свои отличительные особенности и имеет самостоятельный статус в общем дискурсивном пространстве.

Таким образом, под радиодискурсом мы будем понимать вид устного институциональ-

ного медиадискурса, строящийся по особой нормативной модели типично-событийно статусно-ролевой коммуникации с особой структурой, характеризующийся социальной миссией, особыми языковыми средствами, дискурсивными формулами, особыми коммуникативными стратегиями, реализующими речевое воздействие, а также динамичностью языковой нормы, дистантностью, опосредованностью, отсутствием визуализации, массовостью аудитории слушателей, всеохватностью, большой скоростью передачи информации, обладающий особыми временными характеристиками (одномоментность, необратимость, линейность и непрерывность), а также обусловленный жанровыми и целевыми установками, тематикой программы и форматом радиостанции в целом.

Список литературы

1. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик. – URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>. – Дата обращения: 04.12.2014.
2. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Саратовский университет, 2000. – С. 25–34.
3. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик. – М.: Институт языкознания РАН, 2009. – 19 с.
4. Нестерова, Н. Г. Современный медиадискурс: в поисках подхода к изучению // Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации, Центр теории и практики речевой коммуникации. – URL: <http://yspu.org/images>. – Дата обращения: 15.12.2014.
5. Нестерова, Н. Г. Коммуникативно-прагматическая специфика спонтанного радиодискурса / Н. Г. Нестерова // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. – 2009. – № 318. – С. 37–41.
6. Определение радио, история возникновения радио, радиовещание // Форекс на ForexAW.com – аналитика форекс, новости валютного рынка forex, прогнозы фондового рынка. – URL: http://forexaw.com/TERMS/Industry/Technology/1453_Радио_Radio. – Дата обращения: 15.12.2014.
7. Русакова, О. Ф. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков // МАДИ. Дискурс Пи. – URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27%3Apr-&catid=59%3Apr---. – Дата обращения: 27.11.2014.
8. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

Сведения об авторе

Матвеева Анастасия Валерьевна – студентка 5 курса, лаборант кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета.

afina20071@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 58–63.*

RADIODISCOURSE AS A TYPE OF INSTITUTIONAL MEDIADISCOURSE

A. V. Matveeva

Student of Chelyabinsk State University, Faculty of Linguistics and Translation. afina20071@mail.ru

In the article the author makes an attempt to classify radiodiscourse in according to the existing classifications of discourses. Being a type of oral discourse of mass media it possesses its certain characteristics such as unprepared nature of official speech, tendencies to deterioration of a linguistic norm and an intimate manner of speaking. Moreover, clearly defined roles, specified place and context of communication, chronotope, certain typical discursive formulae allow to define radiodiscourse as an institutional discourse. However, extralinguistic conditions in which radiocommunication takes place

bring about such peculiarities of radiodiscourse as distance and mediation, mass nature of audience, omnitude, high information rate, direct connection to time, in particular irreversibility, linearity, continuity. Though radiodiscourse has universal characteristics of both oral media- and institutional discourses, the named peculiarities make it possible to distinguish it in discourse diversity, where it has a certain quite independent position.

Keywords: *radiodiscourse, mediadiscourse, institutional discourse, chronotope, discursive formulae*

References

1. Karasik V.I. *O kategoriyakh diskursa* [About characteristics of discourse]. Available at: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>, accessed 04.12.2014. (In Russ.).
2. Karasik V.I. *Struktura institutstionalnogo diskursa* [The structure of institutional discourse]. *Problemi rechevoy kommunikatsii* [The problems of verbal communication: the interuniversity collection of scientific papers]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 2000. Pp. 25–34. (In Russ.).
3. Kibrik A.A. *Modus, zhanr i drugie parametric klassifikatsii diskursov* [Modus, genres and other parameters of the classification of discourses]. Moscow, Institut yazikoznaniya RAN Publ., 2009. 19 p. (In Russ.).
4. Nesterova N.G. *Sovremenniy mediadiskurs: v poiskakh podkhoda k izucheniyu* [Modern mediadiscourse: searching for the approach to studying]. *Aktualniye protsessi v sotsialnoy i massovoy kommunikatsii, Tsentrteorii I praktiki rechevoy kommunikatsii* [Acute problems of social and mass communication, Thecentre of theory and practice of verbal communication]. Available at: <http://yspu.org/images/>, accessed 15.12.2014. (In Russ.).
5. Nesterova N.G. *Kommunikativno-pragmaticheskaya spetsifika spontannogo radiodiskursa* [Communicative and pragmatic peculiarities of spontaneous radiodiscourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya* [Bulletin of the Tomsk state university. Series Philology], Tomsk, 2009, iss. 318, pp. 37–41. (In Russ.).
6. *Opredele niyeradio, istoriya vozniknoveniya radio, radiovetschaniye* [The definition of radio, the history of radio, broadcasting]. *Foreks na ForexAW.com – analitika foreks, novosti valyutnogo rinka forex, prognozi fondovogo rinka* [ForexonForexAW.com – forexanalytics, foreignex change market news, foreign exchange market forecasts]. Available at: http://forexaw.com/TERMs/Industry/Technology/1453_Радио_Радио-это, accesses 15.12.2014. (In Russ.).
7. Rusakova O.F., Rusakov V.M. *PR-diskurs: Teoretiko-metodologicheskiy analiz* [PR-discourse: Theoretical and methodological analysis]. *MADI. Diskurs Pi* [MADI. Diskurs Pi]. Available at: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27%3Apr-&catid=59%3Apr----, accessed 27.11.2014. (In Russ.).
8. Chernyavskaya V.E. *Diskurs vlasti i vlastdiskursa: problem rechevogo vozdeystviya* [The discourse of authority and the authority of discourse: the problems of verbal influence]. Moscow, Flinta Publ.: Nauka Publ., 2006. 136 p. (In Russ.).

УДК 800

Н. С. Олизько

СИНЕРГЕТИКА ЯЗЫКА

Затрагивается проблема метаязыка лингвосинергетики. В рамках данного подхода язык трактуется как нелинейно-саморазвивающееся единство открытых и подвижных, разомкнутых в интердискурсивном пространстве семиосферы интертекстуальных структур.

Ключевые слова: лингвосинергетика, семиосфера, дискурс, интертекстуальность, интердискурсивность, самоорганизация, точка бифуркации, креативный аттрактор, иерархичность, неустойчивость, нелинейность, эмерджентность, симметричность, асимметричность, открытость.

Лингвистика как наука находится в постоянном поиске новых подходов к изучению своего объекта, применяя методы и методики различных дисциплин к исследованию организации и функционирования языковой системы. Современное состояние науки о языке характеризуется синергетической направленностью, способствующей изучению языка как самоорганизующейся нелинейной динамической системы.

Открытия в области естественнонаучных дисциплин (прежде всего, физики, химии и биологии) во второй половине XX в. привели к появлению синергетики как науки об открытых неравновесных развивающихся системах различной природы. Развитие синергетического подхода в языкознании подготовлено открытиями в области сравнительно-исторического языкознания, структурной и функциональной лингвистики.

Синергетика, выступая синтезом многочисленных теорий системности мира, требует особого внимания к метаязыку науки. Основу метаязыка лингвосинергетики составляет определенный комплекс терминов, заимствованных из многих точных и гуманитарных наук. Остановимся на некоторых из них.

Иерархичность. В лингвосинергетике речь идет о структурной иерархии, подчеркивающей составную природу вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим: «то, что для низшего уровня есть структура-порядок, для высшего есть бесструктурный элемент хаоса, строительный материал» [2].

С точки зрения иерархичности язык как сгусток семиотического пространства, или семиосфера, состоит из микро- (интертекст), макро- (дискурс) и мега- (интердискурс) уровней. Способность каждого уровня находиться в со-

стоянии относительного равновесия определяется параметрами порядка – факторами, управляющими его функционированием. Порядок в системах с взаимными связями между элементами возникает вокруг так называемых «аттракторов» (от англ. to attract – притягивать) – «притягивающих множеств, которые помогают создавать и поддерживать устойчивое состояние системы» [1]. Параметры порядка, задающие язык макроуровня, ассоциируются с авторским замыслом как креативным аттрактором, обеспечивающим устойчивое состояние дискурса. Короткоживущие переменные, задающие язык нижележащего микроуровня, – различного рода интертекстуальные включения – служат для макроуровня дискурса бесструктурным хаотическим материалом. Вышележащий над макроуровнем мегауровень интердискурса образован сверхмедленными «вечными» переменными (системообразующими концептами), которые выступают для макроуровня управляющими параметрами. Другими словами, интердискурсивное пространство семиосферы языка образовано разнородной совокупностью дискурсов, среди которых мы можем выделить, например, художественный дискурс, состоящий из множества текстов-интертекстов, обеспечивающих многомерную связь частей соответствующего текста между собой, текстов одного автора с другими текстами данного автора, а также текста с прецедентными феноменами.

Неустойчивость. Лингвосинергетическая трактовка состояния неустойчивости связана с «точками бифуркаций, которые появляются в любой ситуации рождения нового качества и характеризуют рубеж между старым и новым» [5. С. 89].

Система «интертекст–дискурс–интердискурс» характеризуется неустойчивостью в том смысле, что изменения в сфере интертекстуальных включений приводят к преобразованию соответствующего типа дискурса, трансформирование которого в свою очередь оказывает воздействие на интердискурс семиосферы. В процессе восприятия художественного произведения динамические процессы на уровне автор-текст-читатель, формирующем художественный дискурс, приводят к возникновению случайных хаотических колебаний (флуктуаций), которые, усиливаясь, могут так влиять на систему, что она приближается к точке ветвления (бифуркации) – переломному моменту в выборе дальнейшего пути понимания произведения. Поведение системы в точке бифуркации кажется парадоксальным: она подчиняется вроде бы случайным, второстепенным факторам, которые начинают играть главную роль и оказывают решающее воздействие на переход всей системы на тот или иной эволюционный сценарий. Речь идет о возможности привлекать к интерпретации художественного произведения практически неограниченное количество смысловых элементов, как-либо связанных с доминантным смыслом. Это в частности объясняет тот факт, что в момент бифуркации состояния системы возможно не одно, а множество вариантов структурного преобразования дискурса.

Благодаря своим внутренним энергоресурсам в результате реакций на информацию, поступающую как извне, так и изнутри, художественный дискурс самоорганизуется. «По мере “взросления” замысла его развитие во все большей степени начинает зависеть не от художника, а от самого созревающего произведения, то есть становится в точном смысле этого слова процессом самоорганизации» [10. С. 100]. Как отмечает Дж. Д. Эткинс, на определенном этапе в жизни текста наступает самопроизвольный момент, когда «текст начинает отличаться от самого себя, выходя за пределы собственной системы ценностей, становясь неопределимым с точки зрения своей явной системы смысла» [4. С. 187]. В результате провозглашается принципиальная относительность «правильности» любого понимания и право каждого на свое собственное толкование. Каждое прочтение текста дает приращение нового смысла, что приводит к «бездне» возможных смысловых значений и «свободной игре активной интерпретации», а значит – и «интерпретирующего сознания» [8. С. 54].

Нелинейность следует трактовать как нарушение принципа суперпозиции в некотором явлении: «результат суммы воздействий на систему не равен сумме результатов этих воздействий» [2]. В лингвосинергетике нелинейности может быть эксплицирована посредством идеи многовариантности, выбора из данных альтернатив.

Текстовое значение в рамках художественного дискурса в принципе не может быть воспринято и оценено как линейное: методология текстового анализа Р. Барта эксплицитно «требует, чтобы мы представляли себе текст как ... переплетение разных голосов, многочисленных кодов, одновременно перепутанных и незавершенных» [9. С. 334]. В силу своей имманентной нелинейности и неустойчивости текстовая среда интерпретируется как непредсказуемая, всегда готовая породить новые версии смысла.

Эмерджентность. Термин «эмерджентность» (от emergent – неожиданно возникающий) означает самопроизвольное возникновение таких свойств, которые присущи некоторому образованию в целом, но не свойственны ни одному из его элементов в отдельности.

Принцип эмерджентности описывает возникновение нового качества системы по горизонтали, то есть на одном уровне, когда медленное изменение управляющих параметров мегауровня-интердискурса приводит к бифуркации, неустойчивости системы на макроуровне – уровне дискурса и перестройке его структуры. В точке бифуркации параметры порядка макроуровня возвращают свои степени свободы в хаос микроуровня-интертекста, растворяясь в нем. Затем в непосредственном процессе взаимодействия мега- и микро-уровней рождаются новые параметры порядка обновленного макроуровня. Другими словами, под эмерджентностью языка следует понимать появление спонтанно возникающих свойств, не характерных для отдельно взятых иерархических уровней (интертекста, дискурса или интердискурса), но присущих системе как целостному функциональному образованию.

Симметричность/асимметричность. Симметрия и асимметрия как диалектическое единство повторяющегося и различного обладают универсальностью на всех известных современной науке масштабных уровнях организации систем. Элементы языка также способны «взаимодействовать на разных уровнях организации как симметричные или асимметричные.

При этом факт симметричности какого-либо проявления структуры или функции позволяет квалифицировать его как стандартный и малоинформативный. Асимметрия несет высокоинформативное разнообразие» [6. С. 61]. Под симметрией понимается соразмерность между частями целого, образуемая повтором соответствующих языковых структур. В случае «выпадения» (перехода в разряд скрытых смыслов) одного или нескольких элементов симметрии речь идет об асимметрии, характеризующейся «отступлением от упорядоченности, регулярности в строении и функционировании языковых единиц» [10. С. 94].

В современной науке категория симметрии объединяет в себе, наряду с классическим понятием симметрии как соразмерности, довольно разнообразные виды симметрии, такие как диссимметрия, антисимметрия, изометрия и прочие. Мы останавливаемся на разграничении упомянутых выше симметрии и асимметрии, так как «выявляя симметричные – асимметричные моменты и оценивая их значимость в системном развитии, можно установить законы динамики смысловой системы художественного произведения и на их основе достаточно объективно охарактеризовать мировоззренческую концепцию автора» [7. С. 51].

Учитывая тот факт, что живому – самоорганизующемуся – организму симметрия менее свойственна, Г. Г. Москальчук отмечает, что в тексте (составляющем элементе дискурса) наиболее вероятны асимметричные структуры. Однако обнаружить последние можно только на фоне инвариантных (симметричных) проявлений структурной организации текста, так как только «симметричный фон, существующий на всех уровнях языка, служит стабилизатором системы, синхронизатором текста и рече-мыслительной деятельности» [6. С. 62]. Отсюда очевидно: «чтобы сохранить феноменальную целостность, текст должен стремиться к симметрии, но никогда ее не достигать, поскольку симметрия его структуры ведет к резкому снижению информативности, свойственной открытым нелинейным диссипативным, то есть синергетическим системам» [3. С. 52]. Другими словами, субстанция дискурса организуется, стремясь к симметрии, но одновременно и самоорганизуется, стремясь к асимметрии. Доминантный смысл, синхронизирующий симметричные (находящиеся в динамическом равновесии) и асимметричные (находящиеся в динамическом неравновесии)

компоненты, выступает креативным аттрактором, организующим художественный дискурс.

Открытость предполагает взаимодействие системы со своим окружением и позволяет эволюционировать от простого к сложному, так как каждый иерархический уровень может развиваться и усложняться только при обмене веществом, энергией, информацией с другими уровнями.

Принципиально открытое художественное пространство вбирает в себя максимальное число текстов, написанных в различные эпохи. Любое художественное произведение может быть рассмотрено как место пересечения уже существовавших текстов – «нитей ризомы», то есть место преломления и переплетения всего многообразия текстов культуры.

На языке иерархических уровней принцип открытости подчеркивает два важных обстоятельства. Во-первых, это возможность явлений самоорганизации в форме существования стабильных неравновесных структур макроуровня – уровня дискурса (открытость дискурса к интертексту при фиксированных управляющих параметрах). Во-вторых, возможность самоорганизации становления, то есть возможность смены типа неравновесной структуры, типа аттрактора (открытость дискурса к интердискурсу меняющихся управляющих параметров системы).

Подводя итог, отметим, что в рамках лингвосинергетической трактовки язык выступает открытой, нелинейной, иерархически организованной эволюционирующей системой.

Список литературы

1. Аршинов, В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В. И. Аршинов. – URL: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/arshinov%5Fsinergetika/02.aspx>.
2. Буданов, В. Г. Синергетика: история, принципы, современность / В. Г. Буданов. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/SinBud.htm>.
3. Герман, И. А. Введение в лингвосинергетику / И. А. Герман, В. А. Пищальникова. – Барнаул: Алтайский университет, 1999. – 130 с.
4. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 251 с.
5. Князева, Е. Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
6. Манаков, Н. А. К основаниям текстосимметрии / Н. А. Манаков, Г. Г. Москальчук

// Лингвосинергетика: проблемы и перспективы : материалы второй школы-семинара. – Барнаул: ААЭП, 2001. – С. 57–63.

7. Мышкина, Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики / Н. Л. Мышкина. – Пермь: Пермский университет, 1998. – 152 с.

8. Нестерова, Н. М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм / Н. М. Нестерова. – Пермь: Пермский государ-

ственный технический университет, 2005. – 203 с.

9. Постмодернизм : энциклопедия / отв. ред. А. И. Мерцалова. – М.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.

10. Фещенко, В. В. *Autopoietica* как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики / В. В. Фещенко // Семиотика и Авангард : антология. – М.: Академический Проект; Культура, 2006. – С. 54–122.

Сведения об авторе

Олизько Наталья Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

olizko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).

Philology. Arts. Issue 96. Pp. 64–68.

LANGUAGE SYNERGETICS

N. S. Olizko

*Doctor of Philology, associate professor, professor of the theory and practice of English language
Chelyabinsk State University. olizko@yandex.ru*

The article addresses the issue of linguo-synergetics' metalanguage. Under this approach, language is treated as a non-linear self-developing unity of open and dynamic intertextual structures that interact in interdiscourse space of semiosphere.

Keywords: *linguo-synergetics, semiosphere, discourse, intertextuality, interdiscursivity, self-organization, bifurcation point, the creative attractor, hierarchy, instability, nonlinearity, emergence, symmetry, asymmetry and openness.*

References

1. Arshinov V.I. *Sinergetika kak fenomen postneklassicheskoy nauki* [Synergetics as a phenomenon of post-nonclassical science]. Available at: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/arshinov%5Fsinergetika/02.aspx>. (In Russ.).

2. Budanov V.G. *Sinergetika: istoriya, principy, sovremennost'* [Synergetics: the history, principles, modernity]. Available at: <http://spkurdyumov.narod.ru/SinBud.htm>. (In Russ.).

3. German I.A., Pishhal'nikova V.A. *Vvedenie v lingvosinergetiku* [Introduction to linguosynergies]. Barnaul, Altajsk university, 1999. 130 p. (In Russ.).

4. Il'in I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism]. Moscow, Intrada Publ., 1996. 251 p. (In Russ.).

5. Knjazeva E.N., Kurdjumov S.P. *Osnovaniya sinergetiki. Sinergeticheskoe mirovidenie* [Foundations of Synergetics. The synergistic vision of the world]. Moscow, KomKniga Publ., 2005. 240 p. (In Russ.).

6. Manakov N.A., Moskal'chuk G.G. *K osnovanijam tekstosimmetriki* [By the basis of the text symmetries]. *Lingvosinergetika: problemy i perspektivy* [Linguosynergy: problems and prospects]. Barnaul, AAJeP Publ., 2001. Pp. 57–63. (In Russ.).

7. Myshkina N.L. *Vnutrennjaja zhizn' teksta* [The inner life of the text: the mechanisms, forms, characteristics]. Perm, Perm university, 1998. 152 p. (In Russ.).

8. Nesterova N.M. *Tekst i perevod v zerkale sovremennyh filosofskih paradigim* [Text and translation in the mirror modern philosophical paradigms]. Perm, Perm state university Publ., 2005. 203 p. (In Russ.).
9. *Postmodernizm (otv. red. A. I. Mercialova)* [Postmodernism Mercialova A.I. (ed.)]. Moscow, Interpresservis, Knizhnyj dom Publ., 2001. 1040 p. (In Russ.).
10. Feshhenko V.V. *Autopoetica kak opyt i metod, ili o novyh gorizontah semiotiki* [Autopoetica as the experience and technique or new horizons]. *Semiotika i Avangard : antologija* [Semiotics and Vanguard : anthology]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Kul'tura Publ., 2006. Pp. 54–122. (In Russ.).

УДК 81'23
ББК 81

Н. П. Пешкова

СЕМАНТИКА И СМЫСЛ ТЕКСТА: >, <, =, #? (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ)

В статье осуществляется теоретический анализ таких составляющих семантики текста, как его «содержание» и «смысл», с опорой на психолингвистические экспериментальные исследования. Выясняется объем этих понятий относительно общего понятия «семантика» текста, а также уточняется их соотношение с точки зрения механизмов, обуславливающих их продуцирование в процессах восприятия и понимания текстов различных типов.

Ключевые слова: *семантика текста, содержание, смысл, неоднозначность, восприятие, интерпретация, принцип доминантности, денотативный анализ текста, метод «встречного текста».*

В исследованиях, посвященных проблемам текста и дискурса, на протяжении нескольких десятилетий прослеживается неослабевающий интерес авторов, принадлежащих самым разным направлениям, к различным аспектам семантики речевого произведения [См., например: 1; 2; 3; 9; 10; 11; 14; 17; 20].

В связи с этим следует отметить, что и многоаспектность изучаемого объекта, и различные научные парадигмы, используемые исследователями, не могли не привести к столь разнообразным решениям, которые, казалось бы, должны были удовлетворить практически все запросы, как прикладные, так и теоретические, возникающие на каждом этапе развития науки о тексте и дискурсе. Тем не менее, невозможно не заметить, что семантические аспекты текста продолжают привлекать внимание современных исследователей, что приводит к постановке новых проблем и к поиску новых ответов на старые вопросы.

Как мы уже отмечали ранее, подобную ситуацию можно объяснить несколькими причинами [17]. Одна из них связана с такой особенностью природы текста, которую мы охарактеризовали как его типобразующий потенциал. В основе этой особенности текста лежит его способность, к «самовоспроизводству», к неограниченному порождению новых типов, отвечающих постоянно растущим и меняющимся потребностям человека в новых видах устной и письменной коммуникации. В качестве примера можно назвать тексты электронной коммуникации, Интернет-тексты, новые виды текстов СМИ и рекламы, новые формы креоли-

зованных текстов с преобладанием невербальных средств над вербальными, и т.п.

Вторая причина обусловлена еще одним важнейшим свойством речевого произведения, гибкостью, обеспечивающей возможность изменений уже существующим типам текста. Эту способность текста иллюстрирует научный текст, настолько изменившийся за последние десятилетия ряд своих принципиальных характеристик, что зачастую по одним параметрам его можно сравнивать с художественными произведениями, а по другим – с текстами массовой коммуникации, в том числе и с рекламой.

Третью причину положения, сложившегося в исследованиях семантики текста, мы связываем с увеличением возможностей исследовательского инструментария и с появлением новых методов проникновения в глубинные, скрытые от нас, аспекты семантики текста. Такие инструменты предлагают общая психолингвистика и психолингвистика текста, психосемантика, когнитивная лингвистика, герменевтика и т.д.

Известно, что понятие «семантика» традиционно связывают с понятием «значение», безотносительно уровня языковых или речевых единиц. Следует оговорить, что нашему пониманию наиболее близка концепция семантики текста А. И. Новикова, в соответствии с которой значением текста является его содержание [9].

Нужно также отметить, что значение текста, как единицы речи, представляет собой такое ментальное образование, которое не может быть зафиксировано предварительно в словаре, как это происходит со словом. Оно форми-

руется в сознании реципиента при восприятии текста в результате его понимания каждый раз заново. В связи этим возникает вопрос, может ли семантика текста быть ограничена только его непосредственным значением, или содержанием.

Согласно теории текста и смысла А. И. Новикова, основные принципы которой мы разделяем, понятие содержания не совпадает с понятием смысла текста, последнее представляет собой более широкое образование, включающее помимо содержательной составляющей такие компоненты, как эмоциональный, субъективно-оценочный, прагматический и т.д.

На сегодняшний день существуют различные дефиниции понятия «смысл», демонстрирующие разнообразие подходов к проблеме. Онтология смысла подробно и глубоко исследуется в трудах А. И. Новикова [См.: 9; 10; 11; 12; 13; 14].

С. Н. Виноградов в одной из своих последних работ, обсуждая онтологические свойства смысла текста, также опирается на теорию смысла, получившую развитие в конце 90-х гг. прошлого века и начале 2000-х. Он отмечает, что в трудах А. И. Новикова и, в частности, в последней его монографии «Текст и его смысловые доминанты» [14] отразились различные стороны понятия смысла текста, нерешенные проблемы и новые перспективы исследований в данной области. С. Н. Виноградов полагает, что смысл текста необходимо рассматривать, прежде всего, как «разновидность бытия», существующую «реально и независимо от исследователя» [2. С. 153].

А. И. Новиков был убежден в том, что применительно к семантике текста смысл имеет особое значение, «без обращения к смыслу не может рассматриваться семантика таких речевых единиц, как предложение и текст» [14. С. 35].

Мы не только разделяем подобную позицию, но и продолжаем развивать ее в ряде наших последних работ, полагая, что сама парадигма исследований семантики текста должна быть охарактеризована как смысловая [20].

В настоящей статье мы попытаемся изложить свою точку зрения на обозначенные выше проблемы и ответить на вопрос, сформулированный в заголовке статьи.

Как мы отмечали ранее, любое речевое произведение имеет свой «жизненный цикл», находясь в «эпицентре» между процессами порождения и понимания, или между замыслом автора и смыслом, постигаемым адресатом.

«Жизненный цикл» текста мы представляли в виде следующих взаимозаменяемых триад: *порождение – текст – понимание*, или *замысел (авторский смысл) – текст – смысл* [16. С. 24].

В соответствии с таким представлением о «жизни текста», независимо от формы коммуникации, устной или письменной, его автора и его адресата связывает между собой *смысл*, порождаемый и постигаемый. Благодаря этому, как мы отмечали, сам текст есть одновременно продукт и процесс, и границы между его статикой и динамикой весьма относительно. В процессе формирования замысла автора зарождается авторский смысл текста как подвижное, подверженное изменениям образование. Он может обрести законченную форму в качестве решения автора, неизменного на данном этапе. Как мы уже отмечали, подвижное, меняющееся в процессе порождения смысловое образование приобретает определенность, подобно тому, как расплавленный металл отвердевает под воздействием охлаждения. Однако, металл можно переплавить при повторном нагревании, так и авторский смысл «переплавляется» в сознании адресата в процессе восприятия текста [17. С. 41].

Одной из проблем, имеющих длительную историю в семантических исследованиях текста, является проблема отношений между его содержанием и смыслом, как равнозначными, с нашей точки зрения, составляющими его семантики. Мы полагаем, что подобная ситуация объясняется во многом тем фактом, что этот вопрос имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

В своих исследованиях мы продолжаем развивать представления о содержании текста как мыслительном образовании, соответствующем непосредственному результату понимания и существующем в двух видах информации. Это – основная информация, возникающая в сознании адресата непосредственно под воздействием всей совокупности языковых средств, составляющих текст, и дополнительная, без опоры на которую понимание этого сообщения было бы невозможным, она включает в себя имплицитную информацию в форме «предтекстовой пресуппозиции» и «внутритекстовой импликации» [См.: 16; 18].

Непосредственный результат понимания, или содержание текста, возбуждает в сознании реципиента различные связи и отношения и «обрастает» дополнительными компонентами субъективного характера, познавательными,

эмоциональными, прагматическими. Как показывают экспериментальные исследования с использованием методики «встречного текста», они сопровождают процесс понимания текста на всем его протяжении, и составляют то, что мы называем «смыслом».

Тезис о том, что понимание не ограничивается декодированием только «текстовой» информации, но выходит за пределы самого текста, в смысловую сферу, находит экспериментальное подтверждение в ряде наших работ и в диссертационных исследованиях, проводимых под нашим руководством: [См.: 16; 17; 18; 5; 7; 8]. Результаты названных исследований свидетельствуют о том, что содержание текста и его смысл представляют собой разные явления, в основе которых лежат различные механизмы имплементации.

Можно вспомнить еще раз определение, данное С. Н. Виноградовым, согласно которому смысл есть разновидность бытия. Оно переключается со словами Н. И. Жинкина, полагавшего, что смысл текста отражает «наличную действительность» [6. С. 131].

С позиции исследователя проблем понимания текста наиболее точным толкованием смысла нам представляется утверждение А. И. Новикова о том, что смысл есть принадлежность не столько текста, сколько смысловой сферы личности, воспринимающей этот текст. Если содержание – «это проекция текста на сознание, то смысл – это как бы обратная проекция сознания на текст» [12. С. 177].

Как показывают экспериментальные исследования, в сознании коммуникантов понятия «содержание» и «смысл» текста не всегда различаются, зачастую они не дифференцируются и исследователями текста в практическом плане. Однако, проблема их разграничения значима не только теоретически, но и с прикладной точки зрения, например, при моделировании процессов понимания в системах автоматической обработки информации, вводимой на естественном языке. Принадлежность смысла текста сознанию участников коммуникации, означает, что формализация смысловой структуры речевого произведения и ее моделирование предполагают обращение исследователя не только к содержанию текста, но и к смысловой структуре личности, включающей функциональные единицы иного плана по сравнению с единицами содержательной структуры текста.

Одним из способов формализации содержания текста является денотатный граф как

инструмент экспликации и представления текстовой информации в графическом виде. Мы строим граф с помощью денотативного анализа текста, разработанного А. И. Новиковым. Обработка массива вторичных текстов-пересказов, полученных от испытуемых в ходе экспериментального исследования с использованием денотативной методики, показывает, что в графической структуре, эксплицирующей содержание пересказа оригинального текста испытуемыми, наряду с общей инвариантной частью всегда присутствуют дополнительные структурные компоненты. Они варьируются от одного графа к другому и отражают смысловые различия в интерпретации информации разными реципиентами [См.: 16; 19].

Варианты графического представления содержания вторичных текстов реципиентов могут демонстрировать в различиях когнитивных пространствах автора и адресата, или в базах знаний, т.е. это экспликация пресуппозиционного компонента внутренней структуры текста. В то же время передаваемые с помощью денотатного графа варианты в семантической структуре вторичных текстов, порождаемых испытуемыми, могут являться следствием различных оценок и отношений автора и адресата к излагаемой в сообщении информации. Оценки и мнения, высказанные авторами вторичных текстов-пересказов, могут носить эмоциональный, прагматический, логический характер, т.е. относиться к смыслу.

Иными словами, подобные дополнительные вариативные компоненты графа отражают на формальном уровне различия, предположительно имеющие место в смысловых структурах вербального сознания реципиентов.

Мы полагаем, что в основе появления смысловых вариантов в инвариантной графической структуре содержания текста, построенной экспериментатором с использованием метода денотативного анализа на материале вторичных текстов испытуемых, лежит принцип доминантности, действующий при восприятии информации, в соответствии с учением о доминанте А. А. Ухтомского [23].

А. И. Новиков отмечал, что доминанта, возникая в сознании при восприятии текста, стягивает вокруг себя определенное содержание, переконструирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство [11. С. 44]. Результат действия этого механизма и демонстрируют некоторые фрагменты денотатных графов, отражающие инди-

видуальные особенности восприятия информации разными участниками экспериментов.

Одним из проявлений доминантности являются и варианты в наборах ключевых слов, выделяемых разными испытуемыми и выступающих «носителями смысла» текста.

По сути, проблема существования разнообразных смыслов, продуцируемых испытуемыми на фоне извлечения некоторой инвариантной части содержания в процессе понимания, имеет непосредственное отношение и к вопросу о безусловной неоднозначности семантики текста.

Как отмечалось ранее, существуют различные точки зрения на эту проблему. Нам представляется интересным подход, в соответствии с которым однозначность в отношении семантики текста невозможна в принципе по целому ряду причин. Можно говорить о наличии тенденции стремления к однозначности, свойственной некоторым типам текста. Так, И. В. Воскресенский отмечает, что научному тексту присуще стремление к однозначности, хотя он и не является «плоской матрицей» [3. С. 36].

Но возможна ли реализация такого стремления на практике, если допустить, что сущность природы научного текста составляет такое важнейшее свойство знания, как гипотетичность, что позволяет сформулировать так называемый «постулат о принципиальной гипотетичности смысла текста» вообще [2. С. 160].

Можно заметить, что неоднозначность семантики современного научного текста во многом объясняется понятийной и, соответственно, терминологической неоднозначностью, присущей многим современным наукам, не только гуманитарным, но и естественным. Особенно остро это проявляется, когда речь идет об исследовании идеальных сущностей или ненаблюдаемых объектов. По справедливому утверждению С. Н. Виноградова, степень правдоподобия гипотетических суждений может быть различной, и практика показывает, что нет взаимно однозначного соответствия между суждением о предмете и самим предметом [2. С. 157]. Подобное положение вещей ведет к неоднозначности в понятийной системе науки и неоднозначности метаязыка ее описания, системе терминов.

Кроме того, тенденция имплицитного (а иногда и явного) присутствия автора в большинстве подтипов научного текста также вносит свой вклад в потенциальное «многосмыслие». Как показывают наши исследования,

имплицитное или эксплицитное отношение автора к обсуждаемой проблеме в форме оценки или мнения становится нормой не только для гуманитарных наук. В некоторых случаях, как полагал В. Г. Гак, субъективно-оценочная, авторская модальность в научном тексте может представлять собой компенсацию информационной недостаточности [4. С. 89]. Так или иначе, авторское присутствие в тексте в форме субъективной модальности также способствует появлению различных вариантов интерпретации его содержания.

Более того, если неоднозначность научного термина, по мнению исследователей, может стимулировать его уточнение, конкретизацию, тем самым, способствуя развитию науки [3. С. 33], гипотетичность информации, лежащей в основе содержания текста, может способствовать движению и развитию мысли воспринимающего и понимающего индивидуума. Именно неоднозначность обеспечивает полемику адресата с автором на уровне внутреннего «контр-текста». В чем мы неоднократно убеждались в наших экспериментальных исследованиях с использованием метода «встречного текста» [См.: 21; 22]. Иными словами, неоднозначность и многосмыслие должны составлять и составляют сущность научного текста.

Активному восприятию информации реципиентом способствует реализация мотивационно-стимулирующей функции неоднозначности содержания текста. «Встречные тексты» наших испытуемых, полученные с помощью метода «встречного текста» А. И. Новикова [13], адаптированного нами в соответствии с особенностями новых экспериментальных условий, включают реакции, передающие оценку, мнение, несогласие, сомнение относительно тех или иных фрагментов информации, представленных в тексте. Можно предположить, что неоднозначность извлекаемой информации заставляет активного реципиента научного текста двигаться дальше в поиске новых источников, уточняя и углубляя полученные знания. Таким образом, неоднозначность содержания научного текста может стать основой формирования мотива последующей научной деятельности и стимулировать новые исследования.

Мы также разделяем и точку зрения, согласно которой потенциальная возможность поиска множества смыслов текста способствует развитию критического мышления реципиентов научной информации, формированию собственной позиции.

Одно из наших последних исследований было связано с изучением особенностей понимания социологического текста, в котором представлено весьма неоднозначное толкование понятия «прогресс». Экспериментальные данные наборов реакций, полученных от испытуемых студентов-физиков, дают возможность проследить внутренний диалог реципиента с предполагаемым автором. Это диалог ведет от критического восприятия авторского толкования прогресса к формулированию собственного мнения и оценки, относительно таких актуальных аспектов современной жизни, как экология, войны, терроризм, религия, культура и т.п. [22].

Вопрос о неоднозначности интерпретации содержания любого типа текста неизбежно приводит нас к проблеме его смысла, тем самым, заставляя исследователя выйти за пределы денотативного содержания текста. Означает ли это, что мы выходим и за пределы проблем, составляющих предмет интереса исследователей семантики текста?

В связи с этим вопросом уместно вспомнить так называемый феномен «расслоения», о котором упоминал Р. Барт. Характеризуя рекламный текст, он говорит о заключенных в нем «двух сообщениях», первичном, денотативном, и вторичном, коннотативном, по сути, смысловом. По мнению Р. Барта, рекламный текст, как и поэтический, характеризуемый таким «расслоением» всегда неоднозначен, и чем более он многозначен, тем лучше выполняет свою функцию [1. С. 413].

Осуществление этой функции заключается в том, что благодаря неоднозначности и поэзия, и реклама связывают своего читателя с широким «миром», под которым понимается «переживание древнейших образов, глубокие и смутные телесные ощущения, получавшие у многих поколений поэтические имена, вековая мудрость, объясняющая отношения человека с природой...» и т.п. [1. С. 414]. Иными словами, со всем тем, что составляет смысл поэтического и художественного текста.

Важнейшим свойством текстов такого типа, является присущая им и действующая в них «открытость семантических систем». Такая «открытость», как нам представляется, и обеспечивает возможность разнообразных интерпретаций, связанную с неоднозначностью.

Анализируя природу семантическую природу подобных текстов, Р. Барт неизбежно подводит нас к понятию «осмысленности», иными словами к «смыслу».

Как представляется, феномен «расслоения» отчасти присущ и современному научному тексту, как, впрочем, и большинству речевых произведений разнообразных типов. Он имеет отношение и к обсуждаемой нами выше проблеме разделения «содержания», соотносимого с денотативностью, и «смысла» текста, связанного с его коннотативностью, эмоциональным, оценочным, прагматическим отношением автора и адресата к информации, представленной в сообщении.

В теоретико-экспериментальных трудах А. И. Новикова были выявлены отдельные стратегии вербальной фиксации содержания и смысла речевого произведения, такие как: «извлечение» и «приписывание» [12]. Вторая из названных стратегий представляет собой «перевод на метаязык», рассматриваемый нами в качестве одной из закономерностей декодирования смысла наряду со свертыванием информации. Намеченные стратегии получили дальнейшее развитие в исследованиях [См.: 16; 8]. Экспериментальные исследования Н. В. Матвеевой выявили различные стратегии реализации механизмов формирования содержания и смысла текста в процессах его понимания [8]. Результаты психолингвистического эксперимента, полученные автором, представляют интерес для осуществления моделирования процессов понимания письменного текста.

Исследования смысловых и содержательных механизмов текста, действующих в процессах его понимания, получили дальнейшее развитие в методе «встречного текста», позволившего выявить два типа реакций, содержательных и смысловых, составляющих внутренний текст реципиента и лежащих в основе набора индивидуальных стратегий понимания информации адресатом.

Содержательные» реакции соотносятся непосредственно с содержанием текста, «релятивные» выражают отношение реципиента к воспринимаемой информации и, безусловно, связаны со смыслом сообщения, поскольку они «участвуют в создании определенного эмоционально-аксиологического поля, определенных интенций и установок» [13. С. 69].

Индивидуальные стратегии осмысления письменной информации, с нашей точки зрения, во многом определяются механизмом формирования «индивидуального набора реакций», возникающих в вербальном сознании реципиента на протяжении всего процесса восприятия письменного текста.

Одним из результатов исследований, проведенных нами с использованием метода «встречного текста», стало выявление многообразия «индивидуальных стратегий», используемых испытуемыми при восприятии и понимании текста. По нашему мнению, это один из механизмов, отвечающих за неоднозначность интерпретации художественных, научно-популярных, научных текстов и др.

Итак, обсужденные выше результаты использования экспериментальных методов исследования механизмов, связанных с продуцированием содержания и смысла текста в процессах его понимания, помогают конкретизировать некоторые теоретические аспекты обсуждаемой проблемы и ответить на вопрос относительно объема семантики текста, сформулированный в заголовке настоящей статьи.

В свете обсужденных в статье экспериментальных исследований ограничить семантику текста только его содержанием не представляется возможным. И с позиции понимания, и с позиции порождения текста, смысл выступает неотъемлемым компонентом семантических процессов интерпретации информации. Как отмечалось выше, если порождение начинается со смысла, и именно его можно считать доминантой автора на уровне замысла, стимулирующей к продуцированию речевого произведения в той или иной форме, то понимание завершается смыслом, доминантой адресата, отражающей его индивидуальное видение мира вещей и понятий и обуславливающей ориентирование в информационном пространстве современного социума.

Парадокс, возможно, заключается в том, что, с одной стороны, смысл наряду с содержанием текста есть составляющая его семантики, но, с другой – смысл как отражение наличной действительности, как «разновидность бытия», существующая реально и идеально, выходит далеко за пределы семантики текста, отображающего различные формы действительности в своей внутренней содержательно-смысловой структуре.

Список литературы

1. Барт, Р. Рекламное сообщение / Р. Барт // Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004. – С. 410–415.
2. Виноградов, С. Н. К онтологии и описанию смысла текста / С. Н. Виноградов // Во-

просы психолингвистики. – 2014. – № 2 (20). – С. 153–160.

3. Воскресенский, И. В. Неоднозначность, ее уровни и функции в научном тексте / И. В. Воскресенский // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Тверской государственный университет, 2004. – Вып. 3. – С. 31–37.

4. Гак, В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В. Г. Гак // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 87–95.

5. Давлетова, Я. А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я. А. Давлетова. – Уфа: БашГУ, 2012. – 19 с.

6. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.

7. Кирсанова, И. В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Кирсанова. – Уфа: БашГУ, 2007. – 21 с.

8. Матвеева, Н. В. Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12–16 лет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Матвеева. – Уфа: УГАТУ, 2004. – 25 с.

9. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 215 с.

10. Новиков, А. И. Смысл: семь дихотомических признаков / А. И. Новиков // Теория и практика речевых исследований. – М.: МГУ, 1999. – С. 132–144

11. Новиков, А. И. Текст, смысл и проблемная ситуация / А. И. Новиков // Вопросы филологии. – 1999. – № 3. – С. 43–48.

12. Новиков, А. И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста / А. И. Новиков // Проблемы прикладной лингвистики. – М.: Институт языкознания РАН, 2002. – С. 155–180.

13. Новиков, А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания / А. И. Новиков // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 64–76.

14. Новиков, А. И. Текст и его смысловые доминанты / А. И. Новиков. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

15. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – М.; СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

16. Пешкова, Н. П. Типология научного текста: психолингвистический аспект / Н. П. Пешкова. – Уфа: УГАТУ, 2002. – 261 с.
17. Пешкова, Н. П. Смысл текста и его многозначность / Н. П. Пешкова // С любовью к тексту : коллективная монография памяти профессора А. И. Новикова. – Уфа: Восточный университет, 2006. – С. 39–51.
18. Пешкова, Н. П. Имплицитность в тексте: препятствие VS. Стимул и условие его понимания / Н. П. Пешкова // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 223–236.
19. Пешкова, Н. П. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Н. П. Пешкова, А. А. Авакян, И. В. Кирсанова, И. Н. Рыбка. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 268 с.
20. Пешкова, Н. П. Методы исследования семантики текста: смысловая парадигма / Н. П. Пешкова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом аспекте. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2012. – Т. 1. – С. 285–288.
21. Пешкова, Н. П. Из опыта экспериментальных исследований понимания речи в русле психолингвистики текста А. И. Новикова / Н. П. Пешкова // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 2 (20). – С. 113–123.
22. Пешкова, Н. П. Общечеловеческие ценности в языковом сознании молодежи полиэтнического региона / Н. П. Пешкова // Жизнь языка в культуре и социуме–4. – М.: Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, 2014. – С. 21–23.
23. Ухтомский, А. А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939 / А. А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002.

Сведения об авторе

Пешкова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета.

peshkovanp@rambler.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 69–77.*

TEXT SEMANTICS AND TEXT SENSE: >, <, =, #? (EXPERIMENTAL APPROACH TO THEORETICAL PROBLEMS)

N. P. Peshkova

*Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Natural Sciences
Faculties of the Bashkir State University. peshkovanp@rambler.ru*

The article presents the results of the theoretical analysis based on the psycholinguistic experimental research of such text semantics compounds as “text content” and “text sense”. The volume of the above mentioned notions is found out in connection with the notion of general text semantics. Besides their correlation is investigated from the view point of the mechanisms providing their generating in the processes of perception, comprehension and interpretation of various text types. The experimental investigation is based on the application of the denotative text analysis and the “counter-text” method. The conclusions of the investigation presented in the paper are as follows: “text content” and “text sense” are different mental phenomena based on different mechanisms of their implementation in text generation and text comprehension process; on the one hand, both “text sense” and “text content” are integral parts of text semantics; on the other – “sense” is much broader than text semantics as it comes over the limits the text itself.

Keywords: *text semantics, text content, text sense, perception, comprehension, interpretation, dominant principle, multi-meaning, denotative text analysis, “counter-text” method.*

References

1. Bart R. Reclamnoye soobshyeniye [Advertisement text]. *Sistema mody. Statyi po semiotikye kultury* [Fashion system. Articles On Semiotics Of Culture]. Moscow, Shabashnikovyykh Publ., 2004. Pp. 410–415. (In Russ.).
2. Vinogradov S.N. K ontologii i opisaniyu smysla teksta [On Ontology and Description of Text Sense]. *Voprosy Psikhologivistiki* [Journal Of Psycholinguistics], 2014, no. 2 (20), pp. 153–160. (In Russ.).
3. Voskresenskij I.N. Neodnoznachnost', yeye urovni i funkctzyi v nauchnom tekste [Multi-meaning, Its Levels and Functions in Scientific Text]. *Slovo i tekst: psikhologivisticheskij podkhod* [A Word And A Text: Psycholinguistic Approach], iss. 3. Tver, 2004. Pp. 31–37. (In Russ.).
4. Gak V. Emotzyi i otsenki v structure vyskazyvaniya i teksta [Emotions and Evaluations In The Structure Of An Utterance And A Text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Proceedings Of Moscow University], 1997, ser. 9, Philology, no. 3, pp. 87–95. (In Russ.).
5. Davletova Ya.A. *Psikhologivisticheskoye issledovanie osobennostej ponimaniya bibleiskikh tekstov* [Psycholinguistic Investigation Of Comprehension Of The Bible Texts]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2012. 19 p. (In Russ.).
6. Zhinkin N.I. *Rech' kak provodnik informatzyi* [Speech As A Conductor Of Information]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 159 p. (In Russ.).
7. Kirsanova I.V. *Mnogoznachnost' semantiki teksta kak realizatziya individualnykh strategiy ponimaniya* [Multi-meaning Of Text Semantics As Implementation Of Individual Comprehension Strategies]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2007. 21 p. (In Russ.).
8. Matveyeva N.V. *Mekhanizmy formirovaniya smysla i sodержaniya teksta v protsesse yego ponimaniya (na materiale analiza vtorichnykh pis'mennykh tekstov shkol'nikov 12–16 let)* [Mechanisms Of Text Sense And Text Content Generating In The Process Of Its Comprehension (based on the analysis of written texts produced by schoolchildren of 12–16 years old)]. Ufa, Ufa State Aviation Technical University Publ., 2004. 25 p. (In Russ.).
9. Novikov A.I. *Semantika teksta i yeye formalizatziya* [Text Semantics And Its Formalisation]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 215 p. (In Russ.).
10. Novikov A.I. Smysl: sem' dikhotomicheskikh priznakov [Sense: Seven Dichotomy Characteristics]. *Teoriya i praktika rechevykh issledovaniy* [Theory And Practice Of Speech Investigations]. Moscow, Moscow State University Publ., 1999. Pp. 132–144. (In Russ.).
11. Novikov A.I. Tekst, smysl i problemnaya situatziya [Text, Sense And Problematic Situation]. *Voprosy Filologii* [Journal Of Philology], 1999, no. 3, pp. 43–48. (In Russ.).
12. Novikov A.I. Dominantnost' i transpozitsiya v protsesse osmysleniya teksta [Dominant And Transposition In The Process Of Text Comprehension] in: *Problemy Prikladnoy Lingvistiki* [Problems Of Applied Linguistics]. Moscow, 2002. Pp. 155–180. (In Russ.).
13. Novikov A.I. Tekst i "kontr-tekst": dve storony protzessa ponimaniya [Text And "Counter-Text": Two Aspects Of The Comprehension Process]. *Voprosy Psikhologivistiki* [Journal Of Psycholinguistics], 2003, no. 1, pp. 64–76. (In Russ.).
14. Novikov A.I. *Tekst i yego smyslovyye dominanty* [Text And Its Sense Dominants]. Moscow, Institute Of Linguistics Of Russian Academy Of Science Publ., 2007. 224 p. (In Russ.).
15. Petrenko V.F. *Osnovy psikhosemantiki* [The Principles Of Psychosemantics]. Moscow; St. Petersburg Publ., 2005. 480 p. (In Russ.).
16. Peshkova N.P. *Tipologiya nauchnogo teksta: psikhologivisticheskij aspekt* [Scientific Text Typology: Psycholinguistic Aspect]. Ufa, Ufa State Aviation Technical University Publ., 2002. 261 p. (In Russ.).
17. Peshkova N.P. Smysl teksta i yego mnogoznachnost' [Text Sense And Its Multi-Meaning]. *S lyubov'yu k tekstu* [To The Text With Love]. Ufa, 2006. Pp. 39–51. (In Russ.).
18. Peshkova N.P. Implitsytnost' v tekste: prepyatstvie VS stimul i uslovie yego ponimaniya [Implicitness In The Text: Obstacle VS Stimulus And Condition For Its Comprehension]. *Voprosy Psikhologivistiki* [Journal Of Psycholinguistics], 2009, no. 9, pp. 223–236. (In Russ.).
19. Peshkova N.P., Avakyan A.A., Kirsanova I.V., Rybka I.N. *Tekst i yego ponimaniye: teoretiko-eksperimental'noye issledovaniye v rusle integrativnogo podkhoda* [Text And Its Comprehension:

Theoretical And Experimental Research Within The Integrative Approach]. Ufa, RITZ Bashkir State University Publ., 2010. 268 p. (In Russ.).

20. Peshkova N.P. Metody issledovaniya semantiki teksta: smyslovaya paradigma [Methods Of Investigating Text Semantics: Sense Paradigm]. *Slovo, vyskazyvaniye, tekst v kognitivnom i pragmaticheskom aspekte* [The Word, The Utterance, The Text In Cognitive And Pragmatic Aspect], vol. 1. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2012. Pp. 285–288. (In Russ.).

21. Peshkova N.P. Iz opyta eksperimental'nykh issledovaniy ponimaniya rechi v rusle psikholingvistiki teksta A.I. Novikova [Experimental Studies Of Speech Comprehension In A.I. Novikov's Conception Of Text Psycholinguistics]. *Voprosy Psikhologivistiki* [Journal Of Psycholinguistics], 2014, no. 2 (20), pp. 113–123. (In Russ.).

22. Peshkova N.P. Obsh'yechelovecheskiye Tzennosti v yazykovom soznanii molodyezhi polietnicheskogo regiona [Common Human Values In Verbal Consciousness Of The Youth Of Poly-Ethnic Region]. *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotziume-4* [Language Life In Culture And Society-4]. Moscow, 2014. Pp. 21–23. (In Russ.).

23. Ukhtomskij A.A. *Dominanta. Stat'i raznykh let. 1887–1939*. [Dominant. Articles Of Different Years. 1887–1939]. St. Petersburg, Peter Publ., 2002. 448 p. (In Russ.).

УДК 616.31+61
ББК 56.6 + 5

М. М. Русакова

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ОБЛАСТИ НАНОСТОМАТОЛОГИИ И НАНОМЕДИЦИНЫ

Излагается видение автора модели и способов образования терминологического аппарата новой области медицинской науки – наностоматологии, которая проходит путь формирования и активного становления на современном этапе. Приводятся примеры стоматологических лексических единиц из английского и русского языков.

Ключевые слова: *термин, наностоматология, наномедицина, модель образования терминологии, терминологизация, транстерминологизация.*

В настоящее время нанотехнологии и обслуживающий их терминологический аппарат привлекают внимание многих лингвистов-исследователей. Терминология, по утверждению В. М. Лейчика, представляет собой стихийно сложившуюся совокупность лексических единиц, обладающих семантической общностью и сходством (близостью) формальной структуры, совместно функционирующих в одном из языков для специальных целей, обозначая понятия определенной области знания и/или деятельности, обслуживаемой данным языком для специальных целей [2. С. 116]. Нанотехнологическая терминология претерпевает процессы становления, формируется и требует тщательного изучения и подробного анализа.

Ранее термин «нанотехнологии» можно было встретить в электронике и квантовой физике, но в современных условиях отмечается его активное использование в промышленности, фармации, филологии, маркетинге, рекламе, различных видах искусства и других областях. В медицинской сфере формируется второе поколение дисциплин, отдельные направления наномедицины: наноонкология, наноэндокринология, нанофармакология, наностоматология.

Одним из аспектов исследования языка нанотехнологий выступает определение модели образования терминологии изучаемой области.

По мнению С. В. Гринев-Гриневича, модель образования терминологии отражает модель образования соответствующей области, формируясь:

1) в результате дифференциации знания и выделения из данной предметной области новых областей знания;

2) в результате взаимодействия двух наук на их стыке;

3) в результате объединения комплексных наук и дисциплин, образовавшихся в результате взаимодействия ряда наук [1. С. 68-69].

Автор считает, что терминология области наномедицины и наностоматологии включает характеристики каждой из вышеуказанных моделей.

Считается, что терминология включает в себя базовые термины, заимствованные из исходной науки и имеющие четкие границы. При создании межотраслевой терминосистемы потребовалась интеграция знаний и заимствование терминов из многих областей наук, таких как: коллоидная химия, клеточная физиология, химия поверхности и биофизика, материаловедение, молекулярная биология, информатика и др. [5. С. 167-168]. По нашим данным, научные понятия наностоматологии представлены следующими заимствованными терминами: из области физики (anodizing/анодирование, vector/вектор), химии (polymer/полимер, adhesion/адгезия, crystallite/кристаллит), биологии (chlorophyll/хлорофилл), фармации (pharmaceuticals/лекарства, suspension/суспензия), микроэлектроники (chip/чип, computer/компьютер, semiconductor/полупроводник, sensor/сенсор, robot/робот), минералогии (hydroxy apatite/гидроксиапатит) и других [5. С. 168].

Основным процессом, регулирующим процесс перехода предтермина в термин, является терминологизация, то есть приобретение общеупотребительным словом нового терминологического значения в конкретной предметной области, в конкретном подязыке [4].

По словам А. В. Раздueva, английский подъязык нанотехнологий тесно взаимодействует с другими подъязиками, вследствие чего между ними происходит активный взаимообмен лексическими единицами посредством терминологизации и транстерминологизации [3. С. 15].

Способы формирования терминов посредством их переноса из одной терминосистемы в другую номинируются в различных источниках следующим образом: ретерминологизация, привлеченные термины, транстерминологизация, вторичная терминологизация, ретранстерминологизация.

Рассмотрим примеры терминологических единиц из стоматологических источников и относящихся к следующим областям:

1. Минералогия:

- **наноалмаз** (англ. *nanodiamond*) – углеродный нанокристаллический материал с кристаллической структурой алмаза;
- **нано-гидроксиапатит** (англ. *nanohydroxyapatite*) – искусственно синтезированный аналог природного вещества гидроксиапатита.

2. Фармация:

- **адресная доставка лекарственных веществ** (англ. *drug delivery*) – направленный транспорт лекарственного вещества в заданную область организма, органа или клетки;
- **нанолечения** (англ. *nanopharmaceuticals*) – фармацевтические препараты, работающие на уровне отдельных клеток, которые целенаправленно направляются к нужному органу, ткани или группе клеток, что позволяет значительно уменьшить дозу медикамента и при этом избежать побочных действий этого препарата, для достижения меньшей токсичности и большей эффективности;
- **гидроксиапатита наногель** (англ. *nanohydroxyapatite gel*) – сертифицированный биоактивный костнопластический материал однородной гелевой композиции на основе гидроксиапатита, имеющий кристаллически-аморфно-скрытокристаллическую структуру, с размерностью частиц 30-50 нм в гидратных оболочках и концентрацией гидроксиапатита до 60 %.

3. Робототехника и электронные устройства:

- **медицинский наноробот** (англ. *nanorobot* или *nanobot*) – кибернетическое устройство нанометрических размеров, которое способно функционировать в организме человека, производя контролируемую коррекцию молекулярных и клеточных процессов;

- **стоматологические нанороботы** (англ. *dental nanorobots*) – нанороботы, выполняющие реставрационные процедуры на зубах пациента.

В результате взаимодействия нанотехнологий со сферой медицины и стоматологии термины как в английском, так и в русском языках приобретают новые значения или оттенки значения.

Приведем примеры:

- **Медицина/наномедицина**
nanomedicine (наномедицина) – область медицины, осуществляющая всесторонний контроль, конструирование и исправление биологических систем человека на молекулярном уровне, с использованием наноустройств и наноструктур;
- **Стоматология/наностоматология**
nanodentistry (наностоматология) – раздел медицины, осуществляющий поддержание здоровья ротовой полости на молекулярном уровне, с использованием наноматериалов, наноустройств и биотехнологий;
- **Иономер/наноиономер**
nanopiomer (наноиономер) – стеклоиономер с системой замешивания «паста/паста», созданный с использованием нанотехнологий;
- **Керамика/нанокерамика**
nanoceramics (нанокерамика) – наноструктурированный керамический материал, используемый в медицине для восстановления (замещения) поврежденных твердых тканей;
- **Частицы/наночастицы**
nanoparticles for therapeutic use (наночастицы, терапевтические) – биосовместимые наночастицы с заданными свойствами (в том числе размером, морфологией, состоянием поверхности) для диагностики и лечения заболеваний;
- **Импрегнация/наноимпрегнация**
nanoprecipitation (наноимпрегнация) – осаждение антимикробных препаратов длительного действия на структуры корневого дентина, очищенные от органики и подготовленные к проникновению в них растворов – носителей частиц импрегнирующего вещества.
- **Композит/нанокомпозит**
nanocomposite (нанокомпозит) – композитный материал с высокой эстетичностью и полируемостью, длительным сохранением зеркального блеска, снижением усадки, включающий нанонаполнитель из SiO₂ и циркония, с усредненным размером обособленных элементов (частиц, кристаллитов, волокон, пластин и так далее) менее 100 нм хотя бы в одном измерении.

Медицинская терминосистема (в том числе и стоматологическая) как составная часть общего терминологического фонда представляет сложную организацию специальных единиц, неоднородную по своему происхождению и существенным характеристикам [6. С. 1093]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что терминология медицинских нанотехнологий в русском и английском языках проходит путь формирования и активного становления, являя процесс формирования новой области наномедицины – наностоматологии.

Список литературы

1. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
2. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
3. Раздубев, А. В. Современный английский подъязык нанотехнологий: структур-

но-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Раздубев. – Пятигорск, 2013. – 36 с.

4. Русакова, М. М. Процесс терминологизации как средство создания образа в рекламе стоматологической деятельности / М. М. Русакова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – URL: www.science-education.ru/117-13701. – Дата обращения: 20.01.2015.

5. Русакова, М. М. Наностоматология: сравнительный анализ терминосистемы в русском и английском языках / М. М. Русакова, Д. С. Скнарев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2–1 (44). – С. 167–171.

6. Скнарев, Д. С. Терминология как средство создания образа в медицинском рекламном дискурсе (на материале рекламы стоматологической деятельности) / Д. С. Скнарев, М. М. Русакова // Научный журнал «Фундаментальные исследования». – Пенза: Академия Естествознания. – 2014. – № 6, ч. 5. – С. 1088–1095.

Сведения об авторе

Русакова Мавжида Мунировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Южно-Уральского государственного медицинского университета (Челябинск).

mmrusakova@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 78–81.*

ON THE FORMATION OF NANODENTISTRY AND NANOMEDICINE TERMINOLOGY

M. M. Rusakova

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages with a course of Latin Medical University “South Ural State Medical University”. mmrusakova@yandex.ru

The article presents the author’s vision of the models and methods of terminological apparatus formation in the new field of medical science – nanodentistry that undergoes active formation processes at the present stage. To prove it the author gives examples of dental lexical units of the English and Russian languages.

Keywords: *term nanodentistry, nanomedicine, model of terminology formation, transterminologization*

References

1. Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedenie: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij* [Terminology: proc. benefits for students. executive. proc. institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p. (In Russ.).

2. Lejchik V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Science of terminology: subject, methods, structure]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 256 p. (In Russ.).
3. Razduev A.V. *Sovremennyj anglijskij pod#jazyk nanotehnologij: strukturno-semanticheskaja, kognitivno-frejmovaja i leksikograficheskaja modeli* [Modern English sublanguage of nanotechnology: structural and semantic, cognitive-frame and lexicographical models]. Pyatigorsk, 2013. 36 p. (In Russ.).
4. Rusakova M.M. Process terminologizacii kak sredstvo sozdanija obraza v reklame stomatologicheskoj dejatel'nosti [Terminologization as a means of creating images in dental practice advertising]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education], 2014, no. 3. Available at: www.science-education.ru/117-13701, accessed 20.01.2015. (In Russ.).
5. Rusakova M.M., Sknarev D.S. Nanostomatologija: sravnitel'nyj analiz terminosistemy v rusском i anglijskom jazykah [Nano-stomatology: comparative analysis of terminological system in the Russian and English languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 2–1 (44), pp. 167–171. (In Russ.).
6. Sknarev D.S., Rusakova M.M. Terminologija kak sredstvo sozdanija obraza v medicinskom reklamnom diskurse (na materiale reklamy stomatologicheskoj dejatel'nosti) [Terminology as a means of creating the image in medical advertising discourse (based on advertising of dental practice)]. *Fundamental'nye issledovanija* [Fundamental research], 2014, vol. 6, iss. 5, pp. 1088–1095. (In Russ.).

УДК 821.161.1
ББК Ш141.2

М. В. Санатина

ФУНКЦИИ МЕТАФОР В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ФУТБОЛЬНОГО КОММЕНТАТОРА (на материале русского языка)

Рассматриваются различные подходы к исследованию метафор, их основных свойств и функций в реализации всех уровней профессиональной языковой личности футбольного комментатора. Исследуется использование метафор-знаков, метафор-образов и метафорических моделей в футбольном комментарии на материале матчей ведущих российских спортивных телеканалов, а также в сети Интернет.

Ключевые слова: *метафора-образ, метафора-знак, метафорическая модель, фрейм, слот, профессиональная языковая личность, функции метафор, свойства метафор.*

Метафора всегда привлекала внимание лингвистов. В настоящее время существует множество работ, посвященных данному явлению. Они отличаются подходами к описанию, классификации и даже определению этого сложного понятия.

В античных риториках метафора рассматривалась как один из видов тропов, служивших для «украшения» речи, придания ей выразительности, убедительности. Исследователи метафоры в риторическом аспекте первыми обратили внимание на одно из главных свойств метафоры – «возможность в конкретных образах воплощать и пояснять абстрактные понятия» [12. С. 108]. В риторике важна не столько новизна или яркость метафоры, сколько ее эффективность, которая и определяет степень воздействия на аудиторию.

Практически противоположные требования предъявляют к метафоре литературоведы. Для них метафора – средство создания художественного образа и выражения авторского стиля писателя. Чем более яркой и неожиданной будет метафора, тем выше ее художественная ценность.

Свойство метафоры устанавливать связь между гетерогенными явлениями обосновало ее использование в дидактике как средства объяснения сложных или абстрактных понятий. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «Суть метафоры заключается в понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [9. С. 115]; таким образом, можно найти что-то общее, позволя-

ющее сравнить уже известное с новой информацией, которую нужно объяснить.

Кроме толкования имеющейся информации метафора используется для формирования нового знания. «Она выступает креативным когнитивным механизмом, позволяющим обнаруживать сходство между различными предметами и явлениями вследствие применения знаний и опыта, приобретенных в одной области, для решения проблем в другой области» [8].

Не следует забывать и о высокой экспрессивности и оценочности некоторых метафор. «Из всех тропов метафора отличается особой экспрессивностью. Обладая неограниченными возможностями в сближении самых различных предметов и явлений, по существу, по-новому осмысливая предмет, метафора способна вскрыть его внутреннюю природу» [6. С. 116].

Метафора может также отражать объективные процессы, происходящие в обществе и в отдельных областях жизни человека. Поэтому актуальной задачей современной лингвистики считается исследование метафор, функционирующих в различных дискурсах.

Доминирующий антропоцентризм науки в целом определяет выбор языковой личности (далее – ЯЛ) одним из главных объектов исследования.

Перспективным направлением современной лингвоперсонологии является описание профессиональной ЯЛ, которая представляет собой идеальный и обобщенный портрет представителя определенной профессии, владеющего специальным языком, тезаурусом, а так-

же следующего стереотипам профессионального поведения [1. С. 5].

Во все времена спорт являлся важной составляющей жизни человека, спортивные победы поднимали престиж государства на международной арене, часто они приравнивались к победам в политике. Футбол является одним из самых популярных видов спорта, поэтому наше внимание привлекла профессиональная ЯЛ футбольного комментатора.

Данная статья посвящена функционированию различных видов метафор при реализации профессиональной ЯЛ футбольного комментатора. Материалом для исследования послужили трансляции футбольных матчей на российских телеканалах (Первый канал, Россия-2, Спорт, НТВ, НТВ – Спорт, Евроспорт и др.), а также в сети Интернет.

Одно из первых упоминаний о понятии «ЯЛ» можно встретить в трудах немецкого лингвиста И. Л. Вайсгербера. В работе «Родной язык и формирование духа» он пишет: «Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной ЯЛ, это языковое владение вырастает в нём на основе принадлежности к языковому сообществу» [3. С. 81].

В. В. Виноградов стал одним из первых в русской лингвистике, кто сформулировал понятие «ЯЛ». Именно В. В. Виноградов обобщил результаты исследований предшественников [2. С. 11].

Г. И. Богин создал модель ЯЛ, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [2. С. 154].

Ю. Н. Караулов выделил три уровня ЯЛ: вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационно-прагматический [7. С. 42].

Вербально-семантический уровень ЯЛ включает в себя слова, грамматические, парадигматические, семантико-синтаксические, ассоциативные структуры, модели словосочетаний и предложений [7. С. 42]. Данный уровень профессиональной ЯЛ футбольного комментатора обуславливает особенности его речи, выбор им языковых и стилистических средств.

На данном уровне компетентность футбольного комментатора отражается в свободном владении спортивным подязыком и всеми его пластами: терминологией, профессионализмами и профессиональными жаргонизмами.

Метафорический перенос широко используется в языке футбольного комментатора.

Здесь метафора часто является средством вторичной номинации. *Метафора-знак* с точки зрения функциональных характеристик коррелирует с содержательно-фактуальной информацией [10. С. 25]. Под вторичной номинацией понимают «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [4. С. 129]. «Метафора является моделью, выполняющей в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, но только более сложную» [11. С. 180].

Для языка футбольного комментария «сферами-донорами» являются военная лексика: *оборона, защита, нападение, фланги, защитник, нападающий, прострел*, лексика других видов спорта: *велосипед, хет-трик*, лексика азартных игр: *покер* и других областей: *черпачки, стенка*.

«Семантика спортивного термина может включать коннотативный компонент. Это касается терминов, образованных семантическим путем и являющихся метафорами. Составители словарей иногда заключают такие слова в кавычки, чтобы подчеркнуть их образность и разговорный характер» [5. С. 124]. Особенностью языка спорта является невозможность четко определить границы между его пластами, так как профессионализмы и даже жаргонизмы нередко переходят в разряд терминов.

Большинство людей имеет возможность смотреть футбольные матчи по телевидению или в сети Интернет, что избавляет комментатора от необходимости в подробном описании событий, поэтому большее значение придается анализу моментов и воздействию на зрителя. Для этого нередко используются различные стилистические средства, в том числе и *метафоры-образы*, которые «сопоставляются с содержательно-концептуальной информацией» [10. С. 24]. Данные метафоры придают повествованию эмоциональность, оценочность и привлекают внимание зрителей: *завернул «самокрутку» (мяч), тащит мяч, зацепился за мяч, искорка этой игры прыжок «рыбкой»* и др.

Лингвокогнитивный уровень ЯЛ отражает понятийную картину мира, иерархию смыслов и духовных ценностей [7. С. 54]. Здесь можно выделить ряд особенностей профессионального образа мира, выраженного через обобщенные понятия, идеи, концепты. Центральную часть концептосферы занимают концепты «футбол», «команда», «игра» и др.

Концептуальные сферы, которые вступают друг с другом в метафорические отношения,

образуют концептуальные метафорические модели [1. С. 7]. *Метафора – когнитивная модель* «обобщает случаи комплексной реализации основных сочетаемостных возможностей метафорических конструкций» [10. С. 24].

Наиболее продуктивной метафорической моделью является модель «футбол – война (борьба)». Несмотря на то, что футбольные матчи носят мирный характер, факт соревнования, желание доказать свое превосходство не могут не отражаться на выборе лексики. Футбольное соревнование сравнивают с различными видами борьбы: «*Бавария*» на тропе войны; *Воскресный бой на «Металлисте»*; «*Спартак*» оказался не готов к бою; *Сегодняшние дуэлянты выходили к барьеру в тренерском облачении; После драки ногами машут.*

Все этапы соревнования, действия игроков, решения тренеров, итоги описываются комментатором при помощи военной лексики: *Гости, отразив атаку, сами переходят в наступление; Активно наступают игроки ЦСКА; Советские футболисты предпринимают длительный штурм ворот; Челси славится сильной защитой; они окопались в обороне; Слабые места в построении испанцев.*

Участники футбольного события описываются как военные различного ранга: тренер: «*генерал*», «*фельдмаршал*» и «*генералиссимус*» футбола; *ведущие полководцы, неумелый полководец, начинающий полководец; штабной начальник или боевой командир*; игроки: *универсальный солдат, безупречный солдат, рядовой солдат*. Нередко игроки определяются как различные виды оружия: *забивное орудие Базелюка; «Зенит» в ожидании «бомбы»; Пять главных «пушек» футбола; трезубец сборной; тяжёлая артиллерия.*

Несмотря на всю «жесткость» спортивных соревнований, нельзя отрицать их эстетическую составляющую. Комментатор часто сравнивает футбольный матч с искусством, подчеркивая красоту действия и талант участников, поэтому второй метафорической моделью является «футбол – искусство».

Наиболее часто футбол сравнивают с кино или театром, так как данные виды искусства являются динамичными: *Спектакль Андрея Аршавина; Сценарий финала; Накал страстей как в голливудских блокбастерах*. Тренер является режиссером: *Игра прекрасно срежиссирована Хиддинком; Великий режиссер футбольных спектаклей*. Игроки представляются актерами, хорошо или плохо играющими свои

роли: *Любая его роль остается эпизодической; Его роль в игре оказалась минимальной; актеры как в лучших блокбастерах.*

Примечательно, что в последнее время все чаще сравнение с актерскими талантами является негативным, так как этим характеризуются моменты симуляции игроком полученной травмы: *о, да, это актер, который ещё не получил «Оскар» (К.Рональдо); он наверняка бы выступал на лучших театральных сценах мира (Бускетс); «Барселона» играет в театр и так далее.*

Также можно наблюдать использование музыкальной, художественной, танцевальной и литературной метафор: *Прелюдия к матчу; Увертюра к настоящей игре; Он сегодня первая скрипка в оркестре; Испанская сборная исполнила зажигательный танец; Это был победный штрих; Вся палитра действий; Он в центре всех композиций.*

Метафорическая модель «футбол – работа» классифицирует участников как ленивых или трудолюбивых работников, опытных или нет мастеров своего дела: *Играл спустя рукава; Не покладая ног; Они просто могли бы курить в сторонке; не доработал; футбольная работа; работа в раздевалке; Он – рабочая лошадка команды; фланги не работают; на хлеб себе зарабатывает и др.*

«Футбол – другой вид спорта»: *Гонка за «Золотой бутсой»; Пит-стоп команды (гонки), Финальный нокаут от «Боруссии», «Барса» должна держать удар, Гранатово-синие положили на лопатки «Реал» (борьба); Гроссмейстер на тренерском поприще, Гроссмейстер от футбола (шахматы).*

«Футбол – магия»: *бразильский волшебник, настоящий волшебник, иллюзионист, Хоттабыч, фокусник и гипнотизер и пр.*

Следующая метафорическая модель «футбол – пища». С ее помощью игра характеризуется как «вкусное» или не очень блюдо, а также как средство для пропитания: *Штрафные – это его хлеб; Вкус к игре, вкус к хорошему футболу; Очень пресно играют; Хочется чего-нибудь пряного, острого; Двести «сухарей» Игоря Акинфеева; Семак кашу не испортит.*

Коммерциализация спорта не могла не отразиться и на языке футбольных комментаторов. Модель «футбол – бизнес» описывает футбольные клубы как покупателей и продавцов, футболистов как товар, игру как коммерческую деятельность и пр.: *Его партнер не смог извлечь дивидендов из паса; Петр Тэн взят в*

аренду у московского ЦСКА; Единственным оправданием таких инвестиций должны быть победы; Слухи и сплетни футбольного рынка.

Одним из основных концептов футбольного дискурса является концепт «команда», подчеркивается важность слаженной работы всех участников как единого целого. Для характеристики единства используются следующие метафорические модели: 1) «команда – механизм»: *Винтик механизма, моторчик, немецкая машина; Клопп подкручивает винтики; Футбольные рычаги*; 2) «команда – организм»: *рождение новой сборной; команду лихорадит; Весь организм команды функционирует правильно; Будто нож в сердце команды воткнул; Глупо команде мозги промывать*; 3) «команда – социальная группа»: *Футбольная семья; Вожак сборной; 5-й класс*.

Мотивационно-прагматический уровень ЯЛ включает устойчивые коммуникативные потребности и коммуникативные черты, порождаемые целями и мотивами [7. С. 43]. Он отражает ценностное отношение комментатора к футболу.

Важнейшими концептами этого уровня профессиональной ЯЛ футбольного комментатора являются концепты *победа/поражение*, а также концептуальная оппозиция *свои/чужие*. Для их характеристики метафоры-образы, которые помогают наиболее ярко охарактеризовать «ценностное» отношение комментатора.

Несмотря на то, что футбольный комментатор должен быть объективным и «сохранять нейтралитет», в ходе анализа мы пришли к выводу, что победы «своей» команды характеризуются чаще как заслуженные и красивые: *триумф, королевская месть, победа - жизнь*, а поражение – как досадное недоразумение, случайность или результат ошибки судейства: *невезение, неуспех*. Победа соперника приписывается случайности: *повезло, выиграли в лотерею*, а поражение является результатом отличной работы «нашей» команды: *капитуляция, сложили голову, тотальный разгром*.

Итак, проанализировав тексты футбольных комментариев, мы пришли к выводу, что различные виды метафор играют большую роль при реализации всех уровней профессиональной ЯЛ футбольного комментатора. Метафора выполняет здесь номинативную, экспрессивно-оценочную, эстетическую, прагматическую и когнитивную функции.

Список литературы

1. Азначеева, Е. Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта / Е. Н. Азначеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 43 (181). – Филология. Искусствоведение. Вып. 39. – С. 5–9.
2. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Л., 1984. – 354 с.
3. Вайсгербер, И. Л. Родной язык и формирование духа / И. Л. Вайсгербер. – М.: Едиториал – УРСС, 2004. – 232 с.
4. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
5. Елистратов, А. А. К проблеме стилистической стратификации спортивной лексики / А. А. Елистратов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1, ч. 1. – С. 122–127.
6. Зарецкая, Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. – М.: Дело, 2002. – 480 с.
7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Едиториал – УРСС, 2003. – 263 с.
8. Кравцова, Ю. В. Понимание метафорической модели в современных научных парадигмах // Наукові праці. – 2007. – Т. 67, вип. 54. – С. 44–47. – URL: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/naukpraci/philology/2007/67-54-10.pdf>. – Дата обращения: 23.12.14.
9. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / М. Джонсон, Дж. Лакофф. – М.: Едиториал – УРСС, 2004. – 256 с.
10. Самигуллина, А. С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. С. Самигуллина. – Уфа, 2008. – 42 с.
11. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173–204.
12. Тупицына, И. Н. Природа метафоры и ее использование в современной российской прессе / Е. Ю. Скороходова, И. Н. Тупицына // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 22 (160). – Филология. Искусствоведение. Вып. 33. – С. 108–114.

Сведения об авторе

Санатина Мария Викторовна – преподаватель Южно-Уральского государственного университета (Челябинск).
 mashapervushina@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
 Philology. Arts. Issue 96. Pp. 82–87.*

THE FUNCTIONS OF METAPHORS BY REALIZATION OF FOOTBALL COMMENTATOR'S PROFESSIONAL LINGUISTIC PERSONALITY

M. V. Sanatina

Teacher, South Ural State University. mashapervushina@mail.ru

The article deals with the different scientific approaches to the study of metaphor, the basic properties and functions of metaphor by realization of the three main levels of football commentator's professional linguistic personality. The material for the study is football comments for the matches from the Russian TV channels and from the Internet.

The author analyzes the peculiarities of the phenomenon of professional linguistic personality. According to the author, the professional linguistic personality is a ideal and generalized portrait of the representative of a certain profession, which has a special language, thesaurus, and follows the stereotypes of professional behavior. The analysis of the football commentator's professional linguistic personality seems to be a relevant object of study, not only within the frames of linguistics, but also of a wide range of contemporary humanities related disciplines.

The author describes the use of basic concepts, and different types of metaphor (metaphor-sign, metaphor-image and metaphorical models) by realization of the verbal semantic; linguistic cognitive; motivational levels of the football commentator's professional linguistic personality.

The authors conclude that the study and description of the different types of metaphor require a multifaceted approach to be used, as the subject of study is particularly complex, multifaceted and is of ambiguous interpretation in modern linguistics.

The author states that the use of the metaphor fixes the connection of the language with the generalized professional consciousness and outlook.

Keywords: *metaphor- sign, metaphor- image, metaphorical model, professional linguistic personality, basic properties and functions of metaphor.*

References

1. Aznacheeva E.N. K probleme tipologizatsii professional'noy yazykovoy lichnosti muzykanta [To the problem of typologization of the musician's professional linguistic personality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology and study of art], 2009, no. 43 (181), iss. 39, pp. 5–9. (In Russ.).
2. Bogin G.I. *Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* [The model of the linguistic personality with its connection with the types of text]. Leningrad, 1984. 354 p. (In Russ.).
3. Vaysgerber I.L. *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Native language and forming of spirit]. Moscow, 2004. 232 p. (In Russ.).
4. Gak V.G. *Sopostavitel'naya leksikologiya. Na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative lexicology. On the material of the French and Russian languages]. Moscow, 1977. 264 p. (In Russ.).
5. Elistratov A.A. K probleme stilisticheskoy stratifikatsii sportivnoy leksiki [To the problem of stylistic stratification of the sporting vocabulary]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2010, no 1, part 1, pp. 122–127. (In Russ.).

6. Zaretskaya E.N. *Ritorika: Teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii* [Rhetoric: Theory and practice of speech communication]. Moscow, 2002. 480 p. (In Russ.).
7. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and linguistic personality]. Moscow, 2003. 263 p. (In Russ.).
8. Kravtsova Yu.V. Ponimanie metaforicheskoy modeli v sovremennykh nauchnykh paradigmatkakh [Conception of metaphorical model in the modern scientific paradigms. Scientific papers]. *Naukovi pratsi* [Scientific works], 2007, vol. 67, issue 54, pp. 44–47. Available at: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/naukpraci/philology/2007/67-54-10.pdf>, accessed 23.12.2014. (In Russ.).
9. Lakoff D., Dzhonson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.).
10. Samigullina A.S. *Metafora v kognitivno-semioticheskom osveshchenii* [Metaphor in cognitive semiotic interpretation]. Ufa, 2008. 42 p. (In Russ.).
11. Teliya V.N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creation of the linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [Role of the human factor in language]. Moscow, 1988. Pp. 173–204. (In Russ.).
12. Tupitsyna I.N., Skorokhodova E.Yu. Priroda metafory i ee ispol'zovanie v sovremennoy rossiyskoy presse [The nature of metaphor and its use in the modern Russian press]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelayabinsk State University. Philology and study of art], 2009, no. 22 (160). iss. 33, pp. 108–114. (In Russ.).

УДК: 302(04)3-03

Л. А. Ткаченко

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

Дан обзор работ ученых и исследователей, посвященных истории православной журналистики и развитию церковной периодики в России. Рассмотрены работы авторов, исследующих основные издания дореволюционного периода, а также изучающих место конфессиональной журналистики в советское время и возрождение церковной периодики в 90-е гг. XX в.

Ключевые слова: *церковная журналистика, православные СМИ, история русской журналистики, медиа-холдинг, епархия, Русская Православная Церковь.*

Актуальность исследования церковной периодики обусловлена тем, что за последние 20 лет православная журналистика сформировала свою систему СМИ, которая занимает видное место среди российских медиа. Православная журналистика имеет богатые традиции, поэтому возрождение православных СМИ в наше время закономерно. Несмотря на то, что в XX в. эта традиция прервалась, современная православная журналистика во многом опирается на дореволюционный опыт.

История отечественной религиозной периодики исследована недостаточно равномерно: одни явления и события изучены основательно и с разных сторон, другие остаются малоизвестными. И, несмотря на то, что многие материалы дореволюционной церковной периодики включены в современный гуманитарный курс, имеющиеся на сегодняшний день основательные труды, посвященные истории журналистики, оставляют без внимания данную тему. Игнорирование этой темы в статьях советского периода понятно, чего не скажешь о современных монографиях, которые по неизвестным причинам очень бегло освещают тему российской церковной печати. В данной статье мы попытались кратко рассмотреть труды отечественных ученых, изучающих в своих трудах историю православных средств массовой информации.

Изучение истории православной печати началось еще до революции, основные вехи рассмотрены в книге «Самодержавие и печать в России» 1906 г. выпуска. Исследованием церковной периодики занимались преимущественно преподаватели светских и духовных учебных заведений: С. Г. Рункевич «Русская Церковь в XIX веке», Н. М. Лисовский «Би-

блиография русской периодической печати 1703–1900 гг.» и др. В советский период историю религиозной печати в России отслеживали А. Троицкий и Е. Хиловская. В 90-е гг. к теме истории отечественной духовной периодики обратились некоторые исследователи, основными являются К. Е. Нетужилов, Э. В. Летенков. Современный этап развития православных СМИ изучают О. В. Бакина, Н. А. Костинова, Л. В. Кашинская и др.

Становление церковной периодики в России и ее развитие до 1917 г. рассматривает в своей книге «История Русской Церкви» П. В. Знаменский. Он отмечает, что формирование церковной журналистики происходило параллельно с эволюцией отечественного духовного образования. С появлением периодических изданий на Руси в XVIII в., вскоре, в первой четверти XIX в., стала выходить и церковная периодика. До 1917 г. перед церковной периодической печатью ставились преимущественно информационные и духовно-просветительские задачи. Редакторами и сотрудниками церковных изданий в этот период были, как правило, представители духовенства. Первые православные издания имели научный или научно-популярный характер, в них размещались святоотеческие творения, богословские, исторические и другие статьи, хроника академической жизни, иногда отклики на последние события в России и в мире. Так, к началу 1860-х гг. уже все четыре духовные академии (Московская, Санкт-Петербургская, Казанская, Киевская) обзавелись собственными периодическими изданиями.

История церковной периодики богословского направления отчасти отражена в исследованиях по истории отечественного бого-

словия, библеистики и патрологии. Краткие сведения о многих церковных периодических изданиях, в том числе о большинстве епархиальных ведомостях содержатся в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Совсем невелико число дореволюционных работ, посвященных истории того или иного церковного периодического издания. Они, как правило, носили обзорный характер и были приурочены к различным юбилейным поводам.

Особый пласт церковной периодики – епархиальные ведомости – рассматривает в своем труде «Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости. 1838–1917» Э. В. Летенков. Он пишет, что прототипом епархиальных ведомостей и образцом для них послужили официальные губернские ведомости, которые стали выходить с 1838 г. одновременно в 44 губерниях, программа ведомостей определялась правительственными указаниями. Первые епархиальные ведомости вышли в свет в 1860 г. Они появились раньше официальных изданий Синода и учреждались Синодом по ходатайству местных архиереев. Епархиальные ведомости, как отмечает Э. В. Летенков, начинались как предприятие административно-управленческое, правда, в сфере духовной. Первые епархиальные ведомости появились в Ярославской епархии. С 1904 г. все епархии, кроме Туркестанской (где епархиальные ведомости стали выходить с 1906 г.) и Финляндской, имели свои издания. Периодичность епархиальных ведомостей составляла от 2 до 4 раз в месяц.

Э. В. Летенков также рассматривает структуру епархиальных ведомостей и организацию работы редакции. Непосредственное руководство епархиальными ведомостями осуществляется архиереем епархии, редактуру осуществлял священник или преподаватель духовной семинарии или академии. Из бюджета епархиальных ведомостей оплачивалась работа цензора и одного из чиновников консистории. Епархиальные ведомости, как правило, состояли из двух частей (или отделов): официальной и неофициальной. В первой публиковались официальные документы, указы, манифесты и распоряжения Священного Синода, других известий высшей государственной и церковной власти, особенно по данной епархии. Вторая часть (в некоторых случаях она называлась «Прибавлением» к епархиальным ведомостям) включала проповеди, изречения из святоотеческой литературы, печаталась история епархии и губернии. Эти сведения включали в себя

статистические данные епархий, монастырей и церквей, воспоминания, биографические очерки, некрологи, беседы, духовные советы. Епархиальные ведомости были исключительно церковно-ведомственной газетой, в редакции которой помимо редактора и одного-двух его помощников был корректор и письмоводитель. Зачастую официальный и неофициальный разделы редактировались несогласованно, тогда официальный раздел подписывался в печать секретарем епархии, а неофициальная часть – ректором или другим сотрудником духовной семинарии или училища.

Научный сотрудник Европейского университета Санкт-Петербурга А. И. Раздорский в работе «Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916)» также рассматривает историю епархиальных ведомостей. Он считает, что епархиальные ведомости являлись системообразующим центром локальной церковной печати в областных епархиях. На базе постоянных рубрик появлялись специальные приложения, отображающие деятельность различных епархиальных учреждений, таких как миссионерские советы, учебные комитеты, церковно-исторические общества и так далее. Во второй половине XIX в. епархиальные ведомости – это церковное официальное периодическое издание информационно-просветительского характера.

Автор диссертационной работы «Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX в.: историко-типологический анализ», доктор филологических наук К. Е. Нетужилов отмечает, что церковная периодика XIX – начала XX в. является памятником культуры и истории российской общественной мысли. К. Е. Нетужилов выявил больше 360 церковных изданий, печатавшихся в Российской империи с 1821 по 1917 гг. Кроме того исследователь создал персональный указатель деятелей церковной периодики XIX – начала XX в., включающий в себя более 600 имен. Автор также выделяет несколько типов изданий – научные, миссионерские, информационные, апологетические, художественные. Официальный характер носили издания епархиальных управлений, Священного Синода, полуофициальный характер имели газеты и журналы различных церковных обществ, братств. Существовала также и частная пресса, издаваемая по инициативе отдельных представителей духовенства. К. Е. Нетужилов анализирует организацию системы епархиальной

периодической печати и приходит к выводу, что несмотря на общую структуру, каждое издание отличалось индивидуальными, исключительными свойствами, отражающимися в тематике неофициального отдела. К примеру, в ведомостях, кроме просветительских, имелись уникальные этнографические, исторические, краеведческие рубрики, благодаря чему возрастало просветительское значение периодических изданий.

Главный библиограф Синодальной библиотеки при Московской Патриархии А. Н. Троицкий в исследовательском проекте «Православная энциклопедия» рассматривает важнейший пласт церковной периодики – православные дореволюционные журналы. Наиболее интересные из них – рукописный «Семинарский вестник», издававшийся во Владимирской духовной семинарии (1810–1815 гг.); журнал Санкт-Петербургской духовной академии – первое издание духовного учебного заведения; «Христианское чтение» – самый длительный по времени выпуска отечественный журнал (1821–1917 гг.). Впоследствии журналы стали появляться при духовных академиях в Киеве, Москве, Казани. Издания Казанской духовной академии интересны тем, что в них большое внимание уделялось другим религиям и религиозным течениям (исламу, буддизму, язычеству, старообрядству, различным сектам), вопросам миссионерства. Существовала и отдельная миссионерская периодика, состоящая из журналов «Иностранное обозрение» (Каз., 1912–1916 гг.) и «Миссионерский противомусульманский сборник» (Каз., 1912–1916 гг.). В общей сложности до 1918 г. четыре духовные академии выпускали 19 журналов, еще два периодических издания выходили при братствах и академических комиссиях [16].

Профессор кафедры истории СПбГПУ А. Н. Кашеваров в своей работе «Печать РПЦ в XX в.: Очерки истории» особое внимание уделяет анализу церковной периодики периода 1905–1917 гг. Он раскрывает основные проблемы церковной жизни в начале XX в., их отражение в церковной периодике, рассматривает условия, в которых действовала церковная периодическая печать в данный период. В ходе исследования автором выявлено 201 издание, созданное в период 1905–1917 гг., что составляет более 55% от числа всех церковных периодических изданий, существовавших в XIX – начале XX в.

В исследовательских работах, посвященных истории российской журналистики, до 80-х гг.

прошлого века факт существования церковной периодической печати в дореволюционной России игнорировался. Информация о религиозных журналах и газетах не входила в библиографические справочники 1950–1960-х гг. К примеру, как отмечает Л. В. Кашинская, в аннотированном справочнике русской печати периода 1895–1917 гг., вышедшем под редакцией М. С. Черепанова и Е. М. Фингерита в 1975 г., не упомянуто большинство религиозных изданий. В обобщающих трудах, посвященных истории журналистики, информация о церковной периодике почти не встречается. В коллективном труде по истории отечественной журналистики под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова, появившемся в 1930-х гг. на филологическом факультете ЛГУ, церковная журналистика вовсе не упоминается.

А. Н. Троицкий в своем исследовании демонстрирует резкое сокращение церковных СМИ после 1917 г. После революции в течение года печаталась только четверть всей православной периодики, в 1920 г. все дореволюционные газеты и журналы перестали издаваться. При этом на территориях, занятых войсками белой армии, иногда возникали новые издания, такие как «Знамя веры» (1919 г., Челябинск), «Вестник Омской церкви» (1919 г., Омск), «К свету» (1918–1919 гг., Барнаул), «Сибирский благовестник» (1919 г., Омск), «За родную землю» (1918 г., Уфа). На территории советской власти в годы гражданской войны появляются журналы «Благовестник» (1918 г., Москва), «Возрождение» (1918 г., Москва), «Современная проповедь» (1918 г., Н. Новгород) и др. Далее в период с 1918 по 1931 гг. в стране возникают недолговечные русско- и украинскоязычные церковные издания, большинство под покровительством раскольнических групп.

Е. Хиловская, сотрудник и преподаватель Свято-Тихоновского гуманитарного университета, в своих работах подробно рассматривает религиозные периодические издания советского периода, начиная с 1943 г., легендарного времени, повлиявшего на политику советской власти по отношению к РПЦ. Первым в сентябре 1943 г. возрождается «Журнал Московской Патриархии». Данное издание вплоть до 1989 г. являлось единственным церковным журналом на территории РСФСР. «Журнал Московской Патриархии» был адресован в первую очередь духовенству, на него была возложена функция трансляции информации. В издании освещались события из жизни отечественных

и зарубежных епархий, публиковались постановления Священного Синода, обращения и указы Патриарха, проповеди, а также статьи, посвященные церковно-историческим исследованиям, богословским темам, и так далее. На английском языке журнал стал издаваться в период с 1971 по 1994 г. (*The Journal of the Moscow Patriarchate*). Следом за возобновлением деятельности Московской Духовной Академии поднимается вопрос о возрождении научно-богословского издания «Богословский вестник». В отделе внешних церковных отношений Московского Патриархата начинает выходить «Информационный бюллетень Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата». Он не отличался регулярностью и периодичностью, содержал сведения о международных религиозных контактах, важных событиях в жизни РПЦ.

А. И. Раздорский также отмечает, что после Февральской революции 1917 г. многие епархиальные ведомости прекратили существование, другие выходили нерегулярно. Епархии Русской Православной Церкви за рубежом после революции в России в 1917 г. после небольшого перерыва возобновили выпуск епархиальной прессы.

Возрождение церковной периодики в 1990-х гг., дало почву для множества исследовательских работ, обративших пристальное внимание на православные СМИ современности. Средоточием изучения обозначенной проблематики является факультет журналистики МГУ. Наиболее серьезных успехов в изучении данного направления достигла М. И. Пискунова, старший научный сотрудник МГУ. Исследователь специализируется на православной журналистике конца 80-х – начала 90-х гг. В своем известном исследовании «Православие в журналистике и православная журналистика» М. И. Пискунова рассматривает вопросы церковных СМИ в рамках всей истории РПЦ в XX столетии. Также к вопросам церковной периодики, а конкретно к типологии современной религиозной прессы, обращаются в своих работах такие ученые как, доценты факультета журналистики МГУ Л. В. Кашинская и Н. А. Костикова, доцент кафедры культурологии и журналистики МГЭИ О. В. Бакина, профессор факультета журналистики СПбГУ А. Н. Тепляшина. Их работы также объединяет наличие небольших исторических экскурсов, описывающих состояние церковных СМИ в послеперестроечный период.

Н. А. Костикова в своих статьях обращает внимание на то, что в новой России церковные издания ориентируются не просто на духовное воспитание и донесение определенной информации, а также на миссионерскую деятельность, построение грамотного диалога со светской аудиторией, противостояние с оппозиционной Церкви идеологией, на катехизацию.

Отметим, что именно благодаря возрождению епархиальных изданий, в 90-х гг. XX в. стало возможным возобновление православной периодической печати и журналистики в целом. По словам Л. В. Кашинской, в современной России каждая епархия имеет собственные СМИ, учредителями которых выступают епархиальные правления. Безусловно, все они существенно отличаются по качеству и объему, что обусловлено разными причинами, чаще всего экономическими. Официальная епархиальная периодика транслирует читателям главные новости из жизни Церкви, информирует о различных событиях, происходящих в епархии, о миссионерской деятельности и реализуемых социальных проектах, рассказывает о служении Патриарха и Синодальных отделов, и так далее. Однако первоочередной задачей региональных СМИ всегда является освещение служения действующего архиерея и деятельности епархиальных отделов. В местной периодике большое внимание уделяется новостям о строительстве новых храмов, объявлениям о церковных событиях, публикации материалов прошедших религиозных мероприятий, конференций и семинаров.

Как указывает доцент кафедры журналистики МГУ А. С. Прутцкова, на первом месте по распространенности среди епархиальных изданий находится газета, которая содержит основную информацию о жизни епархии. Ее размер может варьироваться от листка до многополосного издания, обычно она содержит несколько рубрик, отражающих епархиальную жизнь с разных сторон. Как правило, официальным епархиальным газетам присущи типологические признаки региональных СМИ, так как границы епархий и митрополий зачастую совпадают с государственными административными границами. Кроме официальных ведомостей многие епархии издают и другие газеты, тем самым удовлетворяя разнообразные запросы читательской аудитории: как уже воцерковленных прихожан, так и тех, кто только приближается к церковному порогу.

Как отмечает О. В. Бакина, благодаря возрождению религиозного сознания, значение РПЦ как важнейшего социального института переосмысливается, приходит понимание того, что Церковь на базе тысячелетнего опыта сохранила все способы регулирования морально-нравственных отношений в социуме. Сформировавшаяся к середине 90-х гг. XX в. религиозная ситуация в современных СМИ именуется «православный ренессанс», а также «второе крещение постсоветской России». Новый яркий всплеск интереса к жизни Церкви связан с празднованием тысячелетия крещения Руси, состоявшимся в 1988 г. В самом начале XXI в. на фоне горького ощущения утраты национальной идентификации православные издания начинают своё развитие, участвуя вместе с остальными СМИ в сложном процессе создания нового общественного самосознания в современной России.

Вопросы развития православной журналистики в России затрагивает и доцент кафедры журналистики МГУ Т. Н. Иванова в своей работе «Современная русская православная периодическая печать: типология, основные направления, жанровая структура». Она, в частности, указывает на факт возрождения православной журналистики в начале XXI в., возросшее влияние православной прессы на общественную жизнь России, на духовный, интеллектуальный и нравственный уровень народа. Говоря о перспективах, исследователь считает, что благодаря органичному соединению новых черт времени и характерных особенностей традиционной православной русской журналистики, православная периодика прочно утвердится в системе российских СМИ. В заключение автор приходит к выводу: «История журналистики подтверждает, что православные издания были востребованы во все времена, при любом общественно-политическом строе» [4].

Исследователь Владимир Родченко в своей диссертации «Генезис и типология современной отечественной церковной периодики» особое внимание уделяет становлению православной журналистики в последние десятилетия. Он пытается осмыслить роль православных периодических изданий в этот новейший период истории церковной журналистики, а именно с момента выхода в свет первого номера газеты «Московский церковный вестник» (1986 г.) и по настоящее время. В своей работе он ограничивается изучением русскоязычной прессы Московского Патриархата, издающейся на тер-

ритории Российской Федерации. Делая акцент на выявлении генетических истоков и составлении типологических характеристик современной отечественной церковной периодики, автор затрагивает и исторический аспект развития православной журналистики в России.

Однако необходимо отметить, что исследователи акцентировали внимание в основном на типологическом, жанровом и социально-политическом аспектах православной журналистики, лишь слегка затрагивая ее организационно-экономическую базу. Тем не менее труды этих исследователей позволяют судить об общем состоянии церковных СМИ на протяжении XIX и XX вв. и являются ценным подспорьем в изучении заявленной проблематики.

Список литературы

1. Бакина, О. В. Современная православная журналистика: опыт региональных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Бакина. – СПб., 2001. – 29 с.
2. Вера и слово : материалы I международного фестиваля православных СМИ 16–18 нояб. 2004 г. – URL: <http://www.ortho-media.ru/docs/archiv/239/>.
3. Знаменский, П. В. История Русской Церкви / П. В. Знаменский. – URL: <http://gorenka.org/index.php/bibliotechka/5937-p-v-znamenskij-istoriya-russkoj-tserkvi?showall=1&limitstart=>.
4. Иванова, Т. Н. Современная русская православная периодическая печать: типология, основные направления, жанровая структура : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Иванова. – М., 2003.
5. Кашеваров, А. Н. Печать РПЦ в XX в.: Очерки истории / А. Н. Кашеваров. – СПб., 2004. – 162 с.
6. Кашинская, Л. В. Системы религиозной печати России / Л. В. Кашинская // Вестник Московского университета. – 1995. – № 3. – С. 15–20.
7. Кашинская, Л. В. Христианская печать России: структура, типология / Л. В. Кашинская // Вестник Московского университета. – 2003. – № 2. – С. 101–113.
8. Костикова, Н. А. Православная журналистика: методологические особенности изучения эффективности деятельности / Н. А. Костикова. – URL: <http://radonezh.ru/analytic/9097.html>.
9. Летенков, Э. В. Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости. 1838–1917 / Э. В. Летенков. – СПб., 2005. – 148 с.

10. Нетужилов, К. Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX века: историко-типологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / К. Е. Нетужилов. – СПб. 2010. – 58 с.
11. Пискунова, М. И. Православие в журналистике и православная журналистика (кон. 80-х – нач. 90-х гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. И. Пискунова. – М., 1993.
12. Прутцова, А. С. Современная религиозная печать России: (1990–2006) / А. С. Прутцова. – М., 2009.
13. Раздорский, А. И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916) / А. И. Раздорский. – М., 2007. – 960 с.
14. Религия в информационном поле российских СМИ. – М.: МедиаСоюз; Гильдия религиозной журналистики, 2003. – 142 с.
15. Родченко, В. Генезис и типология современной отечественной церковной периодики : автореф. дис. ... канд. богословия / В. Родченко. – Сергиев Посад, 2008. – 38 с.
16. Троицкий, А. Н. Журналы духовные / А. Н. Троицкий. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/182371.html>.
17. Чапнин, С. В. Церковь и масс-медиа: Особенности коммуникации в современном мире / С. В. Чапнин. – URL: http://chapnin.ru/articles/pravoslavie_i_mass-media_xxi_76/.

Сведения об авторе

Ткаченко Лилия Анатольевна – исполнительный директор медиacentра Новосибирской епархии Русской Православной Церкви.
iya2003@mail.ru.

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 88–94.*

RUSSIAN ORTHODOX JOURNALISM IN HISTORIOGRAPHIC WORKS OF DOMESTIC SCIENTISTS

L. A. Tkachenko

Russian Orthodox Church, Novosibirsk diocese. iya2003@mail.ru

The article gives an overview of the work of scientists and researchers on the history of journalism and the development of Orthodox church periodicals in Russia since pre-revolutionary period to 90th years of the twentieth century. To summarize, it is important to note that the history of the formation of the church periodicals studied only superficially, and not yet fully understood the mechanism of interaction of Orthodox media with government policies in general.

Keywords: *religious journalism, Orthodox mass media, the history of the Russian journalism, media holding, diocese, Russian Orthodox church.*

References

1. Bakina O.V. *Sovremennaya pravoslavnaya zhurnalistika: opyt regionalnyh SMI* [Modern Orthodox journalism: a local media experience]. 2001. (In Russ.).
2. *Vera i slovo: Materialy I mezhdunarodnogo festivalya pravoslavnyh SMI 16-18 noyab. 2004g.* [Faith and Word: Materials of international Orthodox media festival, Nov. 16–18, 2004]. Available at: <http://www.ortho-media.ru/docs/archiv/239/>. (In Russ.).
3. Znamensky P.V. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [Russian Church history]. Available at: <http://gorenka.org/index.php/bibliotechka/5937-p-v-znamenskij-istoriya-russkoj-tserkvi?showall=1&limitstart=>. (In Russ.).
4. Ivanova T.N. *Sovremennaya russkaya pravoslavnaya periodicheskaya pechat': tipologiya, osnovniye napravleniya, zhanrovaya struktura* [Modern Russian Orthodox press: typology, main tendencies, genre structure]. 2003. (In Russ.).

5. Kashevarov A.N. *Pechat` RPTz v XX v.: Ocherki istorii* [Russian Orthodox Church press in XXth c.: historical essays]. St. Petersburg, 2004. 162 p. (In Russ.).
6. Kashinskaya L.V. Sistemy religioznoy pechati Rossii [Systems of religious press in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 1995, no. 3, pp. 15–20. (In Russ.).
7. Kashinskaya L.V. Khristianskaya pechat` Rossii: struktura, tipologiya [Christian press in Russia: structure, typology]. *Vestnik moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2003, no. 2, pp. 101–113. (In Russ.).
8. Kostikova N.A. *Pravoslavnaia zhurnalistika: metodologicheskie osobennosti izucheniya effektivnosti deyatelnosti* [Orthodox journalism: methodological features of analyzing effectiveness of activities]. Available at: <http://radonezh.ru/analytic/9097.html>. (In Russ.).
9. Letenkov E.V. *Gubernskie, oblastnye, voiskovye, eparhialnye vedomosti. 1838–1917* [Provincial, regional, military, diocesan heralds. 1838–1918]. St. Petersburg, 2005. 148 p. (In Russ.).
10. Netuzhilov K.E. *Formirovanie sistemy tserkovnoi periodicheskoi pechati v Rossii XIX – nachala XX vekov: istoriko-tipologicheskii analiz* [Forming of church press system in XIX – beginning of XX c. Russia: historical and typological analysis]. St. Petersburg, 2010. 58 p. (In Russ.).
11. Piskunova M.I. *Pravoslavie v zhurnalistike i pravoslavnaia zhurnalistika (kon. 80-kh - nach. 90-kh gg. XX v.)* [Orthodoxy in journalism and Orthodox journalism (late 80s – early 90s of XX c.)]. Moscow, 1993. (In Russ.).
12. Prutzkova A. S. *Sovremennaia religioznaia pechat Rossii: (1990-2006)* [Modern regional press of Russia: (1990–2006)]. Moscow, 2009. (In Russ.).
13. Razdorskii` A.I. *Istoriko-statisticheskie opisaniya eparhii Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1848-1916)* [Historical and statistical descriptions of Russian Orthodox Church's dioceses (1848–1916)]. Moscow, 2007. 960 p. (In Russ.).
14. *Religiya v informatsionnom pole rossiyskikh SMI* [Religion in the information field of Russian media]. Moscow, 2003. 142 p. (In Russ.).
15. Rodchenko V. *Genezis i tipologiya sovremennoy otechestvennoy tserkovnoy periodiki* [Genesis and typology of modern domestic church press]. Sergiev Posad, 2008. 38 p. (In Russ.).
16. Troitzky A.N. *Zhurnaly duhovnyye* [Spiritual magazines]. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/182371.html>. (In Russ.).
17. Chapnin S.V. *Tserkov i mass-media: Osobennosti kommunikatsii v sovremennom mire* [Church and mass media: Communication features in modern world]. Available at: http://chapnin.ru/articles/pravoslavie_i_mass-media_xxi_76/. (In Russ.).

УДК 81

Н. П. Трайковская

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ИНДИКАТОР КУЛЬТУРЫ И ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Рассматривается рекламный текст в качестве вербальной формы отражения культурного опыта. Проведен анализ национально-культурных особенностей построения рекламных текстов современной американской рекламы. Рекламный текст – это вербально-знаковая символизация культуры.

Ключевые слова: *реклама, рекламный текст, культура, национальная культура, национально-культурные особенности, мировоззрение, национальный характер, индикатор культуры, вербально-знаковая символизация культуры, манипуляция сознанием.*

Реклама – неотъемлемый атрибут жизни в XXI в., реклама присутствует во всех сферах деятельности. Рекламный текст представляет собой интересный объект для лингвистического анализа, поскольку в нем фокусируются и проявляются важнейшие тенденции развития языка на современном этапе. Язык рекламы мгновенно реагирует на появление новых идей и событий, а изменения в любой жизненной сфере неизбежно отражаются в современных рекламных текстах.

Рональд Марчанд (Ronald Marchand) в своей книге «Advertising the American Dream: Making Way for Modernity» пишет, что реклама записывает нашу жизнь в газетах и журналах, реклама существует для будущего [6. С. 15]. Реклама отражает жизнь современного человека, а рекламный текст, в свою очередь, реагирует на изменения языка в целом.

Итак, рассматривая рекламный текст в качестве вербальной формы отражения культурного опыта, представляется возможным выявить национально-культурные особенности построения рекламных текстов и определить способы выражения культуроспецифической информации в рекламных текстах.

Среда, в которой функционирует любой текст, – это культура и социум. Как считает Л. Н. Мурзин, и культура «существует в форме текстов – знаковых произведений духовной деятельности человека» [3. С. 164]. В частности, он утверждает, что «текст есть формальная единица культуры, культура «разлагается» на тексты, состоит из текстов, хотя качественно не сводится к ним» [3. С. 165]. Таким образом, следует рассматривать текст не только как продукт речевой деятельности, но и как продукт национальной культуры.

Будучи социальным феноменом, язык неразрывно связан с его носителями и выступает одной из главных форм выражения национального сознания и отражения национальной культуры. Согласно В. Н. Телия, изучения требует «фактор языка в человеке, проявляющийся в его практической жизнедеятельности, воздействующей на его жизненную философию, а тем самым на стратегии дискурсивных практик, охватывающих все сферы бытия человека в мире» [4. С. 678].

Рекламный текст как текст, относящийся к текстам массовой коммуникации, ориентированный не на конкретного реципиента, а на массовую аудиторию определенной страны, обращается к национальному сознанию определенной культуры. В рекламе бренда американской одежды GAP «*Make love. Make art. Make culture*» [13. С. 51–53] автор рекламного сообщения использует лексическую градацию «*love, art, culture*» (от индивидуального к общественному) и обращается к реципиенту с идеей о том, что каждый человек является частью культуры.

О том, что рекламные тексты культурно обусловлены, говорит и Н. Н. Трошина: «именно в тексте отражается языковое сознание, национальный менталитет, национально-культурные ценности и стереотипы» [5. С. 6].

Рекламный текст имплицитно в социум фоновые знания о культуре данного социума, отражая не только ценностные установки и ориентиры данного социума, но и апеллируя ими. Например, в рекламе автомобиля Audi «*Like great-grandfather. Like grandfather. Like father. Like son*» пропагандируются такие ценностные установки как «*family*», «*generation*»,

«*tradition*», «*respect to the past*» [10. С. 32–33]. Связь рекламного текста с культурой, его обусловленность социокультурными факторами отражается в языке рекламных текстов и проявляется на разных уровнях – на уровне дискурса, на уровне предложения и на уровне слова.

Вместе с тем О. А. Ксензенко в своей статье «Рекламная коммуникация в поликультурном пространстве» полагает, что создателям рекламы необходимо принимать во внимание функциональные характеристики рекламы, принципы классификации объектов рекламирования и типологизации реципиентов рекламных текстов, особенности картины мира и языковой картины мира целевой аудитории [1]. Следовательно, реклама обязательно отражает менталитет страны, в которой ее создавали, в рекламе можно увидеть саму страну или время.

Эта включенность людей в традиции и обеспечивает, согласно А. Макинтайру, контекст для рационального и объективно обоснованного выбора ценностей: «Я гражданин того или иного города, племени, нации. Отсюда то, что есть благо для меня, есть благо для того, кто воплощает эти роли. <...> Они составляют данность моей жизни, мою моральную точку зрения. Это именно то, что придает моей жизни свойственную ей мораль» [2. С. 233].

В нашей статье мы остановимся на некоторых особенностях рекламного текста как уникального культурного, социолингвистического и когнитивного явления. Рассмотрим печатный рекламный текст и его национально-культурную специфику на примерах современной американской рекламы, представленной в современных англоязычных журналах *GQ*, *Men's Health* и *Esquire*. Данные журналы издаются во всем мире, но в статье ставим задачу проанализировать рекламный текст именно в американских изданиях.

Национально-культурная специфика в печатной американской рекламе проявляется в отражении общих ценностных установок и ориентиров всего американского социума, что находит свое выражение в тексте рекламного сообщения.

Проанализировав тексты американской рекламы, были выделены такие специфические черты американского национального характера, как: Team Work / Cooperation, Individualism / Responsibility, Competition / Achievement, Hard Work / Meeting the Challenges, Social Roles Diversity.

Рассмотрим каждую из черт и выделим язы-

ковые маркеры, определяющие национальный характер:

1. Team Work / Cooperation – сотрудничество и взаимодействие для достижения общей цели:

- *ARAMIS ALWAYS.WHEN TWO ARE ONE. THE NEW FRAGRANCES FOR HIM, FOR HER* [11. С. 15].

- *Gillette. Perfect Teamwork for a Perfect Shave* [11. С. 60].

2. Individualism / Responsibility – осознание собственной индивидуальности и стремление полагаться только на собственные силы, ответственность за свои действия и свою судьбу:

- *ORIS. Real watches for real people* [7. С. 37].

- *Kindle Paperwhite. Perfect in Sunlight, Perfect in Moonlight* [7. С. 54–55].

- *OMEGA. Water is Ian Thorpe's natural element. Planet ocean is his watch. MY CHOICE* [11. С. 32].

- *BRIETLING for BENTLY. Superlative* [12. С. 49].

- *BLACK SHEEP OR WOLF. Choice is coming to American Motorcycles* [8. С. 43].

3. Competition / Achievement – соревнование, стремление к лидерству, успеху, достижениям:

- *HUGO BOSS: I don't expect success I prepare for it* [9. С. 30–31].

- *Ford. Ranger Wildtrak. It will take you to any mountain, cliff or fast moving river. After that, you're on your own* [11. С. 84].

- *LA Muscle .Stop Dreaming Start Achieving* [11. С. 164].

4. Hard Work / Meeting the Challenges – настойчивость, трудолюбие, работа над собой, преодоление трудностей:

- *Audi. GOOD DESIGN ISN'T JUST WHAT YOU ADD IT'S WHAT YOU TAKE AWAY* [9. С. 7–8].

- *VERTU. Signature zirconium. Crafted to perform under pressure* [9. С. 69].

- *ASUS. IN research of incredible. For all of us who see beauty in the Challenge* [9. С. 161].

5. Social Roles Diversity – разносторонность социальных ролей в обществе:

- *Microsoft. Meet James actor, writer, nappy changer* [9. С. 118].

- *IWC SCHAFFHAUSEN. What pilots never take off* [7. С. 10].

- *Microsoft. See his Kid's Corner* [9. С. 121].

- *The Man, the moments. Be the guy your little guy looks up to* [12. С. 137].

Язык рекламы как индикатор культуры проявляется посредством стилистических приемов (игра слов, лексический и синтаксический повтор, смысловые противопоставления, метафоры, эпитеты, сравнения), также концептов, лежащих в основе того или иного рекламного сообщения (*teamwork, real people, choice, success, achievement, diversity*). Следовательно, можно сделать вывод, что рекламный текст – это вербально-знаковая символизация культуры.

Отсюда вытекает, что язык, в частности рекламный текст, выявляет наиболее значимые атрибуты социальных ролей, присущие той или иной культуре. С каждым днем, по нашему мнению, значимость рекламы возрастает, она не только предоставляет информацию, но и формирующим образом оказывает воздействие на мировоззрение человека. По этой причине становится актуальным описание средств и способов, которые используют производители рекламы для подачи информации и достижения основной своей цели – побуждению к приобретению товаров или услуг.

Список литературы

1. Ксензенко, О. А. Рекламная коммуникация в поликультурном пространстве / О. А. Ксензенко // Мир лингвистики и коммуникации. – 2011. – № 3 (24).
2. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр. – М.: Академ. проект, 2000. – 382 с.
3. Мурзин, Л. Н. Язык, текст и культура / Л. Н. Мурзин // Человек – текст – культура. – Екатеринбург: ИРРО, 1994. – С. 160–169.
4. Телия, В. П. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов / В. П. Телия // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – С. 674–684.
5. Трошина, Н. Н. Введение / Н. Н. Трошина // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М., 2000. – С. 5–7.
6. Roland Marchand. Advertising the American Dream: Making Way for Modernity, 1920–1940 / Roland Marchand. – University of California Press, 1985. – 472 p.
7. Esquire US. – 2012. – № 11. – С. 10, 37, 54–55.
8. Esquire US. – 2013. – № 05. – С. 43.
9. GQ US. – 2013. – № 01. – С. 7–8, 30–31, 69, 118, 121, 161.
10. Marie Claire UK. – 2012. – № 07. – С. 32–33.
11. Men's Health UK. – 2006. – № 04. – С. 15, 32, 60, 84, 164.
12. Men's Health US. – 2013. – № 06. – С. 49, 137.
13. Vogue USA. – 2013. – № 12. – С. 51–53.

Сведения об авторе

Трайковская Наталья Петровна – аспирант кафедры английской филологии, ассистент кафедры английской филологии, Тульский государственный педагогический университет.
traikovskaya.natalia@gmail.com

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 95–98.*

ADVERTISING TEXT AS AN INDICATOR OF CULTURE AND REFLECTION OF NATIONAL CHARACTER

N. P. Traikovskaia

Graduate student of English Philology, Assistant of the Department of English Philology, Tula State Pedagogical University. traikovskaya.natalia@gmail.com

The article examines advertising text as a verbal form of reflection of cultural experience. Advertising has an impact on the culture as a whole, and on the formation of attitude and national character. The analysis of the national and cultural peculiarities of constructing advertising texts of contemporary American advertising is presented in the advertising text. Culture plays a huge role in the development of an effective advertising strategy. Advertising text is a verbal and iconic symbolization of culture.

Keywords: *advertising, advertising text, culture, national culture, national-cultural characteristics, world outlook, national character, indicator of culture, verbal-iconic symbolization of culture, manipulation of consciousness.*

References

1. Ksenzenko O.A. Reklamnaja komunikacija v polikul'turnom prostranstve [Advertising communication in a multicultural space]. *Mir lingvistiki i komunikacii* [World of Linguistics and Communication], 2011, no. 3 (24). (In Russ.).
2. Makintajr A. *Posle dobrodeteli: Issledovanija teorii morali* [After Virtue: Studies moral theory]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2000. 382 p. (In Russ.).
3. Murzin L.N. Jazyk, tekst i kul'tura [Language, text and culture]. *Chelovek – tekst – kul'tura* [Man – text – culture]. Ekaterinburg, IRRO Publ., 1994. Pp. 160–169. (In Russ.).
4. Telija V.P. Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov – znakov-mikrotekstov [Factor of Culture and reproducibility phraseology – signs-microtexts]. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [Hidden meaning: the Word. Text. Culture]. Moscow, 2004. Pp. 674–684. (In Russ.).
5. Troshina N.N. Vvedenie [Introduction]. *Jetnokul'turnaja specifika rechevoj dejatel'nosti* [Ethnocultural specificity of speech activity]. Moscow, 2000. Pp. 5–7. (In Russ.).
6. Roland Marchand. *Advertising the American Dream: Making Way for Modernity, 1920–1940*. University of California Press, 1985. 472 p.
7. Esquire US, 2012, no. 11, pp. 10, 37, 54–55.
8. Esquire US, 2013, no. 05, p. 43.
9. GQ US, 2013, no. 01, pp. 7–8, 30–31, 69, 118, 121, 161.
10. Marie Claire UK, 2012, no. 07, pp. 32–33.
11. Men's Health UK, 2006, no. 04, pp. 15, 32, 60, 84, 164.
12. Men's Health US, 2013, no. 06, pp. 49, 137.
13. Vogue USA, 2013, no. 12, pp. 51–53.

УДК 659.1
ББК 76.006.5

Т. Г. Федотовских

РОЛЬ НЕЙМИНГА ГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Описываются содержательные модели названий жилых комплексов Екатеринбурга. Выявлено, что в нейминге объектов недвижимости предпочтительны смыслы, связанные с престижем, комфортом, статусностью, а также отсылающие к культурному и историческому наследию России. Делается вывод о том, что названия жилых комплексов оказывают благоприятный эффект не только на формирование имиджа города, но и на мировосприятие людей.

Ключевые слова: *нейминг, рекламное имя, нейм, имидж территории, содержательная модель коммерческого имени.*

На протяжении многих лет советской власти, когда человек рассматривался лишь как винтик огромного механизма, называемого «общность советский народ», когда все действия и помыслы были связаны с единственной целью – построением развитого социализма и, как идеал, коммунизма в отдельно взятой стране, – в нашем обществе не могло быть речи об индивидуализации человека и уж тем более какого-либо промышленного или хозяйственного объекта. Слова «индивидуализм», «индивидуалист» воспринимались чуть ли не ругательными и оценивались как оскорбление. Не случайно целые микрорайоны разных городов выглядели братьями-близнецами, а их названия не выходили за рамки привычных «магазин Книги», «гастроном № 5», «СМУ № 2», «молочный комбинат № 4» и так далее.

Но в русском человеке исторически, более того, ментально заложена потребность давать названия всему, что его окружает. Неслучайно топонимисты привозят из своих экспедиций иногда нелепые, иногда неблагозвучные, но всегда индивидуализирующие местность названия, такие как Сонькина еланка, Слепой бочаг, Поросенков лог. Если говорить о названиях внутри города, то нельзя не отметить неофициальные названия районов, существующие наряду с официальным административно-территориальным делением города: Юго-Западный (часть Ленинского района), Эльмаш, Уралмаш (части Орджоникидзевского района), Втузгородок (часть Кировского района). И эти названия районов Екатеринбурга появились не сегодня, но, повторимся, именно потому, что они складывались в советскую эпо-

ху, данные номинации имеют неофициальный характер.

Сегодня же в условиях сильной активизации рекламно-информационной деятельности главным фактором успеха является самоидентификация. Далеко не последнее место в этом процессе занимает имятворческий процесс, или нейминг. В данной статье мы рассмотрим основные тенденции нейминга на рынке недвижимости г. Екатеринбурга, тем более что практика нейминга в этой сфере давно завоевала прочные позиции. С каждым годом в Екатеринбурге появляется все больше красивых и звучных названий жилых комплексов. Однако до сих пор нет единого мнения, что же такое нейминг объектов недвижимости: дань модной тенденции или деловая необходимость?

Изучением нейминга как маркетинговой дисциплины, посвященной исследованию и разработке коммерческих имен, в разное время занимались различные авторы, которые сформировали большую теоретическую базу по этому вопросу [3; 4; 6; 8; 10].

Все исследователи отмечают, что главной целью нейминга является создание имен, которые будут приносить прибыль и выделяться на фоне множества других. И. А. Имшинецкая сравнивает роль рекламного имени с ролью первой скрипки в оркестре, поскольку оно, выполняя информативную и прагматическую функции, служит ориентиром для потребителя [3].

Кроме того, И. В. Крюкова совершенно справедливо замечает, что в самом термине «рекламное имя» подчеркивается функция, определяющая его коммуникативную значимость и маркетинговую ценность.

В свою очередь, рекламная функция реализует две другие: аттрактивную (функцию, управляющую вниманием) и суггестивную (функцию, оказывающую воздействие на психику, при этом снижающую сознательность, аналитичность и критичность восприятия) [4. С. 5].

В современной ситуации жесткой конкуренции, чтобы выгоднее продать любой объект недвижимости, необходимо дать ему имя, так как известно, что удачно разработанное имя не только создает первое впечатление, но и увеличивает силу долгосрочного восприятия бренда. Названия объектов недвижимости (жилых комплексов, административных зданий, бизнес-центров) используются при строительстве трех высших категорий недвижимости: бизнес-класс, премиум и де люкс.

По мнению управляющего директора консалтинговой компании Blackwood М. Маркаровой, имя очень важно для комплекса элитного класса и в меньшей степени для бизнес-класса. «Хорошо подобранное имя может стать неким брендом, как, например, “Алые Паруса” или “Торрис Хаус”, – добавляет эксперт. – Срок экспозиции квартир в домах такого типа может существенно сократиться, так как имя привлекает потенциальных покупателей. Кроме того, проекты с именем гораздо удобнее продвигать, так как это уже уникальные предложения» [9].

Рассмотрим критерии эффективного рекламного имени, разработанные специалистами в области брендинга и нейминга [3; 4; 6; 8].

Ученые единодушно высказывают мнение о том, что хорошее рекламное имя должно быть коротким, удобопроизносимым, быстро запоминающимся, приятным для глаз и для ушей. Оно должно учитывать культурные особенности и традиции аудитории, вызывать непосредственные смысловые ассоциации с продуктом, причем позитивные ассоциации (или, по крайней мере, не иметь негативных), устанавливать коммуникационный процесс с потребителем (хорошее имя должно отражать индивидуальные особенности нового продукта и маркетинговую политику владельца). И, наконец, оно должно быть охраноспособным и уникальным, непохожим на все остальные. В идеале, название должно доносить до потребителя основные преимущества продукта.

Конечно же, недостаточно знать признаки хорошего имени. Важно владеть приемами, способами создания эффективных рекламных имен.

Существует множество методик словообразования рекламных имен. Разные авторы выделяют свои технологии и свои классификации названий. При этом все словообразовательные модели можно разделить на две большие группы: структурные модели (работа с формой, с внешним обликом нового слова) и содержательные модели (работа с содержанием уже существующего в языке слова). В данной статье мы остановимся именно на содержательных моделях, так как исследование названий жилых комплексов показало, что в основе названия жилого комплекса, как правило, лежат собственные или нарицательные имена русского, реже – иностранного языка.

Все содержательные модели названий жилых комплексов основаны на ассоциативном методе. Метод ассоциаций широко используется в нейминге, поскольку создает некий образ в сознании человека, связанный с тем или иным объектом. К. Веркман проводит следующую образную аналогию: «Хороший словесный знак должен быть ассоциативным. В противном случае он подобен хорошо одетому, но не умеющему поддерживать беседу попутчику» [1. С. 14].

И. А. Имшинецкая считает, что наличие смысловых ассоциаций в названии обязательно, причем непременно положительных. С этим также связано требование отсутствия ложных ожиданий в названиях (когда по названию кажется, что фирма занимается одним, а на самом деле – другим) [3].

Как показывают исследования рекламного агентства «Реклама сегодня» (г. Москва), главной особенностью нейминга объектов недвижимости является ассоциативная связь с местом расположения. Именно этот признак обещает потребителю определенные выгоды [8].

Исследование названий жилых комплексов г. Екатеринбурга подтверждает данную особенность: из 119 рекламных имен почти треть так или иначе связана с расположением объекта.

Первая подгруппа таких названий – топонимы. Такие названия абсолютно соответствуют названию того места, на котором расположен объект недвижимости.

Яркими примерами служат названия Авангард (в микрорайоне Авангард), Академический (в микрорайоне Академический), Библиотечный (рядом улица Библиотечная), Кольцовский (в микрорайоне Кольцово), Красных Героев (на улице Красных Героев), На Алтайской (на улице Алтайская), Патруши (в селе Патру-

ши), Хрустальногорский (на улице Хрустальногорская), Щербакова (на улице Щербакова) и так далее.

Вторая подгруппа – названия, связанные с местоположением, *но не являющиеся топонимами*. Это могут быть названия, связанные со сторонами света, названия, ассоциирующиеся с объектами, которые находятся в непосредственной близости от жилого комплекса, либо названия – трансформированные топонимы.

Примерами служат следующие имена: Березки (трансформированное название г. Березовский), Западный (расположен в западной части Екатеринбурга), Каменный Ручей (недалеко от берегов реки Исеть), Левобережный (на левом берегу реки Арамилка), Прибрежный (на берегу Исетского озера), Университетский (в микрорайоне втуз-городка) и так далее.

Еще одной большой группой в нейминге объектов недвижимости являются названия, вызывающие положительные ассоциации. Ассоциативные связи могут устанавливаться с такими характеристиками, как престижность, элитность, статусность: Адмиральский, Антарес (ярчайшая звезда в созвездии Скорпиона. Ассоциируется с яркостью, прогрессом, стремлением вверх, престижем), Жемчужина, Квартал Федерация, Магнат, Мечта, Премьер, Престиж.

В современной России можно часто встретить мнение, что Запад – это воплощение всего, что россияне хотели бы иметь у себя. С Западом хотят дружить, экономически сотрудничать, заимствовать у него технологии, новые идеи, а также названия. Поэтому с престижем, особым статусом может ассоциироваться заимствованное название: *DasHaus*, Миллениум, Форрест Хаус и так далее. С европейским качеством, красотой ассоциируются названия, в основе которых лежат имена столиц, например, Париж (изысканность, элегантность, качество), Москва (престиж, важность, центральность). Хотя следует отметить, что название Москва, возможно, связано и с географическим положением жилого комплекса. Он расположен на пересечении улиц Шейнкмана-Куйбышева, то есть на Московской горке (еще один неофициальный микротопоним Екатеринбурга).

К этой же ассоциативной группе отнесем названия, связанные с такими смыслами, как уют, комфорт, тепло, радость: Апельсин, Солнечный, Солнечный Остров, Уютный.

Также популярны имена, отражающие экологичность и связь с природой: Березовая

Роша, Полесье, Солнечный, Соловьи, Тихий Берег, Чистые Пруды.

Следующую группу неймов назовем именованными аллюзии. Как отмечает В. Перция, «исторический факт, отсылка к исторической личности или мифологии может заинтересовать потребителей услуги и стать хорошим инструментом продвижения» [7]. Такие имена отражают интеллигентность, интеллект, стремление к высокому, к искусству и так далее, а также подчеркивают культурное богатство России: Булгаков, Малевич, Татищев, Онегин-Плаза.

Пожалуй, самой немногочисленной группой имен являются названия, отражающие архитектурную концепцию проекта: Малевич, Камелот. Жилой комплекс Малевич оформлен в стиле картин художника Казимира Малевича, а Камелот – в средневековом стиле. При этом специалисты, профессионально занимающиеся архитектурной составляющей города, отмечают, что данный признак должен быть первостепенным в выборе названия жилого комплекса. Исследуя связь названия и архитектуры жилого комплекса Адмиралтейский в качестве удачного примера, И. Ибрагимов, доцент УралГАХА, констатирует, что «если появляются новые здания и сооружения, получающие те или иные названия, то необходимо исследовать архитектонимическую целостность, то есть целостность названия и архитектуры здания» [2].

Итак, благодаря появляющимся престижным, статусным жилым комплексам с уникальными именами целенаправленно изменяется представление о Екатеринбурге как городе-заводе. Меняется имидж города. Все чаще о нем говорят как о мегаполисе мирового уровня.

Т. В. Мещеряков указывает: «Имидж города – это устойчивый, исторически складывающийся образ определенной географической местности (города), существующий или возникающий в воображении большинства субъектов, входящих в целевую аудиторию при упоминании названия этой территории» [5].

Известно, что для формирования позитивного имиджа необходимо использовать комплексные технологии, и нейминг – это всего лишь один из инструментов, помогающий формировать необходимый образ. При этом не следует и недооценивать данный инструмент, так как первое, с чем сталкиваются гости и жители города, выйдя на улицу, это многочисленные названия, в том числе и названия жилых комплексов, которые в своей основе содержат

положительные смыслы престижа, качества, уюта, связь с историей, культурой и так далее и формируют образ города, удобного и комфортного для жизни.

Кроме того, нельзя не заметить, что с приходом нейминга на рынок недвижимости изменяется отношение екатеринбуржцев к родному городу и к самим себе. Очевидно, что жилой комплекс элит-или бизнес-класса просто обязан иметь собственное имя, которое бы отражало его статус, имидж, позицию на рынке. При этом красивые, звучные названия, названия, апеллирующие к русской истории, культуре, обогащают не только город, но и человека, его индивидуальность. Именно индивидуальность, общечеловеческие ценности выходят сегодня на первый план в поликультурном мире. Поэтому, покупая жилье в доме или жилом комплексе с индивидуальным названием, человек не просто приобретает в собственность квартиру, но и подтверждает свой статус человека со вкусом и положением в обществе.

Список литературы

1. Веркман, К. Товарные знаки. Создание, психология, восприятие / К. Веркман. – М., 1986. – 520 с.
2. Ибрагимов, И. Название и архитектура жилого комплекса / И. Ибрагимов // Новый Уральский строитель. – 2012. – № 9 (120). – URL: <http://www.nus-ural.ru>.
3. Имшинецкая, И. А. Креатив в рекламе / И. А. Имшинецкая. – URL: <http://evartist.narod.ru/text11/54.html>.
4. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Крюкова. – Волгоград, 2004. – 360 с.
5. Мещеряков, Т. В. Имидж города как стратегический фактор эффективного маркетинга территории / Т. В. Мещеряков // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 2 (30). – URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2663>.
6. Новичихина, М. Е. Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен: разграничение понятий / М. Е. Новичихина // Вестник Воронежского государственного университета. – 2004. – № 1. Филология. Журналистика. – С. 165–169.
7. Перция, В. 29 способов имяобразования / В. Перция. – URL: <http://www.naming.ru/content/view/14/43>.
8. Реклама сегодня. – URL: <http://www.rada.ru>.
9. Романова, Т. Теория и методика создания коммерческих названий и рекламных текстов / Т. Романова. – Самара, 2008. – 156 с.
10. Advertme.ru : рекламный портал. – URL: <http://www.advertme.ru>.

Сведения об авторе

Федотовских Татьяна Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций Института государственного управления и предпринимательства в Уральском федеральном университете им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

tf30@rambler.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 99–103.*

THE ROLE OF NAMING OF CITY OBJECTS IN THE POLYCULTURAL DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

T. G. Fedotovskikh

Ural Federal University named after the first President of Russia, Institute of State Management and Entrepreneurship. tf30@rambler.ru

At present in the conditions of increasing activation of advertising and information activities the main success factor is self-identification. Naming or a name creating process plays one of the principal parts in

this activity. The article discusses the basic trends of naming in the real estate market of Yekaterinburg, moreover that the naming practice has gained a strong position in this area for a long time already. The article concludes that with the advent of naming in the real estate market the attitude of the residents of Yekaterinburg towards their home city and themselves is changing. It is clear that a housing estate of elite- or business class is just bound to have its own name which would reflect its status, image, position in the market. Thus beautiful and sonorous names especially those appealing to the Russian history, culture enrich not only the city but also a person and his or her individuality. It is individuality, universal values that come to the foreground in the polycultural world. That is why purchasing an accommodation in a house or a housing complex a person acquires not only an ownership of an apartment but also supports his or her status of the person possessing taste and status in society.

Keywords: *naming, advertising name, name, the image of the territory, substantial commercial model name.*

References

1. Verkman K. *Tovarnyye znaki. Sozdaniye, psihologiya, vospriyatiye* [Trademarks. Create, psychology, perception]. Moscow, 1986. 520 p. (In Russ.).
2. Ibragimov I. Nazvanie i arkhitektura zhilogo kompleksa [Name and the architecture of the residential complex]. *Novyy Ural'skiy Stroityel'* [New Ural builder], 2012, no. 9 (120). Available at: <http://nus-ural.ru>. (In Russ.).
3. Imshinyetskaya I. *Kreativ v reklamye* [Creativity in advertising]. Available at: <http://evartist.narod.ru/text11/54.html>. (In Russ.).
4. Kryukova I. *Reklamnoye imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti* [Advertising name: invention and precedential]. Volgograd, 2004. 360 p. <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2663>. (in Russ.).
5. Meshcheryakov T. Imidzh goroda kak strategichyeskiy factor effektivnogo marketinga territorii [Image of the city as a strategic factor of effective marketing territory]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economics], 2009, no 2 (30). Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2663>. (In Russ.).
6. Novichikhina M. Kommercheskoye nazvaniye, reklamnyy tekst, brend, tovarnyy znak, nomen: razgranicheniye ponyatiy [Commercial name, advertising copy, brand, trademark, nomen: differentiation of concepts]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh state university. Philology. Journalism], 2004, no. 1, pp. 165–169. (In Russ.).
7. Pyertsiya V. *29 sposobov imyaobrazovaniya* [29 ways of naming]. Available at: <http://www.naming.ru/content/view/14/43>. (In Russ.).
8. *Reklama segodnya* [Advertising today]. Available at: <http://www.rada.ru>. (In Russ.).
9. Romanova T. *Teoriya i metodika sozdaniya kommercheskikh nazvaniy i reklamnykh tekstov* [Theory and methods of creating commercial names and advertising texts]. Samara, 2008. 156 p. (In Russ.).
10. *Advertme.ru*. Available at: <http://www.advertme.ru>. (In Russ.).

УДК 808.2

Е. В. Харченко

НОСИТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью в научном обосновании термина «носитель русского языка», который используется для того, чтобы получить российское гражданство. Делается попытка определить носителей русского языка, основываясь на теории речевой деятельности, характеристиках языковой личности, а также достижениях лингводидактики (в первую очередь касающихся ошибок у инофонов).

Ключевые слова: *теория языка, теория речевой деятельности, языковая личность, типы ошибок, носитель русского языка.*

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью научного обоснования понятия «носитель русского языка», активно используемого в последнее время. В прошлом году у иностранных граждан и лиц без гражданства появилась возможность получить гражданство РФ в упрощенном порядке, доказав, что они являются носителями русского языка (Федеральный закон от 20.04.2014 № 71-ФЗ). Решение об установлении этого факта принимается комиссией, в которую входят наряду с представителями Федеральной миграционной службы преподаватели и ученые. Автор статьи не только является членом такой комиссии, но и разрабатывал тестовый материал, который прошел апробацию в течение полугода.

Проанализировав сайты, соответствующие тематике, мы можем утверждать, что до сих пор сохраняется некоторая неопределенность: в каждом регионе установлены свои правила и формат проведения собеседования. В регламенте написано: «В ходе собеседования определяется способность иностранного гражданина понимать и уметь интерпретировать неадаптированные тексты на любую тематику, включая абстрактно-философские, профессиональной ориентации, публицистические и художественные, а также тексты, обладающие подтекстовыми и концептуальными смыслами. Кроме того, максимально полно понимать содержание, в том числе записей публичных выступлений, свободно воспринимая социально-культурные и эмоциональные особенности речи говорящих, интерпретируя фразеологизмы, известные высказывания и скрытые смыслы. Уметь достигать поставленных целей ком-

муникации, продемонстрировать полное знание языковой системы и свободное владение средствами выразительности языка во всем многообразии лексико-грамматических, стилистических, синонимических и структурных отношений» [15]. Однако в отзывах часто появляются сомнения в том, что такую проверку на знание родного языка пройдут даже коренные россияне.

Рассмотрим, как трактуется понятие «носитель русского языка» в интернет-источниках:

«Иностранные граждане, являющиеся носителями русского языка, – лица, владеющие русским языком и повседневно использующие его в семейно-бытовой и культурной сферах, в случае, если данные лица либо их родственники по прямой восходящей линии постоянно проживают или ранее постоянно проживали на территории Российской Федерации либо на территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах Государственной границы Российской Федерации» [16].

«Носитель русского языка – лицо, владеющее русским языком и повседневно использующее его в семейно-бытовой и культурной сферах (по результатам специального собеседования) в случае, если данное лицо либо его родственники по прямой восходящей линии постоянно проживают или ранее постоянно проживали на территории Российской Федерации либо на территории, относившейся к Российской Империи или СССР, в пределах Государственной границы Российской Федерации» [17].

Таким образом, указаны два условия, необходимые для упрощенного получения гражданства: знание языка и проживание на опре-

деленной территории самого заявителя или близких родственников. Нас интересует только первая часть – знание языка, поскольку вторая часть, во-первых, четко оговаривается, во-вторых, лежит за пределами филологических компетенций.

В данной статье мы попытаемся обосновать свой подход к определению носителей русского языка, который базируется на теории языковой деятельности, характеристиках языковой личности и использует достижения лингводидактики (в первую очередь касающиеся ошибок у инофонов).

Теория речевой деятельности (базовая для российской психолингвистики) удачно вошла в практику преподавания иностранных языков (А. А. Залевская, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев и др.). Под речевой деятельностью И. А. Зимняя понимает «активный, целенаправленный, мотивированный, предметный (содержательный) процесс выдачи и (или) приема сформированной и сформулированной посредством языка мысли (волеизъявления, выражения чувств), направленный на удовлетворение коммуникативно-познавательной потребности человека в процессе общения» [5]. Видами речевой деятельности являются говорение, слушание, письмо, чтение. Именно на них рассчитаны обучающие курсы и на их основе определяют уровень владения языком.

Автором термина «языковая личность» считается В. В. Виноградов, который впервые применил это понятие по отношению к личности писателя, отраженной в языке. Г. И. Богин рассматривает этот термин в рамках лингводидактики, и именно он поставил знак равенства между понятиями «языковая личность» и «человек как носитель языка» [2]. На основе своей теории ученый выводит пять уровней развитости языковой личности: уровень правильности речи (оценке подвергается степень владения языковой нормой); уровень интериоризации (оценке подвергается скорость речи, которая зависит от степени интериоризованности речевого поступка внутренним планом речи); уровень насыщенности (оценивается богатство лексикона и синтаксических конструкций в речи); уровень адекватного выбора (дается оценка точности подбора единиц речевой цепи); уровень адекватного синтеза (оценивается адекватность речевого поступка на уровне целого диалога, текста, дискурса).

Автор наглядно представил свой подход в виде параметрической модели языковой лич-

ности, которая представляет собой трехмерное изображение куба, на гранях которого «располагаются»: а) уровни языка (фонетика, грамматика, лексика); б) виды речевой деятельности (говорение, слушание, чтение, письмо), степенью готовности к которым и определяется уровень развитости языковой личности; в) уровни развитости языковой личности: правильность, интериоризация, насыщенность, адекватный выбор, адекватный синтез [2]. Таким образом, по Г. И. Богину, модель языковой личности представляет собой «модель готовностей действия» в различных ситуациях, связанных с применением отраженных в модели видов речевой деятельности.

Наиболее известной в российском языкознании является теория языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым. При определении таковой он опирается на когнитивные способности человека: «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [8. С. 36]. Автор считает, что полное описание языковой личности предполагает: «а) характеристику семантико-структурного уровня ее организации (то есть либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя); б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов» [8. С. 43]. Функциональная модель языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым, представлена тремя уровнями: вербально-семантическим, тезаурусным и мотивационно-прагматическим. Однако и сам автор признает, что выделить их сложно, так как все три уровня, составляющие структурную модель языковой личности, взаимосвязаны и взаимоподчинены друг другу: «В любом, даже элементарном речевом акте всегда проявляется взаимодействие всех трех уровней организации языковой личности – семантического (ассоциативно-вербальная сеть), лингво-когнитивного (тезаурус) и прагматического» [7. С. 189].

Для нашего исследования является важным тот факт, что при определении языковой личности ученые используют понятие «носитель».

«Языковая личность – любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [8. С. 71].

«Под языковой личностью мы будем иметь в виду наивного носителя языка, способного реализовать в речевой деятельности некую совокупность языковых средств, характеризующих определенную часть языкового коллектива (социальную группу) в данный промежуток времени» [11. С. 12].

«Языковая личность – человек как носитель определенных речевых предпочтений, знаний и умений, установок и поведения. Все эти свойства определяются на основе текстов, создаваемых данной личностью, и в совокупности характеризуют языковую способность индивида, его личное представление о мире и своем месте в этом мире» [10. С. 552].

Таким образом, можно говорить о том, что общим для всех определений является то, что языковая личность оценивается по ее речевому поведению и результатам речевой деятельности (по дискурсу, текстам и другим речевым произведениям). Можно предположить, что существует особый, национальный тип речевого поведения. Так, американская исследовательница М. Милз относит к специфичным для русской культуры инклюзивные конструкции типа «Подходим, выбираем». Мы также встретили в своей практике такой пример: «Берем утюг, включаем его в розетку. Ждем, когда он нагреется до нужной температуры (это зависит от того, какую вещь вы собираетесь гладить). После того, как он нагрелся, можно гладить вещь. После использования выключаем утюг». Однако ориентироваться на такие маркеры крайне сложно.

Еще одно направление – подход с позиций лингводидактики. В этом случае ученые предлагают считать носителями русского языка тех, кто владеет языком на 4 уровне в соответствии с приказом Минобрнауки России от 01.04.2014 № 255 «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним». Этим приказом установлены следующие уровни владения русским языком

как иностранным: элементарный (ТЭУ/А1); базовый для трудящихся мигрантов (ТБУМ/А1); базовый (ТБУ/А2); первый (ТРКИ-1/В1); второй (ТРКИ-II/В2); третий (ТРКИ-III/С1); четвертый (ТРКИ-IV/С2) [18].

На наш взгляд, для выявления неносителей языка особый интерес представляют ошибки, которые допускают иностранцы. Одну из самых известных классификаций речевых ошибок в зависимости от отношения к двум основным формам речи (устной и письменной) предложила С. Н. Цейтлин. Она выделила ошибки, типичные только для устной формы речи — связанные с произношением (орфоэпические) и ударением (акцентологические); типичные только для письменной речи (орфографические и пунктуационные); не зависящие от формы речи, следовательно, свойственные обеим формам речи [14].

Т. М. Балыхина и О. П. Игнатьева, подробно описывая в своей статье типы ошибок в речи инофона, наряду с другими выделяют речевые ошибки, связанные с адекватностью решения коммуникативных задач, с умением выбрать нужные интенции и так далее – так называемые коммуникативно значимые и коммуникативно незначимые. Коммуникативно значимые ошибки нарушают смысл отдельной фразы, диалогического единства, разговора в целом, что делает затруднительным или невозможным продолжение коммуникации. При определении коммуникативно значимых ошибок оцениваются результативность речевого действия, формальные характеристики речи (нарушение нормы, узуса), стратегии и тактики речевого поведения. Коммуникативно незначимые ошибки чаще всего являются нарушением тех или иных норм изучаемого языка, которое не влияет на успешный ход коммуникации. Коммуникативно незначимые ошибки допускают и носители языка [1].

И. Ю. Усенко рассматривает грамматические ошибки в устной речи иностранцев, приводит их типологию, выявляет причины возникновения и предлагает пути коррекции (Усенко). Заслуживает внимание так называемое недостаточное различие, с которым мы также столкнулись в своей работе. Так, в первом письменном задании (продолжить предложение) мы получили: когда улетаю птицы... утром. В этом случае произошло неразличение вопросительного слова когда и союзного слова. При понимании текста ожидаемыми продолжениями были бы: ... становится холодно / *наступает* осень [13].

Е. В. Жендаренко в своей статье предлагает различные классификации ошибок, проводит анализ типичных ошибок, выявленных при тестировании по русскому языку как иностранному. Типичные ошибки представлены в соответствии с классификацией по видам речевой деятельности: при аудировании, при чтении, при говорении, при письме. Автор делает вывод, что главная причина таких ошибок состоит в том, что иностранец часто пытается подстроить русский язык под систему родного языка [4].

Интересный подход представлен в работе Е. Н. Гуц и Н. Н. Елисейевой, которые использовали ассоциативный эксперимент как инструмент выявления уровня сформированности языковой компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык. Авторы представили анализ речевых ошибок и дали их классификацию [3].

При оценке уровня владения русским языком современные ученые используют также понятие коммуникативной компетенции, которая предполагает, что для взаимодействия необходимо знать не только систему языка, но и обладать лингвокультурной информацией, без которой общение, по словам Е. Ф. Тарасова, будет носить патологический характер [12]. Именно поэтому мы включили в тесты блок, позволяющий определить лингвокультурную грамотность, то есть умение различать культурно значимые символы (например, прецедентные феномены).

При составлении заданий мы опирались на все описанные теории, также были учтены требования, предъявляемые к четвертому уровню (ТРКИ-IV/C2) владения иностранным гражданином русским языком как иностранным и требования, установленные регламентом (они приведены выше). При выявлении носителя языка основное внимание мы уделяли всем видам речевой деятельности (говорению, слушанию, чтению, письму) и готовности конкретной языковой личности к речевой деятельности. При анализе допущенных ошибок уделялось также внимание наличию/отсутствию коммуникативно значимых ошибок.

Собеседование состоит из двух частей: выполнения письменного задания и устного собеседования. В письменной части предлагается выполнить три задания: 1) завершить предложения; 2) определить значение предложенных дат, имен, цитат; 3) в соответствии с описанной ситуацией создать текст (резюме, инструкцию,

поздравление и т. п.). В ходе устного собеседования, которое проводится комиссией, как правило, предлагается рассказать о себе, своей семье, планах на будущее. Вопросы задают все члены комиссии, что позволяет проверить восприятие и понимание речи.

Приведем примеры заданий и ошибок при их выполнении носителями языка. Первое задание предполагало продолжение предложений, например: Врачи должны на приеме... Мне нравится..., потому что...

Наиболее частыми ошибками, допускаемыми при выполнении этого задания, были нарушения графического оформления лексемы (пословечья (поговорки), инструкции (инструкции), согласования и другие грамматические недочеты: ... если мне принимает на работу... хорошим зарплата; ... жарка на улитса; *важные дело*; *потому* что у меня начасство хороший; *необходимы одежда* пища еда и так далее; ... уду со своим детьми куда небудь сходи на море на хороши место; ... я на чинаю себя плохо чувствовать;... скоро будет холодно; ... нужна хорошо трудится; ... предлагают хорошие работу; ... нужна папрасит каго нибуд памоч вам; ... чтобы узнат как ползваться.

Иногда ошибки связаны с неправильным использованием глагола: Осенью многие птицы летают на юг.

Второе задание было направлено на выявление уровня лингвокультурной грамотности. Так, нужно было опознать прецедентные феномены (даты, имена, высказывания), в этом же задании было одно иностранное слово.

Ошибки в данном случае были подобны тем, что допускались при выполнении первого задания: писател, *год отцествийной войны*, *повесть Антоно Павлечова Чехова*, *невица шов бизнеса*, *свободна место работы*, *23 февраля – ден жууж*. В некоторых случаях ошибки были связаны с незнанием даты или имени: *1914* – ревалутся, *А. И. Куприн* – поет. Допускается повтор синтаксических конструкций: «Дизайнер Это очен хороший профессия мне очен нравится я очен хочу стать дизайнером».

В третьем задании описывалась ситуация и предлагалось создать текст: «Вас пригласили на свадьбу, но вы срочно улетаете в командировку. Напишите поздравление с Днем бракосочетания и подготовьтесь позвонить своему другу, чтобы извиниться и сообщить о том, что вас на самом мероприятии не будет, но вы бы очень хотели поздравить молодоженов после того, как вернетесь. Узнайте, собираются ли

они в свадебное путешествие, и уточните, когда вы сможете их поздравить лично».

В некоторых случаях была попытка замены текста на описание своих действий: «Поздравляю и поздравлю как пряду си командирофку паеду паздрвлу их».

Отметим излишний лаконизм неносителей языка. Для увеличения объема ответа они часто пытались переписать задание, при этом допуская ошибки: «Напишите поздравление с юбилеем коллеге по работе, отметите его достижения, сформулируйте положение».

В текстах было много ошибок, связанных с влиянием родного языка: «Поздравляю Вас с днем рождения, желаю вас счастья, успехов, здоровье: вы замечательни человек, отличный специалист, не заменими товарищ: Вы много достигли в этом жизни. Вы достойни, чтобы у вас потом всё получило отлично». «Я, Ф.И.О., хочу устройтса вас на работу в связи с преездом в другой город. 3 года работала фирме ... переводчиком. Характеризуюс полоджительно не какие вызыскания не имею». «Я, ФИО, хачу своего ребянка ФИ Барисовна Ольга Владимировна принамала детский садик № 222». «Прошу перевести моего ребенку в другой школу ФИО с 15.02.2015».

Таким образом, при определении, является ли гражданин носителем русского языка, члены комиссии должны видеть перед собой конкретную языковую личность, при оценивании уделять внимание всем видам речевой деятельности (говорению, слушанию, письму, чтению), а также уровню лингвокультурной грамотности. Однако главным критерием, по которому можно определить носителей языка, является количество и качество допущенных ошибок.

Список литературы

1. Балыхина, Т. М. Типы ошибок в речи инофона / Т. М. Балыхина, О. П. Игнатьева. – URL: <http://www.testrf.ru/biblioteka/31-2011-4/108-2011-09-21-09-23-50>. – Дата обращения: 06.01.2015.
2. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Л., 1984. – 38 с.
3. Гуц, Е. Н. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления уровня сформированности языковой компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык / Е. Н. Гуц, Н. Н. Елисеева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 1 (15). – С. 108–207.
4. Жендаренко, Е. В. Типичные ошибки, выявленные при тестировании по русскому языку как иностранному / Е. В. Жендаренко // «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» : сборник статей по материалам XXIX международной научно-практической конференции. – URL: <http://sibac.info/10830>. – Дата обращения: 06.01.2015.
5. Зимняя, И. А. Лингвopsихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – URL: <http://psychlib.ru/mgppu/zlp/ZLP-001-.htm>. – Дата обращения: 06.01.2015.
6. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2007. – 264 с.
8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987. – 261 с.
9. Леонтьев, А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному / А. А. Леонтьев. – М., 1970. – 88 с.
10. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д., 2010. – 576 с.
11. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. – М., 2006. – 240 с.
12. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7–22.
13. Усенко, И. Ю. Грамматические ошибки в устной речи иностранцев: типология, причины возникновения и пути коррекции / И. Ю. Усенко. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-oshibki-v-ustnoy-rechi-inostrantsev-tipologiya-prichiny-vozniknoveniya-i-puti-korreksii>. – Дата обращения: 06.01.2015.
14. Цейтлин, С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение / С. Н. Цейтлин. – М.: Просвещение, 1982. – 143 с.
15. URL: <http://back2russia.com/docs/grazhdanstvo-dlya-nositeley-russkogo-yazyika>. – Дата обращения: 06.01.2015.
16. URL: http://www.fms-nso.ru/documents/issuance/grajdanstvo/nositel_russkogo_yazyika. – Дата обращения: 06.01.2015.

17.URL: <http://www.fmsmoscow.ru/docs/nationality/committee-rus>. Дата обращения: 06.01.2015.

18.URL: http://www.fms-nso.ru/upload/iblock/acc/prikaz_%20aow255_dvb_%20utverIdenii_

Сведения об авторе

Харченко Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета (Челябинск).

Ev-kharchenko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).

Philology. Arts. Issue 96. Pp. 104–110.

MEDIA OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS AN OBJECT OF PHILOLOGICAL STUDIES

E. V. Kharchenko

Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics of the South Ural State University.

Ev-kharchenko@yandex.ru

The relevance of this study due to the need for scientific justification of the term “native speakers”, which is used to facilitate obtaining Russian citizenship. The article attempts to justify psycholinguistic approach to the identification of carriers of the Russian language. Use the theory of speech acts, linguistic identity, and achieve didactics (primarily related to errors in infonow). The author presents the tasks that are used in the practice of the work of the commissions, and gives examples of these tasks. The author comes to the conclusion that the proposed approach allows to identify carriers of the Russian language.

Keywords: *theory of language, theory of speech acts, linguistic personality, types of errors, a native russian speaker.*

References

1. Balykhina T.M., Ignat'eva O.P. *Tipy oshibok v rechi inofona* [Types of mistakes in the speech of an inofon]. Available at: <http://www.testrf.ru/biblioteca/31-2011-4/108-2011-09-21-09-23-50>, accessed 06.01.2015. (In Russ.).

2. Bogin G.I. *Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* [Model of the language personality in her relation to kinds of texts]. Leningrad, 1984. 38 p. (In Russ.).

3. Guts E.N., Eliseeva N.N. Assotsiativnyy eksperiment kak instrument vyyavleniya urovnya sformirovannosti yazykovoy kompetentsii inostrannykh studentov, izuchayushchikh russkiy yazyk [Associative experiment as the instrument of identification of level of formation of language competence of the foreign students learning Russian]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Science about the person: humanitarian researches], 2014, no. 1 (15), pp. 108–207. (In Russ.).

4. Zhendarenko E.V. Tipichnye oshibki, vyyavlennye pri testirovanii po russkomu yazyku kak inostrannomu [The typical mistakes revealed when testing on Russian as foreign]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: questions of philology, art criticism and cultural science]. Available at: <http://sibac.info/10830>, accessed 06.01.2015. (In Russ.).

5. Zimnyaya I.A. *Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti* [Linguopsychology of speech activity]. Available at: <http://psychlib.ru/mgppu/zlp/ZLP-001-.HTM>, accessed 06.01.2015. (In Russ.).

6. Karaulov Yu.N. *Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya* [Russian language personality and problems of its studying]. *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. Moscow, Nauka Publ., 1989. Pp. 3–8. (In Russ.).

7. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language personality]. Moscow, 2007. 264 p. (In Russ.).
8. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language personality]. Moscow, 1987. 261 p. (In Russ.).
9. Leont'ev A.A. *Nekotorye problemy obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Some problems of training in Russian as foreign]. Moscow, 1970. 88 p. (In Russ.).
10. Matveeva T.V. *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don, 2010. 576 p. (In Russ.).
11. Naumov V.V. *Lingvisticheskaya identifikatsiya lichnosti* [Linguistic identification of the person]. Moscow, 2006. 240 p. (In Russ.).
12. Tarasov E.F. *Mezhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya* [Intercultural communication - a new ontology analysis of linguistic consciousness]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural specificity of language consciousness]. Moscow, 1996. Pp. 7–22. (In Russ.).
13. Usenko I.Yu. *Grammaticheskie oshibki v ustnoy rechi inostrantsev: tipologiya, prichiny vozniknoveniya i puti korrektsii* [Grammatical errors in the speech of foreigners: Typology, causes and ways of correction]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-oshibki-v-ustnoy-rechi-inostrantsev-tipologiya-prichiny-vozniknoveniya-i-puti-korrektsii>, accessed 06.01.2015. (In Russ.).
14. Tseytlin S.N. *Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie* [Speech errors and their prevention]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 143 p. (In Russ.).
15. Available at: <http://back2russia.com/docs/grazhdanstvo-dlya-nositeley-russkogo-yazyika/>, accessed 06.01.2015. (In Russ.).
16. Available at: http://www.fms-nso.ru/documents/issuance/grajdanstvo/nositel_russkogo_yazyika/, accessed 06.01.2015. (In Russ.).
17. Available at: <http://www.fmsmoscow.ru/docs/nationality/committee-rus>, accessed 06.01.2015. (In Russ.).
18. Available at: http://www.fms-nso.ru/upload/iblock/acc/prikaz_%20aow255_dvb_%20utverlde-nii-urovney-vladieniya_russkim_yazikom.pdf, accessed 06.01.2015. (In Russ.).

УДК: 811.512.153
ББК: 81.40/70

А. Н. Чугункова

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННО ОХАРАКТЕРИЗОВАННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ (на материале хакасского языка)

На материале современного хакасского языка излагаются результаты исследования структуры и семантики пространственных моделей элементарных простых предложений, формируемых именными предикатами качественной оценки расстояния между двумя объектами (*ырах* 'далеко', *ырах нимес* 'недалеко', *оортах* 'в стороне', *тастных* 'далеко, в стороне', *чагын* 'близко', *хости* 'близко, совсем рядом'), которые передают отношения количественно охарактеризованной локализации. Выявлено и проанализировано четыре модели предложений с разными коммуникативными задачами.

Ключевые слова: *именные предикаты качественной оценки расстояния, статическая модель, динамическая модель, эгоцентрическая и неэгоцентрическая оценка расстояния, хакасский язык.*

Задачей данной статьи является выявление и описание пространственных моделей простых предложений в современном хакасском языке. В центре нашего внимания будут модели элементарных простых предложений (ЭПП)* количественно охарактеризованной локализации, которые формируются именными предикатами качественной оценки расстояния между двумя объектами. Следует отметить, что результаты конкретных исследований пространственных моделей на материале разных сибирских тюркских языков представлены в диссертационных, монографических работах. Что касается современного хакасского языка, то до настоящего времени этот вопрос еще недостаточно изучен, но работа в этом направлении ведется.

Модель предложения осмысливается как искусственное построение, создаваемое исследователем, которое отражает все существенные стороны предложения как языковой единицы.

М. И. Черемисина дает следующее определение модели предложения, на которое мы будем опираться в данной статье: «Модель представляет собой двустороннюю языковую сущность: план ее выражения есть структурная схема, план ее содержания есть пропозиция (событие, ситуация, положение дел)» [6. С. 7].

В хакасском языке модели ЭПП со значени-

ем количественно охарактеризованной локализации формируются следующими именными предикатами качественной оценки расстояния между двумя объектами (*ырах* 'далеко', *ырах нимес* 'недалеко', *оортах* 'в стороне', *тастных* 'далеко, в стороне', *чагын* 'близко', *хости* 'близко, совсем рядом').

Ряд семантических отличий имеют близкие по значению предикаты *чагын* и *хости*. *Чагын* обозначает большую дистанцию, чем *хости*. Например: *библиотека школа=га чагын* 'библиотека к школе близко'; *библиотека школа=наң хости* 'библиотека [находится] рядом со школой'.

На основе собранного языкового материал нами выявлено 4 модели ЭПП со значением оценки расстояния между двумя объектами.

1. Основная модель оценки расстояния (статическая)

(1) {N₆ (*сыгара*) N₃ (*читіре/күре*) ырах/ырах нимес (Cоп)} – ЭПП *качественной оценки расстояния между двумя точками.*

В этой структурной схеме N₆ – имя в исходном падеже (показатель – *наң*), *сыгара* 'от' – послелог, управляющий исходным падежом, N₃ – имя в дательном падеже (показатель – *га*), *читіре/күре* 'до' – послелог, управляющие дательным падежом; *ырах/ырах нимес* – именные предикаты, Cоп – глагол связка.

Левую и правую границы оцениваемого расстояния обозначают два локализатора (N₆ (*сыгара*) и N₃ (*читіре*)).

* Основные требования к ЭПП – это минимальность (оно содержит только компоненты, необходимые для обозначения некоторой ситуации).

Специфика данной модели в том, что в ней происходит нивелирование семантических и формальных отличий между объектом локализации и локумом-ориентиром: они оба являются и тем и другим и локализуются относительно друг друга в семантическом плане; они оба оформлены как локализаторы в формальном плане. Первый локализатор обозначает точку, от которой начинается отсчет, второй локализатор обозначает предел отсчета [2. С. 213].

Например, *Азбан=наң* (N_6) *сыгара Хызылчар=га* (N_3) *читіре ырах* 'От Абакана до Красноярска далеко'; *Азбан=наң* (N_6) *сыгара Харатас=ха* (N_3) *читіре ырах нимес* 'От Абакана до Черногорска недалеко'.

Помимо предикатов качественной оценки расстояния в качестве сказуемого в данной конструкции может быть и имя количественного измерения расстояния (*метр, километр, верста* и т. п.) с показателем количества. Например: *Азбан=наң* (N_6) *сыгара Асхыс=ха* (N_3) *читіре сигізон километр* 'От Абакана до Аскиза восемьдесят километров' – в локализаторе – точке отсчета – послелог *сыгара* ('из, от, с') подчеркивает, что оценивается расстояние от самого Абакана, а в локализаторе – пределе отсчета – послелоги маркируют то, что оценивается расстояние до самого Аскиза, см. также: *Пу аал=даң* (N_6) *город=ха* (N_3) *читіре ікі чўс артишинаң пирста* (АХ А, 147) 'От этой деревни до города больше двухсот верст'.

Левая и правая границы интервала оформлены как пункты старта и финиша транслокации, то есть «количественная» локализация является производной от динамической локализации: оцениваемый интервал мыслится как путь, который нужно пройти.

2. ЭПП оценки пройденного пути (динамическая)

(2) $\{N_1 N_6 (\text{сыгара}) N_3 (\text{читіре/кире}) \text{Num} N1 V_{\text{fin}}\}$ – ЭПП количественной оценки пройденного пути.

В этой структурной схеме N_1 – имя в именительном падеже, N_6 – имя в исходном падеже, (*сыгара* 'от') – послелог; N_3 – имя в дательном падеже (*читіре/кире* 'до') – послелоги; Num – числительные, V_{fin} – глагол в спрягаемой форме. Например: *Піс иб=дең* (N_6) *сыгара хончы аал=га* (N_3) *читіре он пис километр паргабыс* 'Мы от дома до соседней деревни ехали пятнадцать километров'.

Мы вслед за И. А. Невской отмечаем, что «эта конструкция имеет корни в динамической локализации: она представляет собой контами-

нацию двух конструкций: конструкции некаузативного перемещения в пространстве с указанием координат его старта и финиша (шел от леса до дома) и конструкции преодоления пространства (объездил весь Алтай). Метрические имена в позиции локализатора со значением преодоленного пространства (прошел километр) неизбежно осмысливаются как количественная оценка пройденного пути. Особенностью их употребления является то, что они должны иметь при себе количественный атрибут» [3. С. 32].

Если валентность со значением *левой* границы интервала предиката не заполнена, то статическая и динамическая модель оценки расстояния приобретает эгоцентрический компонент. Точка отсчета привязывается к субъекту наблюдения и оценивается расстояние или пройденный путь от нее до *правой* границы интервала: до жилья еще пять километров (имеется в виду расстояние от места, где находится или мыслит себя субъект наблюдения), он прошел последние метры до дома (от точки, где находится или мыслит себя субъект наблюдения).

Для русского языка приобретение ряда пространственных предикатов эгоцентрического значения при незаполненности одной из их валентностей отмечено Ю. Д. Апресяном.

3. ЭПП эгоцентрической оценки расстояния от одной точки до другой

Предикаты *хости* и *чагын* образуют ряд ЭПП эгоцентрической оценки расстояния, в которых каждый участник пространственного отношения (выступающий в качестве *левой* или *правой* границы интервала) может занимать субъектную позицию в ЭПП и исполнять роль локализуемого объекта. Значимой является также позиция субъекта наблюдения. В зависимости от его местонахождения второй участник пространственного отношения (опорный локум) может получать разное локативное оформление.

В хакасском языке предикат *чагын* требует от имени форму дательного падежа, а *хости* – исходного.

(3) $\{N_1 N_3 \text{чагын} (\text{Сор})\}$ – ЭПП эгоцентрической оценки расстояния от точки, где находится субъект наблюдения до другой точки.

Например: *Клуб олар=га* (N_3) *чагын* 'Клуб к их дому близко'; *Суг ары=га* (N_3) *чагын* 'Река к лесу близко'.

(Ср. в шорском языке ($\{N1^{T+} \text{Sobserv} N3 \text{қошта/чагын} (\text{Сор})\}$): *Эм* ($T+ \text{Sobserv}$) *чышка қошта* 'Дом

к лесу близко'; Чыш ($T + S_{observ}$) эмге қошта 'Лес к дому близко' [2. С. 214] (выделено АЧ) (в структурной схеме T – тема высказывания, S_{observ} – субъект наблюдения).

(4) $\{N_1 N_6 \text{ хости (Сор)}\}$ – ЭПП эгоцентрической оценки расстояния до точки, где находится субъект наблюдения.

Например: Клуб олар=даң (N_6) хости 'Клуб рядом с их домом'; Хызычах ічезі=нең (N_6) хости 'Девочка рядом с мамой'.

(Ср.: в шорском языке $\{N_1^T N_6^{S_{observ}} \text{ қошта/ чағын (Сор)}\}$: Эм (T) чыштаң (S_{observ}) қошта 'Дом от леса близко'; Чыш (T) эмнең (S_{observ}) қошта 'Лес от дома близко' [там же]).

4. ЭПП неэгоцентрической оценки расстояния от одной точки до другой

Предикат ырах 'далеко' (а также ырах араx 'совсем недалеко', ырах нимес 'недалеко', оортах 'далеко, в стороне', тастых 'далеко, в стороне') не содержит в своей семантике ориентации на субъект наблюдения и образует конструкцию одного структурного типа.

(5) $\{N_1 N_6 \text{ ырах}\}$ – ЭПП количественно охарактеризованной локализации одной точки относительно другой.

Например: Оларның покостары аал=даң (N_6) иледе оортах (АС КА, 118) 'Их покос довольно далеко от деревни'; Пістің «аалыбыс» пасхалары=наң (N_6) оортах араx... (ВТ АТ, 185) 'Наше «село» чуть дальше от других'.

Таким образом, нами выявлено четыре модели ЭПП со значением количественно охарактеризованной локализации, формируемые именными предикатами качественной оценки расстояния. Рассмотренные ЭПП позволяют образовывать высказывания с разными коммуникативными задачами: в (1) и во (2) ЭПП темой служит интервал между двумя точками, в (3), (4) и (5) тематизирована одна из границ этого интервала. Варьируются и пространственные роли участников данного отношения: нивелирование различий между локализуемым объектом и локумом-ориентиром в (1) и (2); одна из границ интервала в роли локализуемого объекта при том, что вторая выступает в роли локума-ориентира в (3), (4) и (5).

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.

2. Невская, И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка) : монография / И. А. Невская. – Новосибирск: Ника, 2005. – 305 с.

3. Невская, И. А. Элементарные простые предложения оценки расстояния в шорском языке / И. А. Невская // Языки коренных народов Сибири : сб. науч. тр. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1998. – Вып. 4. – С. 31–34.

4. Сагаан, Н. Я. Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н. Я. Сагаан. – Новосибирск, 1998. – 98 с.

5. Серээдар, Н. Ч. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири : учеб. пос. / Н. Ч. Серээдар, Е. К. Скрибник, М. И. Черемисина. – Новосибирск: Новосибирский университет, 1996.

6. Черемисина, М. И. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири : кол. моногр. / М. И. Черемисина, А. А. Озонова, А. Тазранова. – Новосибирск: Любава, 2008. – 205 с.

7. Чугунекова, А. Н. Модели движения, ориентированного относительно определенного пространственного объекта (на материале хакасского языка) / А. Н. Чугунекова // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 4 (35). – С. 104–106.

8. Чугунекова, А. Н. Формально-семантические модели предложений с предикатами движения, построенные по схеме $N=1 N=6 V=дв.$ (на материале хакасского языка) / А. Н. Чугунекова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (18), ч. 1. – С. 219–221.

9. Чугунекова, А. Н. Трехместные формально-семантические модели простых предложений с предикатами движения в хакасском языке / А. Н. Чугунекова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 4 (295). Филология. Искусствоведение. Вып. 75. – С. 112–116.

10. Чугунекова, А. Н. Модели простого предложения с семантикой существования субъекта в пространстве (на материале хакасского языка) / А. Н. Чугунекова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3 (21). – Ч. 1. – С. 203–206.

Сведения об авторе

Чугунекова Алена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

Chugunekowa@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).

Philology. Arts. Issue 96. Pp. 111–115.

**ELEMENTARY SIMPLE SENTENCES QUANTITATIVELY
CHARACTERIZED THE LOCALIZATION
(BASED ON THE KHAKAS LANGUAGE)**

A. N. Chugunekova

Candidate of philological sciences, associate professor, senior researcher at the Institute of Humanitarian Research and the Sayano-Altai Turkology Khakas State University N. F. Katanov.

Chugunekowa@yandex.ru

In this article the case of modern Khakas language a study of the structure and semantics of spatial models of elementary simple sentences, form nominal predicates qualitative estimation of the distance between two objects (irah ‘far’, yrah the Nimes ‘close’, oorah ‘aside’, tasty ‘far side’, chain ‘close’, hosti ‘close, near’) that convey the relationship quantitatively characterized by localization. Identified and analyzed four models of sentences with different communicative tasks.

Keywords: *registered predicates qualitative assessment of distance, static model, dynamic model, egocentric and not egocentric distance estimate, Khakas language.*

References

1. Apresjan Ju.D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira [Deixis in vocabulary and grammar, and a naive model of the world]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], iss. 28. Moscow, 1986. Pp. 5–33. (In Russ.).
2. Nevskaja I.A. *Prostranstvennye otnoshenija v tjurkskih jazykah Juzhnoj Sibiri (na materiale shorskogo jazyka)* [Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (based on the Shor language)]. Novosibirsk, Nika Publ., 2005. 305 p. (In Russ.).
3. Nevskaja I.A. Jelementarnye proste predlozhenija ocenki rasstojanija v shorskom jazyke [Elementary simple sentences of distance assessment in the Shor language]. *Jazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of Indigenous peoples of Siberia], iss. 4. Novosibirsk, Institute of philology SO RAN Publ., 1998. Pp. 31–34. (In Russ.).
4. Sagaan N.Ja. *Sistema sredstv vyrazhenija prostranstvennyh otnoshenij v tuvinskom jazyke* [The system of means of expression of spatial relations in the Tuvan language]. Novosibirsk, 1998. 98 p. (In Russ.).
5. Serjejedar N.H., Skribnik E.K., Cheremisina M.I. *Strukturno-semanticheskaja organizacija predlozhenij nalichija, lokalizacii, kolichestva i otsutstvija v tjurkskih jazykah Juzhnoj Sibiri: uchebnoe posobie* [Structural and semantic organization of sentences of availability, location, quantity and lack in the Turkic languages of Southern Siberia: a tutorial]. Novosibirsk, Novosibirsk university Publ., 1996. (In Russ.).
6. Cheremisina M.I., Ozonova A.A., Tazranova A.R. *Jelementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nyh skazuemym v tjurkskih jazykah Juzhnoj Sibiri* [An elementary simple sentence with verbal predicate in the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, Ljubava Publ., 2008. 205 p. (In Russ.).
7. Chugunekova A.N. Modeli dvizhenija, orientirovannogo otnositel'no opredelennogo prostranstvennogo obekta (na materiale hakasskogo jazyka) [The motion model oriented towards a

specific spatial object (based on the Khakas language)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The world of science, culture, education], 2012, no. 4 (35), pp. 104–106. (In Russ.).

8. Chugunekova A.N. Formal'no-semanticheskie modeli predlozhenij s predikatami dvizhenija, postroennye po sheme N=1 N=6 V=dv. (na materiale hakasskogo jazyka) [The formal semantic models of sentences with motion predicates, formed according to the scheme N = 1 N = V = 6 dv. (based on the Khakas language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and practice], 2012, no. 7 (18), ch. 1, pp. 219–221. (In Russ.).

9. Chugunekova A.N. Trehmestnye formal'no-semanticheskie modeli prostyh predlozhenij s predikatami dvizhenija v hakasskom jazyke [Triple formal semantic models of simple sentences with motion predicates in the Khakass language]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 2013, no. 4 (295), iss. 75, pp. 112–116. (In Russ.).

10. Chugunekova A.N. Modeli prostogo predlozhenija s semantikoj sushhestvovaniya subekta v prostranstve (na materiale hakasskogo jazyka) [Models of a simple sentence with the semantics of the existence of the subject in the space (based on the Khakas language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and practice], 2013, no. 3 (21), ch. 1, pp. 203–206. (In Russ.).

УДК 80/81 (078)
ББК 83. 7я73. Р69

О. И. Шарафутдинова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ВЛАСТИ И ОБРАЗ РИТОРА (на материале выступлений на XXIII съезде КПСС)

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-1509.2014.6)
«Взаимоотношение власти и общества в СССР 1960-1970 гг.»

Один из компонентов институционального дискурса – образ ратора. Характеризуя типичный образ ратора, можно составить представление об особенностях политического дискурса определенного исторического периода. Анализ публичных выступлений на XXIII съезде КПСС демонстрирует образ ратора, характерный для советской эпохи второй половины 60-х гг.

Ключевые слова: *политический дискурс, образ ратора, XXIII съезд КПСС.*

Ж. Куртин, развивая концепцию архива М. Фуко, предлагает рассматривать порядок политического дискурса как одну из разновидностей существования исторической памяти. «Формулы-источники (исторической памяти) дрейфуют ... в плотном, слоистом пространстве дискурсов», подвергаясь при этом изменениям [2. С. 99]. Согласно М. Фуко, дискурс представляет собой синтез «уже-сказанного» и «никогда-не-сказанного» [6. С. 27].

Важным является тот факт, что в виртуальное измерение дискурса включаются в том или ином виде созданные ранее тексты (целые тексты, фрагменты, преобразованные цитаты), составляющие не только материал для «цитирования», но – шире – социально-исторический фон дискурса, часть его когнитивной базы. В то же время современный, актуальный дискурс, порождая новые тексты, становится в свою очередь социально-историческим фоном. Таким образом, возникает вопрос о механизмах связи собственно дискурса и его контекста (по концепции Е.И. Шейгал), их взаимовлияния, взаимоотношения.

Е.И. Шейгал предлагает модель не дискурса вообще, а институционального дискурса [8]. Всякий институциональный дискурс (в отличие от лично ориентированного общения – в бытовом или художественном дискурсе) использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, или, другими словами, обладает собственным подязыком (специальной лексикой, фразеологией и паремией). Поэтому данная модель

институционального дискурса включает также и язык (подязык). Такой подход перекликается с точкой зрения А. Макхоула, который разграничивает значения термина «дискурс» как абстрактного и как конкретного (исчисляемого) существительного [9]. «Дискурс» в абстрактном употреблении означает приблизительно то же, что «языковое употребление» или «язык в употреблении» (language use or language-in-use). «Дискурс» как исчисляемое существительное – это «относительно дискретное подмножество (subset) языка в целом, используемое для специфических социальных или институциональных целей» [9. С. 940].

Политический дискурс характеризуется, с одной стороны, смысловой неопределенностью, поскольку часть лексических единиц, используемых в данном типе дискурса, не обладает денотативным компонентом (например, «демократия», «социальная справедливость»). С другой стороны, язык политики, наряду с другими профессиональными вариантами языка, стремится к точности обозначения, к активному использованию терминов, что приводит к созданию «правдоподобной картины мира» [10]. Такая картина мира возникает в результате того, что опосредованно отраженный опыт интерпретируется в качестве действительного положения вещей [10].

Как когнитивная категория *власть* представляет собой то, что иначе формулируется как «власть языка» – способность языка навязывать мировидение, создавать языковую интерпретацию картины мира. Воздействуя

на существующую в сознании социума картину мира, власть выступает как риторическая категория, связанная со стратегиями фасцинативности, манипуляции и пр. [1]. В этом смысле политический дискурс как целостное образование выступает в виде определенного, то есть построенного по определенному образцу (схеме, фрейму) комплексного речевого действия. И его надлежит рассматривать как форму социального действия, всегда определяемую конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, всегда ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных исторических (временных) процессах. Включение историко-социальной перспективы в объем понятия политического дискурса позволяет в большей степени отразить динамику социальной природы языкового знака (понимаемого как язык в действии) на любом уровне и рассматривать его в качестве результата социальных процессов, мотивированных единством формы и значения [4].

Образ ратора как языковая категория, характерная для определенного исторического периода, отражает названные особенности политического дискурса. Рассмотрим речевые средства создания образа ратора в советском институциональном дискурсе в шестидесятые годы XX столетия на примере доклада Председателя Комиссии Н. А. Муравьевой на XXIII съезде КПСС (1966 г.) – «Отчетный доклад Центральной Ревизионной Комиссии КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза» (выступление цитируется по [3]). На этом съезде были отменены все новации в партийной жизни, принятые при Хрущеве. Рассматривая данные тексты, мы ставим следующие вопросы: каковы речевые средства создания образа ратора, каково соотношение индивидуальности и стандарта в публичной речи данного периода.

Выступление на партийном съезде можно рассматривать как проявление советской публичной политики, когда вербализация властного дискурса и донесение его до широких масс уже само становится частью политического процесса [5].

Поскольку анализируемый текст представляет собой отчет Комиссии, то есть группы, главным субъектом речи, от имени которого произносится речь и чей образ она отражает, является Центральная Ревизионная Комиссия.

Следовательно, нивелирование авторского «я» и подчинение его коллективному субъекту обусловлено жанром выступления. Нас при анализе данного текста прежде всего интересует проблема проникновения личного элемента в коллективный образ ратора, обусловленный жанром, и соотношение данного образа с речевым стандартом (неким идеальным образом ратора).

В композиции данного выступления отчетливо просматриваются следующие части: 1) вступление, которое включает обязательные, почти этикетные формулы: ссылка на доклад Л. И. Брежнева, о Советском Союзе на мировой арене, о единстве партии и народа, о строительстве коммунизма; 2) непосредственно доклад о деятельности Центральной Ревизионной Комиссии: осуществление контроля за состоянием финансового хозяйства партии – доходная часть партийного бюджета (членские партийные взносы, издательства), расходная часть (оборудование горкомов и райкомов, политическое просвещение); о работе местных ревизионных комиссий, значении ЦРК; расширение и углубление связей с массами (о работе партии вообще, о необходимости работы с письмами, заявлениями, жалобами трудящихся); правильное ведение партийного хозяйства; 3) заключение: о партии, советском народе и выполнении задач, поставленных XXIII съездом партии.

Следует отметить такую особенность построения речи: при раскрытии каждого тезиса ритор придерживается определенной схемы: 1) изображение идеальной картины (на лучших примерах), 2) отклонения от нее, вводимые однотипными конструкциями («еще не во всех», «некоторые коммунисты», «в некоторых организациях», «в ряде мест»), 3) пути достижения этой идеальной картины («задача состоит в том, чтобы...»). Например:

1) при освещении вопроса о членских партийных взносах адресант отмечает рост этих поступлений, наиболее отличившиеся организации, однако добавляет, что «вместе с тем не во всех первичных партийных организациях вопросам правильной и своевременной уплаты членских взносов... уделяется должное внимание. Некоторые коммунисты несвоевременно уплачивают членские взносы...». Поэтому «задача состоит в том, чтобы и в дальнейшем улучшать работу по приему и учету членских партийных взносов...»;

2) большое значение работы с письмами, примеры реагирования на жалобы и заявления,

но «отдельные местные... органы... слабо осуществляют контроль», в связи с чем «необходимо повсеместно обеспечить чуткое и внимательно отношение к заявлениям трудящихся».

Для текста характерно широкое привлечение фактов, обусловленное жанром выступления и отражающее специфическую деятельность субъекта речи. Данные факты и конкретные сведения приводятся для иллюстрации этой деятельности и подтверждают предлагаемые выводы. Например, «за отчетный период эти учебные заведения окончили 32 300 партийных работников»; расходы бюджета на партийную пропаганду увеличились за отчетный период на 43,2 %»; «разовый тираж газеты “Правда”... увеличился с 6 до 7 миллионов экземпляров, газеты “Комсомольская правда” – с 3 миллионов 300 тысяч до 6 миллионов 400 тысяч...».

Таким образом, можно отметить композиционную четкость и стройность, наличие логических связей между отдельными фрагментами. Однако в композиции сохраняются ссылки на высказывания авторитетных фигур: «Владимир Ильич Ленин видел...», «указание В. И. Ленина» и т. п.

Анализ местоимений выявляет следующие характеристики образа ратора. Во-первых, следует отметить, что индивидуальность адресанта в тексте отсутствует в связи с наличием стандарта, определяющего образ ратора публичной речи. В речи ритор использует следующие местоимения: 1) «мы» («мы подводим итоги деятельности»), объединяющее адресанта и адресата; 2) «наш» («наша партия», «наша страна», «наша Родина», «наше социалистическое общество»), объединяющее адресанта, адресата и народ. Кроме того, следует отметить соотношение «я» адресанта и Центральной Ревизионной Комиссии, от имени которой он выступает. Несомненно, что Центральная Ревизионная Комиссия в данном тексте является отдельным самостоятельным субъектом речи, о чем свидетельствуют конструкции: «считает необходимым сообщить», «осуществила контроль», «с удовлетворением докладывает съезду» и т. п. Ритор отождествляет себя с этой Комиссией, также используя местоимение «мы»: «мы считаем совершенно правильными предложения». Это господствующая форма присутствия адресанта в тексте.

Для характеристики образа ратора в данном тексте важны также следующие положения:

1) использование эпитетов – «родная коммунистическая партия» (замена устойчивого

эпитета «славная»); «великая сила», «величественные задачи», «великая жизненная сила партийного руководства», «великая цель» (эпитеты, широко распространенные и обязательные для употребления, но используемые в разных словосочетаниях);

2) штампы: «коренные интересы», «ленинские принципы партийного руководства», «ленинская генеральная линия», «государственная и партийная дисциплина»; «нарушения... своевременно вскрываются»; «принимаются меры к их устранению»; «творческая активность трудящихся»; «критика и самокритика» и т. п. В этом плане показательным выражением «в борьбе за мир и социализм, против империализма и реакции», отражающее такую особенность советского политического дискурса, как сочинение. Действительно, здесь мир приравнивается к социализму, происходит глобализация этого понятия, а империализм – к реакции, поскольку упоминаются эти понятия в одном ряду. С другой стороны, «борьба за мир» представляет собой устойчивое словосочетание, но по сути является даже не противопоставлением, а достигает уровня оксюморона;

3) особенности словоупотребления: а) подчеркнутость такой черты картины мира, как направленность на борьбу; б) акцент на постоянном развитии, динамике, прогрессе в любой области, причем развитии только в сторону улучшения (при отсутствии диалектики оно оказывается сугубо прямолинейным, прогресс постоянный и неуклонный): «развитие и совершенствование», «дальнейшее улучшение», «о дальнейшем расширении и углублении», «все выше поднимает активность и самостоятельность коммунистов»;

4) канцелярский язык в сочетании с обязательной пафосностью, создаваемой выразительными средствами, использованием эпитетов: «о деятельности за отчетный период» (частое использование этого словосочетания), «широкий круг вопросов в жизни партии и государства», «особенно большое внимание в отчетный период Секретариат уделял подбору кадров и организации проверки исполнения» и т. п.;

5) речевые ошибки (например, «воспитывать у коммунистов *чувство* большей ответственности и *дисциплины* за неуклонное соблюдение Устава...»); «надо усилить воспитательную работу, *изжить факты беспечности*, повысить бдительность коммунистов...»).

Вышеперечисленные особенности характерны и для образа ратора, создаваемого в

Докладе Мандатной Комиссии XXIII съезда КПСС – доклад Председателя Комиссии товарища И. В. Капитонова, 31 марта 1966 г. (выступление цитируется по [3]). Так, например, в композиции отчетливо прослеживается наличие трех частей: 1) вступление (о работе XXIII съезда, ссылка на доклад Л. И. Брежнева, о деятельности ЦК и ситуации в стране); 2) деятельность Мандатной Комиссии (эта часть содержит специальные сведения, состоящие из фактов и цифр, отражающих статистику); 3) заключение (перечисление обязательных атрибутов – партия, марксистско-ленинское учение, съезд, советский народ, великий Ленин, полное торжество/победа коммунизма). Автор использует два способа описания группы делегатов: 1) возросшее значение и роль определенной сферы деятельности – количество избранных делегатов; 2) делегаты – значение их сферы деятельности. При этом используются однотипные конструкции: «избрание... является признанием важного значения их деятельности...»; «участие их в работе съезда свидетельствует о признании высокой роли в нашей стране...»; «все это отражает успехи, достигнутые под руководством партии...»; «это является выражением...».

Ритор традиционно включает себя в большую группу, объединяющую и непосредственную аудиторию, и весь народ (употребляет только местоимение «наш»: «наша страна», «наша партия», «наша Родина», «наша советская интеллигенция», «наши ученые»). С другой стороны, по законам жанра ритор отождествляется с Мандатной Комиссией, в качестве персонификации которой он и выступает: Комиссия «проверила... и считает необходимым доложить», «признала полномочия... действительными».

В тексте можно отметить наличие следующих типичных черт, характеризующих образ ратора: 1) большое количество штампов: «большой политический и трудовой подъем»; «нерушимое единство партии и народа»; «великое знамя марксизма – ленинизма»; «идейно закаленная/закалилась»; «она (партия) твердо и уверенно ведет советский народ по пути строительства коммунизма»; «усиление связей с массами»; «воспитание в духе коммунистических идеалов»; «великий Ленин», «ленинский курс», «ленинские нормы партийной жизни», «ленинские революционные традиции», «ленинский Центральный Комитет»; 2) эпитеты: «непреклонная воля партии», «твердая линия

на соблюдение ленинских норм», «подлинно творческая обстановка», «большое доверие»; метафора «коммунисты цементируют ряды...». Кроме того, можно отметить наличие простых, невыразительных и обобщенных оценок, например: «люди, которые *хорошо* проявили себя в труде»; 3) особенности словоупотребления: с одной стороны, лексика, подчеркивающая постоянное развитие, динамику, прогресс (= улучшение): «совершенствование руководства всеми сторонами жизни советского общества»; «возросшая активность»; «наша партия выросла»; «усиление ее связей с массами»; «дальнейший подъем сельского хозяйства»; с другой – лексика борьбы: «идейные бойцы», «армия коммунистов»; 4) наличие разговорных элементов (например, «нынешние условия»).

Таким образом, одним из компонентов институционального дискурса является образ ратора, транслируемый официальными каналами. Характеризуя типичный образ ратора, можно составить представление об особенностях политического дискурса определенного исторического периода. Анализ публичных выступлений на XXIII съезде КПСС демонстрирует образ ратора, типичными чертами которого являются: 1) нивелирование индивидуальности говорящего, его идентификация идеальному представлению об авторе – коллективному образу; 2) отождествление говорящего с группой людей. В то же время в соответствии с речевым стандартом и идеальным представлением о личности, характерным для данной эпохи, автор осознает свою деятельность в широком контексте и свою причастность как ко «всему советскому народу», так и ко «всему человечеству»; 3) стандартизация и регламентация используемых оратором лингвистических средств; 4) стандартный набор топосов (партия, коммунизм, народ, авторитетные фигуры партийного строительства); 5) использование штампов; 6) употребление типичных выразительных средств (в основном, эпитетов, определений, характеризующихся стремлением к гиперболизации), создающих строго заданную и однонаправленную пафосность речи. Однако такое употребление приводит к снижению выразительности текста, однотипности выступлений и создает впечатление отсутствия у автора развитых речевых навыков; 7) особый лексический отбор, подчеркивающий, с одной стороны, направленность на борьбу современного общества, а с другой – постоянный прогресс, тенденцию к развитию.

Список литературы

1. Елтанская, Е. А. Семантическое выражение категории власти в институциональном дискурсе / Е. А. Елтанская // *Власть*. – 2013. – № 5. – С. 68–71.
2. Куртин, Ж. Ж. Шапка Клементиса: заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе / Ж. Ж. Куртин // *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса* : пер. с фр. и португ. – М., 1999. – С. 95–104.
3. Материалы XXIII съезда КПСС. – М., 1966. – 304 с.
4. Романов, А. А. Политический дискурс в системе социально-институциональной практики / А. А. Романов // *Мир лингвистики и коммуникации*. – 2007. – Т. 1, № 4 (9). – С. 8–13.
5. Фокин, А. А. Публичная политика как интерпретационная модель истории СССР / А. А. Фокин // *Вестник Пермского университета. История*. – 2013. – № 1. – С. 197–204.
6. Фуко, М. Археология знания : монография / М. Фуко. – Киев, 1996. – 208 с.
7. Шарафутдинова, О. И. Речевые средства создания образа ратора в советском политическом дискурсе начала 60-х гг. XX в. / О. И. Шарафутдинова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2014. – № 23 (352). *Филология. Искусствоведение*. Вып. 92. – С. 98–102.
8. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : монография / Е. И. Шейгал. – М., 2004. – 326 с.
9. McHoul, A. Discourse / A. McHoul // *The Encyclopedia of Language and Linguistics* / Ed. R. E. Asher. – Oxford; New York, 1994. – P. 940–947.
10. Nimmo, D. Mediated Political Realities / D. Nimmo, J. Combs. – New York, 1983. – 240 p.

Сведения об авторе

Шарафутдинова Олеся Ильясовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Челябинского государственного университета.
gadkie_lebedi@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 116–121.*

INSTITUTIONAL DISCOURSE OF POWER AND IMAGE OF A RHETORICIAN (BASED ON PERFORMANCES AT THE XXIII CONGRESS OF THE CPSU)

O. I. Sharafutdinova

Candidate of philological sciences, associated professor of the Chair of Russian language of the Chelyabinsk State University. gadkie_lebedi@mail.ru

One of the components of institutional discourse – the image of the rhetorician. Describing a typical image of the rhetorician, you can get an idea about the features of the political discourse of a historical period. Analysis of public speaking at the XXIII Congress of the CPSU shows image of the rhetorician, characteristic of the Soviet era the second half of the 60s.

Keywords: *political discourse, image of a rhetorician, CPSU, XXIII Congress.*

References

1. Yeltanskaya E.A. Semanticheskoe vyrazhenie kategorii vlasti v institutsional'nom diskurse [Semantic category expression of power in the institutional discourse]. *Vlast'* [Power], 2013, no. 5, pp. 68–71. (In Russ.).
2. Kurtin Zh.-Zh. Shapka Klementisa: zametki o pamyati i zabvenii v politicheskom diskurse [Cap Klementis: Notes on memory and oblivion in political discourse]. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Area sense: French school of discourse analysis]. Moscow, 1999. Pp. 95–104. (In Russ.).

3. *Materialy XXIII s"ezda KPSS* [Proceedings of XXIII Congress of the CPSU]. Moscow, 1966. 304 p. (In Russ.).
4. Romanov A.A. Politicheskiy diskurs v sisteme sotsial'no-institutsional'noy praktiki [Political discourse in the social and institutional practices]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii* [World of Linguistics and Communication], 2007, vol. 1, no. 4 (9), pp. 8–13. (In Russ.).
5. Fokin A.A. Publichnaya politika kak interpretatsionnaya model' istorii SSSR [Public policy as interpretative model of Soviet history]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the University of Perm. History], 2013, no. 1, pp. 197–204. (In Russ.).
6. Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. Kiev, 1996. 208 p. (In Russ.).
7. Sharafutdinova O.I. Rechevye sredstva sozdaniya obraza ritora v sovetskom politicheskom diskurse nachala 60-kh godov XX veka [Speech Means for the Image of a Rhetorician in the Soviet Political Discourse in the 1960-s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 2014, vol. 92, pp. 98–102. (In Russ.).
8. Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, 2004. 326 p. (In Russ.).
9. McHoul A. Discourse. *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, ed. R. E. Asher. Oxford; New York, 1994. Pp. 940–947.
10. Nimmo D., Combs J. *Mediated Political Realities*. New York, 1983. 240 p.

УДК 80
ББК (Ч)76.01

А. М. Юсупова

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Исследуется феномен социальных иллюзий в журналистике. Дается общее определение понятия «социальные иллюзии», а также подробно рассматривается универсальная структура социальных иллюзий на примере анализа публикаций общественно-политических СМИ Уральского федерального округа.

Ключевые слова: *СМИ, социальные иллюзии, миф, стереотип, структура.*

В стремительно развивающемся мире, для которого характерна многомерность информационных потоков, человеку нужен ориентир, который помогает ему осмысливать происходящее. Таким ориентиром становятся средства массовой информации, которые индивид выбрал в качестве достоверных и авторитетных.

Поток сообщений избранных СМИ подспудно меняет мнения и поведение человека, порождает совершенно новые формы социальных практик. И как следствие в информационном пространстве возникает совершенно иная реальность – медиареальность [7. С. 16].

По определению А. М. Шестериной, «медиареальность – это некий мир, детально прорисованная, динамичная самостоятельно развивающаяся структура на основе модели мира, которую создают СМИ» [12. С. 23]. Одним из способов формирования модели мира становится актуализация и создание социальных иллюзий.

Термин «иллюзия» на латинском языке означает обман, заблуждение. Новая философская энциклопедия определяет иллюзию как искаженное восприятие или представление действительности.

«В обыденном плане понятие “иллюзия” употребляется как синоним надежд и мечтаний (как правило, нереальных), утешающего и облегчающего жизнь самообмана или полета творческой фантазии. С философской точки зрения, стремление к иллюзорному восприятию действительности является неотъемлемой чертой человеческого сознания, ищущего в нем отдохновения от “суровой действительности”, надежды или удовольствия. Так, страх смерти порождает представление о загробной жизни, надоевшая обыденность пробуждает мечты о чуде или “красивой жизни”», полет творческой

фантазии создает произведения искусства, доставляющие удовольствие [10].

Л. В. Шушкина определяет социальные иллюзии широко как «ложное осознание человеком тех или иных социальных, психологических процессов и явлений. Это феномен часто рассматривают через такие составляющие, как заблуждения, мифы, утопии, главной особенностью которых также является ложное осознание действительности» [13. С. 49].

М. А. Хевеши считает иллюзии проявлением «обманывающегося сознания». «Под иллюзиями обычно принято понимать ложные представления о действительности, часто вызванные определенными социальными установками или обусловленные особым социально-психическим состоянием масс или групп населения», – пишет исследователь [11. С. 5].

При всем многообразии научных работ, так или иначе затрагивающих значение социальных иллюзий в жизни общества, исследований, посвященных детальному изучению структуры социальных иллюзий, практически нет. Так, целенаправленную работу по изучению и описанию структуры социальных иллюзий ведет исследователь Л. В. Шушкина. Ученый полагает, что социальные иллюзии включают в себя четыре компонента: когнитивный, эмоциональный, волевой и терапевтический [14. С. 32]. Однако предложенная Л. В. Шушкиной структура социальных иллюзий – это, по сути, взгляд на них преимущественно со стороны носителя, то есть человека, который находится во власти определенной иллюзии. На основе анализа социальных иллюзий, которые тиражируются с помощью СМИ, нами предпринята попытка описать универсальную структуру социальных иллюзий. Она включает в себя: ядро, мировоззренческий, историче-

ский, оценочный и вербальный компоненты. Рассмотрим эту структуру на примере одной из наиболее популярных социальных иллюзий о вечном противостоянии России и Запада, которая постоянно актуализировалась в текстах СМИ УрФО начиная с 2012 г., а в последние месяцы, учитывая сложную политическую обстановку в мире, приобрела особое звучание.

Материалом для исследования послужили тексты трех общественно-политических изданий Уральского федерального округа: «Новый мир» Курганской области, «Челябинский рабочий» Челябинской области, «Областная газета» Свердловской области с 2012 по 2014 г. За указанный период было исследовано 516 текстов, найдено свыше 700 примеров, иллюстрирующих специфику различных социальных иллюзий, в том числе и иллюзии о противостоянии России и Запада. В силу ограниченного объема настоящей статьи, в качестве иллюстраций приведены наиболее яркие примеры, охватывающие весь период – с 2012 по 2014 г.

Поскольку социальная иллюзия – это категория мышления, идея, она нуждается в вербальном воплощении. Ядро социальной иллюзии – это некий тезис, в котором в сжатом виде сформулирована идея. Смысловое ядро социальной иллюзии инвариантно, это главный фактор ее существования. Какими бы словами, с использованием каких бы средств выразительности социальная иллюзия не была бы выражена, ее смысл, то есть ядро, остается неизменным.

В качестве ядра социальной иллюзии может выступать миф, стереотип или прецедентный феномен. Так, иллюзия о вечном противостоянии России и Запада базируется на архетипической бинарной оппозиции «мы – они» или «свои – чужие».

Оппозиция «свои – чужие» в мифологическом аспекте носит космогонический характер: это не просто противостояние космоса и хаоса, в конечном счете, это великая битва добра и зла. В мифологическом пространстве существует центр и опасная периферия. Мир, который носитель мифа, маркирует как «свой» является центром, воплощением порядка, мир «чужаков» – это хаос. Неслучайно слова «чужак» и «чужбина» в русском языке скрывают в себе негативные коннотации.

Также любая социальная иллюзия содержит мировоззренческий компонент. Это связано с тем, что стойкими, повторяющимися в разных текстах и ситуациях оказываются те иллюзии,

в которых находят отражение ценности данного общества и данной культуры. Социальная иллюзия – это всегда срез ценностных оснований социума. По тому, какие иллюзии господствуют в обществе, можно сделать безошибочный вывод относительно того, какие ценности оно исповедует.

В текстах исследуемых СМИ журналисты реанимируют советский стереотип о «загнивающем Западе». Особенно часто авторы таких материалов обращают внимание на тенденции, которые российское общество в силу своего исторического традиционализма воспринимает неоднозначно. Это, например, толерантное отношение к представителям сексуальных меньшинств, наделение их полным объемом прав и возможностей.

«Фактически сформулирована повестка дня, которая приемлема для большинства – *приоритет моральных ценностей*, неприятие современного Запада (*с однополыми браками*, огромной роли гражданского общества при ослаблении традиционных институтов, в том числе конфессий), особое внимание к теме безопасности и суверенитета страны [8. С. 5].

Очень часто звучит мысль о том, что во всех определяющих благополучие страны отраслях положение Запада крайне нестабильно. Газеты навязывают мысль о том, что экономика западных стран находится на грани непреодолимого кризиса:

«Еще в 30-е гг. прошлого века был изобретен рецепт, как в период кризиса поместить экономику под капельницу <...> *Сегодня многие страны загнали себя в угол*. Какие есть варианты выхода из кризиса у Америки или Европы? Можно устроить дефолт, можно снизить на 40–50 % бюджетные расходы...» [4. С. 1].

Кроме того, страны Европы, как болезнью, поражены коррупцией, там регулярно возникают конфликты на национальной почве:

«*Ни одна страна Евросоюза не может похвастаться, что свободна от коррупции*. Просто в одних болезнь маргинальна, в других серьезно поразила экономическую и политическую ткань, повседневный быт» [6. С. 12]

«В старой Европе проблема мигрантов и их потомков существует давно и время от времени проявляется *вспышками насилия*» [1. С. 7]

Следующий обязательный элемент социальных иллюзий – исторический компонент. Любая иллюзия, бытующая в обществе, всегда имеет под собой веское для мифологического мышления историческое обоснование. Это,

может быть, например, повторение исторических событий, имеющих большое значение для конкретного народа.

В случае с социальной иллюзией о вечном противостоянии России и Запада актуализируется представление об особой миссии нашей страны. Оно восходит к историческим и религиозным концепциям, сформулированным еще много веков назад, типа «Москва – третий Рим».

Вера в особую миссию России оказывается особенно актуальной в силу компенсаторной функции любой социальной иллюзии. После поражения в холодной войне и распада Советского Союза вера в мощь и величие России сильно пошатнулись. Население страны болезненно переживало и свою экономическую отсталость, и шаткое положение на международной политической арене.

Для поддержания жизнеспособности данной иллюзии активно интерпретируются в нужном ключе исторические события:

«В отличие от *западноевропейских варваров, которые поработали и уничтожили порой целые народы с их культурой в Африке, Азии и Америке, русские люди несли культуру и прогресс, делали огромные материальные затраты на развитие и приобщение к цивилизации многих народов*» [9. С. 8].

Поскольку величие России исторически часто связывают с Российской империей и Советским Союзом, который фактически тоже был империей, часто используется самодержавная символика. Вот как описывает журналист образ России в своем тексте:

«Это статная женщина в длинном платье с кольчугой, на голове – древнерусский шлем, на груди – трехступенчатый крест. В правой руке она держит меч, а в левой – щит, которым прикрывает корону, скипетр и державу» [2. С. 4]

Россия предстает как женщина. Она не воительница, о чем свидетельствует платье, на которое надета кольчуга, но в случае угрозы эта хрупкая дева готова дать отпор. Именно поэтому в правой руке у нее меч, а в левой – щит, которым она прикрывает русскую государственность, русских людей.

Даже события мирового финансового кризиса, с которым столкнулись все развитые страны в 2008 г., подаются под определенным углом. Складывается впечатление, что Россия от него пострадала меньше остальных. Более того, последовательно проводится мысль о том, что

Россия будет сохранять стабильность и при последующих экономических катаклизмах:

«Выступая на церемонии награждения, Дмитрий Медведев заявил, что *«несмотря на трудности, мы не сворачиваем с избранного пути»* <...> *Победили один кризис, мир стоит на пороге нового, так что работать придется всем, – отметил глава государства*» [5. С. 1]

«Многие страны накрыло волной экономического, финансового, политического кризиса, – сказал Анатолий Волкович, председатель совета ветеранов. – *Россия в этом бушующем океане событий остается островом стабильности*» [3. С. 1]

Оценка – еще один важный элемент социальных иллюзий. Одна из важнейших задач социальных иллюзий – не просто объяснять то или иное событие, но и давать ему развернутую, фиксированную оценку. Эта оценка может быть как положительно, так и отрицательно, но она наличествует обязательно.

В исследуемом нами примере формируется однозначная оценка: Россия – оплот стабильности, духовности, спокойной силы. Запад – агрессор с сомнительными моральными устоями и кровавой историей.

Последний компонент социальных иллюзий – вербальный. Для того, чтобы иллюзия была донесена и «растолкована» как можно большему количеству людей, она должна быть повторяемой и узнаваемой в различных текстах. Так, социальная иллюзия о противостоянии России и Запада активно использует метафоры, сравнения и советские клише.

Таким образом, предпринятая нами попытка описания универсальной структуры социальных иллюзий интересна не только с точки зрения методологии научного анализа данного феномена. Особенности структуры проливают свет на «живучесть» многих иллюзорных представлений.

Список литературы

1. Zachistka – понятие не европейское // Челябинский рабочий. – 2013. – 1 авг.
2. Гулять так гулять, или Единство в глубинке // Новый мир. – 2013. – 18 июня.
3. Заткнуть «варежку» рабочей рукавицей // Областная газета. – 2012. – 14 янв.
4. Кто не утонет в «тихой гавани»? // Областная газета. – 2012. – 24 янв.
5. Назначать или избирать? // Областная газета. – 2014. – 5 янв.

6. Никто не свободен // Челябинский рабочий. – 2014. – 13 февр.
7. Пронин, Е. И. Психологические проблемы современной журналистики / Е. И. Пронин // Проблемы медиапсихологии. – М.: МГУ, 2001.
8. Против всех, кроме него // Челябинский рабочий. – 2013. – 1 авг.
9. Россия непобедима! // Челябинский рабочий. – 2014. – 24 апр.
10. Суворов, О. В. Иллюзия / О. В. Суворов // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2333/%D0%98%D0%9B%D0%9B%D0%AE%D0%97%D0%98%D0%AF. – Дата обращения: 12.10.2012.
11. Хевеши, М. А. Социально-политические стереотипы, иллюзии, мифы и их воздействие на массы / М. А. Хевеши // Философские науки. – 2001. – № 2. – С. 5–17.
12. Шестерина, А. М. Психология журналистики / А. М. Шестерина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010.
13. Шукшина, Л. В. Генезис социально-философского осмысления проблемы социальных иллюзий // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 2. – С. 48–58.
14. Шукшина, Л. В. Философское понятие, структура и функции социальных иллюзий / Л. В. Шукшина // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 296–301.

Сведения об авторе

Юсупова Альбина Муратжановна – ассистент кафедры журналистики и речевой коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им. И. Г. Носова.
yusupova88@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 122–126.*

STRUCTURE OF SOCIAL ILLUSIONS IN JOURNALISM

A. M. Yusupova

Assistant to department of journalism and speech communication of Magnitogorsk state technical university of I. G. Nosov. yusupova88@yandex.ru

Article investigates a phenomenon of social illusions in journalism. The general definition of the concept “social illusions” is given, and also the universal structure of social illusions which includes an invariant kernel, world outlook, historical, estimated and verbal components is in detail considered. The kernel of social illusion is a thesis in which the idea is in summary form formulated. The myth, a stereotype or a case phenomenon can act as a kernel of social illusion. Any illusion occurring in society always has under itself historical justification, weighty for mythological thinking. It, maybe, for example, repetition of the historical events which are of great importance for the concrete people. In it the historical component of social illusions is expressed. One of the most important problems of social illusions – it isn’t simple to explain this or that event, but also to give the assessment to it developed, fixed so the estimated component is also the major an illusion element. The last component of social illusions – verbal. In order that illusion was informed and “explained” as it is possible for bigger number of people, it has to be repeated and recognized in various texts. The universal structure of social illusions is considered on the example of the analysis of publications of political mass media of Ural federal district.

Keywords: *Mass-media, social illusions, myth, stereotype, structure.*

References

1. Zachistka – ponyatie ne evropeyskoe [Zachistka – concept not European]. *Chelyabinskiy rabochiy* [Chelyabinsk worker], 08.01.2013. (In Russ.).

2. Gulyat' tak gulyat', ili Edinstvo v glubinke [To celebrate so to celebrate, or Unity in the remote place]. *Novyy mir* [New world], 06.18.2013. (In Russ.).
3. Zatknut' «varezhku» rabochey rukavitsey [To stop up “mitten” with a working mitten]. *Oblastnaya gazeta* [Regional newspaper], 01.14.2012. (In Russ.).
4. Kto ne utonet v «tikhoi gavani»? [Who won't roll in “smooth water”?]. *Oblastnaya gazeta* [Regional newspaper], 01.24.2012. (In Russ.).
5. Naznachat' ili izbirat'? [To appoint or choose?]. *Oblastnaya gazeta* [Regional newspaper], 01.05.2014. (In Russ.).
6. Nikto ne svoboden [Nobody is free]. *Chelyabinskiy rabochiy* [Chelyabinsk worker], 02.13.2014. (In Russ.).
7. Pronin E.I. Psikhologicheskie problemy sovremennoy zhurnalistiki [Psychological problems of modern journalism]. *Problemy mediapsikhologii* [Media psychology problems]. Moscow, MGU Publ., 2001. 230 p. (In Russ.).
8. Protiv vseh, krome nego [Against all, except it]. *Chelyabinskiy rabochiy* [Chelyabinsk worker], 08.01.2013. (In Russ.).
9. Rossiya nepobedima! [Russia is invincible!]. *Chelyabinskiy rabochiy* [Chelyabinsk worker], 04.24.2014. (In Russ.).
10. Suvorov O.V. Illyuziya [Illusion]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New encyclopedia of philosophy]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2333/%D0%98%D0%9B%D0%9B%D0%AE%D0%97%D0%98%D0%AF, accessed 12.10.2012. (In Russ.).
11. Kheveshi M.A. Sotsial'no-politicheskie stereotipy, illyuzii, mify i ikh vozdeystvie na massy [Socio-political stereotypes of illusion, myths and their impact on masses]. *Filosofskie nauki* [The Philosophical sciences. Volume 2]. Moscow, Gumanitarniy Publ., 2001. Pp. 5–17. (In Russ.).
12. Shesterina A.M. *Psikhologiya zhurnalistiki* [Journalism psychology]. Voronezh, 2010. 368 p. (In Russ.).
13. Shukshina L.V. Genezis sotsial'no-filosofskogo osmysleniya problemy sotsial'nykh illyuziy [Genesis of social and philosophical judgment of a problem of social illusions]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian messenger of social sciences], Orel, 2009, vol. 2, pp. 48–53. (In Russ.).
14. Shukshina L.V. Filosofskoe ponyatie, struktura i funktsii sotsial'nykh illyuziy [Philosophical concept, structure and functions of social illusions]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov university. Series: Humanities], Tambov, 2008, vol. 2, pp. 296–301. (In Russ.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 745.03

О. В. Береговая

ТИРАЖИРУЕМОСТЬ И КРЕАТИВНОСТЬ В УКРАШЕНИЯХ КОСТЮМА XX ВЕКА

Выявляются тенденции в развитии костюмных украшений в период XX в. Раскрываются и анализируются влияние и возможности многообразия технологий на разных временных этапах, позволяющих формировать новые художественные стили в массовом искусстве бижутерии. Рассматриваются понятия «бижутерия», «имитации» и «креативность». Раскрывается роль бижутерии в создании костюма XX в. и ее значение в формообразовании костюмного ансамбля.

Ключевые слова: массовое и популярное искусство украшений костюма, бижутерия, креативность, потребительская привлекательность, имитации, тиражируемость, элитарная бижутерия, костюмный ансамбль.

Культура костюмных украшений человека и его костюмного ансамбля в целом имеет многовековую историю, являющуюся предметом исследования в искусствоведении, культурологии, дизайне. Формирование стилей и традиций, по современным представлениям, проходило под влиянием многочисленных факторов, связанных с особенностями эстетических взглядов общества, структурой потребностей, развитием технологий изготовления, наличием рынка продаж, межэтническими и международными контактами и т. п.

Особенность костюмных украшений и отличие от ювелирных состоит в их взаимосвязи с костюмом, что приводит к большей соподчиненности с бытовой жизнью и общественными запросами человека. Сложно взаимодействуя в сознании человека, функции таких украшений формировались в неповторимые для каждого времени структуры, приобретая маркирующие качества.

Стоит выделить две основные функции костюмных украшений:

Утилитарную функцию крепежа несут в себе такие украшения, которые выполняют требования по скреплению, зажиму, собиранию складок (драпировать ткань) одежды определенным образом. Эта функция была особенно востребована в античный период, а с течением времени эта функция ушла на второй план, уступая место декоративной функции.

Декоративную функцию несут в себе все украшения, а в результате развития моды и технологий производства декоративная функ-

ция становится основной. Впоследствии эта функция будет рассмотрена более подробно.

Помимо своего основного предназначения – украшать, создавать художественный образ в костюмном ансамбле в определенные исторические периоды, костюмные украшения приобретают ряд других качеств, символических свойств.

Параллельно с основными функциями существовало *социохранительное* маркирование. Это репродуктивное или эротическое назначение украшений, которое должно было способствовать половому влечению, соединялось с половозрастной маркировкой.

В процессе развития социальных отношений оформляется *статусное маркирование* украшений, которое варьируется в зависимости от понимания высокого или низкого статуса человека. Украшения становятся надолго одними из главных показателей богатства и высокого положения человека в обществе, вещественно выражая его авторитет (реальный или мнимый). Вместе с тем, в некоторых моментах истории украшения приобретают *политико-идеологическую* маркировку, акцентируя внимание на идеологических принципах как доминантных в характеристике личности, способствующих повышению статусности [3. С. 119, 128]. Украшения в перспективе будут все больше рассматриваться как способ поведать миру не столько о состоятельности человека, сколько о его вкусе.

Важным фактором стоит отметить развитие технологий производства на протяжении сто-

летий, которое способствовало разнообразию в области формы и художественных идей. Первые усилия в формировании культуры бижутерии зафиксированы в период Древнего Рима, когда появилась инновационная техника огневого золочения или «золотой наводки», которая напоминает известную технику офорта. Она позволяла дешевую медь покрывать тонким слоем золота, благодаря чему относительно менее состоятельные слои общества смогли позволить себе носить украшения, напоминающие золотые [9. С. 390].

Как показывают исследования, более всего декоративная функция проявилась в период Нового времени, начиная с эпохи Возрождения [8. С. 142]. Появляются пряжки, множество пуговиц, которые начинают нести не столько скрепляющую функцию, сколько функцию декоративную, пришивные и съемные цепи, работающие на весь костюмный ансамбль. Это можно видеть на портретах ренессансной эпохи, например, портрете Генриха VIII кисти Ганса Гольбейна Младшего, на котором обилие пуговиц в костюме портретируемого свидетельствует о том, что пуговицы являются элементом декора (рис. 1) [11. С. 216]. Прогрессивное движение, которое сказалось в это время во всех областях жизни, больше внимания уделяет технологиям производства, которые, в том числе, обращены к изготовлению украшений в больших количествах. В это время начинается процесс поиска возможностей тиражирования украшений, украшения костюма стоят на пороге массовых украшений.

Следующей технологией, позволяющей проявиться декоративной функции, была технология литья, которая также применялась в эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.) [17. С. 166]. Эта технология позволила усложнить форму и увеличить количество изделий при изготовлении. Стали появляться пришивные бляхи, которые пришивались сразу по несколько на один костюм, съемные металлические костюмные украшения, преимущественно плоские, украшенные чернью серебряные пряжки [10. С. 215]. Более дешевые украшения отливались из бронзы, имитирующей цвет золота, быстро распространялись не только среди богатых, но сравнительно малоимущих слоев населения. Нужно отметить важную инновацию для этого времени – появление идеи серийности производства, что отразилось на моде [2. С. 186–198].

Во второй половине XVII в. была разработана более сложная система огранки* [6. С. 198]. Огранка позволяла использовать небольшие и более скромные полудрагоценные и поделочные камни, превращая их в произведение искусства, а, следовательно, увеличивалась возможность их использования в различных элементах костюмных украшений.

В 1840-е гг. появилась технология гальванического покрытия, имитирующая разноцветное золото, из которого создавались небольшие изделия с природными мотивами в орнаменте. Гальванопластика – нанесение металлического покрытия на электрод за счет пропускания постоянного тока низкого напряжения через раствор электролита, что ускоряло процесс нанесения позолоты и сокращало стоимость таких изделий [9. С. 115]. Это позволило эффективно использовать традиционную технику штамповки, в которой выполнялись листья и цветы на поверхности изделий. Цветовые сочетания разных оттенков золотого покрытия давали возможность в одном изделии с помощью только металла демонстрировать красочные переливы глянцевых и матовых разноцветных поверхностей. Небольшие декоративные броши и пряжки изобиловали причудливыми сочетаниями красного, желтого и зеленого золочения.

Украшения XIX в. – это массовое изготовление дешевых штампованных брошей, выполненных из тонкого серебра, но с декором, позволяющим охватить большой круг потребителей (простые цветочные рисунки, имена, сердечки), пуговиц, булавок с каменными вставками из полудрагоценных камней: аметисты, топазы, акваарины, хризобериллы (рис. 2). Собранные в кластеры камни зачастую вставлялись в закрытые оправы с подложкой из фольги, делающей их одинаковыми по цвету. Это позволяло при минимальных затратах достигать нужного эффекта [2. С. 351–354].

Это век технологических открытий в юве-

* Бриллиантовая огранка давала 24 на нижней стороне и 33 на верхней – всего 57 граней. Форма камня, обработанного «по Перуцци» или бриллиантовая, была округлой. При такой обработке входящий в камень пучок света целиком дважды отражался от внутренних граней с противоположных сторон алмаза и выходил вверх. Этот световой поток и создавал эффект вспышки, которым так славятся ограненные алмазы. Специалисты называют эту игру отраженного камнем света бриллианцией. Она характерна не только для драгоценных камней, обладающих сильной дисперсией, многие полудрагоценные камни ограняют также, добиваясь нужного эффекта игры камня. Это разложение света на спектральные цветные составляющие и является основой «игры» драгоценного камня.

лирном производстве, когда именно технологии способствовали созданию модных брендов. Коммерческий успех в производстве украшений для массового потребителя приводит к популяризации новых технологий и поиску их дальнейшего совершенствования. Обилие костюмных украшений, выполненных в технологии литья, штампа, с применением различных сочетаний металла, гальванопластики, в сочетании с эмалью и различными стразами наполняло ювелирный рынок и предпосылкой для создания новых художественных шедевров не появлялось. Однако, при всем при том технологический прорыв XIX в., предоставив ювелирному искусству многообразие технологий и традиций, заложил возможности формирования и новых художественных стилей в массовом искусстве ювелирии.

Наиболее существенно для понимания сегодняшней тенденции в развитии костюмных украшений является представление о массовом искусстве и ювелирии. Это обусловлено революционным изменением типа культуры, который формируется с конца XIX и охватывает весь XX в. [1. С. 195–198]. Наступает эпоха массовой культуры, вызванная коренной перестройкой структуры общества, ликвидацией жестких межсословных границ, скоплением большого числа людей в городах, сменой социальной основы культуры на культуру общенародную с выделением субкультур неформальных сообществ [15. С. 225]. Столь же революционно меняется подход к понятию моды и, соответственно, к украшению костюма. Актуальными становятся костюмные украшения массового производства с определенной спецификой, украшения костюма, которые способствуют выражению интересов той или иной общественной группы, украшения, которые бы зримо демонстрировали принадлежность человека к определенной субкультуре.

Классическая работа Хосе Ортега-и-Гассета «Восстание масс», вышедшая в Испании в 30-х гг., предопределила внимание к массовой культуре в мировой научной и медиапрактике. На сегодняшний день это одно из самых разработанных и при всем притом спорных понятий [14. С. 297]. К настоящему моменту существенно усложняется ставшее традиционным отрицательное отношение к массовому искусству, в котором видели долгое время проявление процесса дегуманизации. Наряду с понятием массового не случайно в искусствоведении и культурологии появилось понятие «попу-

лярного искусства», под которым понимают *pop-art**. Это искусство, будучи массовым и ориентированным на потребителя, находится в определенном поиске, обращаясь к традиционному искусству и переработке элитарного для массового потребления. В центре внимания остается важнейшая категория связи потребления и искусства, основой которого является мода и реклама. Потребление в этой теории представлено в виде безостановочного процесса и важнейшей цели существования человека [14. С. 297]. В массовой культуре происходит определенное нивелирование различий в общедоступном костюме. Изобретается унифицированная одежда, которая по своим лекалам оказывается единой для всех слоев населения. Она может различаться по качеству материала, мастерству изготовления, но силуэт, принцип использования украшений, доступность технологии оказываются едиными для всех, принадлежащих к определенному пространственно-временному сообществу, связанному типом культуры в конкретном времени и пространстве (степень ширины варьируется). Таким образом, украшения даже больше, чем само платье, оказываются привязанными к вкусам конкретного человека; выбор качества, соотношения с ценой, определяется модой и теми пристрастиями, которые свойственны окружению человека, в котором он позиционирует себя как личность.

Если массовая мода, разработки силуэтов, сочетание цветов и другие составляющие художественного образа изучаются в индустрии моды, то особенности массовых украшений и направления развития их формы и соотношения с костюмом остаются вне поля зрения искусствоведов. В этом ракурсе высвечивается проблема изучения массового искусства украшений, возникших в конце XIX в. и ставших доминантными в XX в. – *бижутерии*** . Этот тип украшений имеет различные наименования в

* Поп-арт (англ. pop art, от popular art – популярное искусство) – направление в искусстве Западной Европы и США с конца 1950-х годов. Расцвет поп-арта пришелся на бурные 60-е годы, когда во многих странах Европы и Америки вспыхнули бунты молодежи. Молодежное движение не имело единой цели – его объединял пафос отрицания. Молодые люди готовы были выбросить за борт всю прошлую культуру. Все это нашло отражение в искусстве.

** От французского *bijou* (произносится «бижу») – драгоценность, украшение, а также употребляется в значении шедевр и прелесть. Французское слово *bijouterie* (произносится «бижутри») переводится как изготовление или торговля ювелирными изделиями, а также как ювелирные изделия и ювелирия.

разных культурах. В России это недорогие украшения, в Англии – «*fashion jewellery*» или «*costume jewellery*», которые выполняются из различных доступных материалов (пластик, алюминий, дерево, мельхиор, железо, стекло, природные материалы ткань со вставками из драгоценных камней и стразов и т. п.) [5. С. 113]. Возникновение бижутерии изначально было связано с развитием городской культуры, стремлением средних и низших слоев общества быть в чем-то похожими на высший свет, жизнь которого рисовалась людям как счастье от изобилия достатка и удовольствий. Стремление к подражанию, попытка дешевыми украшениями добиться внешнего блеска предопределили спрос на эту продукцию [13. С. 79]. Задача улучшения внешнего вида подражательных украшений диктовала качественный рост существующих технологий и поиска новых. Решалась задача, чтобы такие украшения, будучи продуктом массового производства, становились доступными для большего круга потребителей. Ткани становятся более легкими, появляются лекала, по которым шьют более удобную, комфортную одежду, отпадает необходимость крепить, удерживать большие лоскуты, расширяется номенклатура костюмных украшений, которые должны были работать на создание силуэта в качестве основного формообразующего и декоративного элемента костюма. Они начинают развиваться в двух направлениях: с одной стороны, становятся более декоративными, художественно осмысленными, выражающими индивидуальность заказчика, с другой – становятся серийными с ориентацией на широкие слои населения.

Один из существенных факторов бижутерии – рассмотрение того, какими приемами создается привлекательность бижутерии для потребителя и каким образом сочетаются в культуре массовых украшений «штамп»* и *креативность***.

Потребительская привлекательность бижутерии формируется различными приемами, присущими разным этапам развития моды на массовые украшения. Самым продолжительным в истории бижутерии был период *имитаций*. Это направление существует и в настоящее время. В дешевых украшениях из стекла

и металла копируются изделия известных ювелиров, изготовители не ставят задачи выхода на новые дизайнерские идеи. Такая бижутерия чаще всего выполняется из недорогих материалов, имитирующих ценные благородные материалы. Подобными дешевыми украшениями довольно грубой работы декорировали одежду в XIX в. Примером может служить викторианская поясная брошь конца XIX в. (1890–1900-е гг.), выполненная из латуни, имитирующая золото. Брошь не монолитная, ажурные цветы припаяны к основе. Булавка, припаянная сзади для крепежа изделия к ткани, также выполнена отдельно от основы вручную (рис. 3).

Другая группа бижутерии – это *креативные* костюмные украшения, отличающиеся новаторскими идеями и новизной дизайна. С помощью такой бижутерии владелец может создать свой неповторимый образ, отличный от окружающих.

Цель украшения – раскрыть индивидуальные стороны личности, внутреннего мира и вкуса того, кто заказал, приобрел или сделал украшения. В эпоху массового производства одежды и стремления к воплощению во внешности человека его индивидуальности украшения обретают особое значение, самым непосредственным образом диктуя направление развития культуры костюмных украшений. Например, украшения, специально созданные для модных показов коллекций одежды. Новизна дизайнерских идей и интересных современных форм, неожиданные виды обработки и сочетаний металлов, цветовая контрастность позволяют изделиям быть более привлекательными и эффектными [13. С. 92]. В этой группе бижутерии недорогие материалы только способствуют проявлению художественного образа украшений. Выполняются эти украшения чаще всего из дерева и пластика с применением стразов в больших количествах, благодаря чему имеют яркое цветовое решение [20. С. 78]. Например, шейное украшение Френка Хисса, выполненное из шишек и бисера, нанизанных на обычный шелковый шнур (рис. 4). Художественный образ создается за счет контраста материалов, неожиданного использования привычных предметов (шишек), высвечивается созданная самой природой уникальная форма шишек, их симметричность, кружевной рисунок. Украшение навеивает образы леса, выявляет творческую силу самой природы и заложенную в ней красоту. Создание бижутерии требовало от авторов большей

* Здесь как массовое изготовление изделий в разных техниках..

** От латинского *creo* — творить, создавать — способность творить, способность к творческим актам, которые ведут к новому необычному видению проблемы или ситуации.

творческой смелости и подталкивало к развитию технологий.

Ювелиры и законодатели мод XX в. не преминули воспользоваться развитием технологий, обозначив несколько принципиальных направлений в применении и изготовлении костюмных украшений. Доминантное производство массовых украшений не исключает обращения к первостатейным образцам прошлого и новых художественных поисков, но в упрощенном, доступном и технологически отработанном варианте. Привлекаются новые необычные материалы, имитация дорогих камней и металлов производится не в целях повторения дорогого оригинала, а как декоративный прием. Дешевизна не только не скрывается, но и подчеркивается гипертрофированной формой изделия. Безусловно, усиливается влияние производителей бижутерии на процесс внедрения новых материалов*. В этот период происходит переход от ценного материала к ценности художественного образа.

Важную роль для развития моды костюмных украшений сыграла выставка декоративного искусства в Париже в 1925 г, называемая «Les Arts Decor», значение которой для культурной жизни Франции можно сравнить только с международной выставкой 1900 г. [20. С. 17]. 1925 г. ознаменовался рождением костюмных украшений высокой моды под именами знаменитых кутюрье: Коко Шанель, Эльза Скьяпарелли, Альфред Ван Клиф, Мадлен Вионне, Жанна Ланвен. Новизна этих украшений приостановила главенство силуэта и материала пошива предметов одежды при создании модного образа. Костюмные украшения становятся основой креативного потенциала в формировании нового образа костюма (рис.5).

Разные ювелирные дома и известные мастера по изготовлению украшений массово изготавливали броши различных форм из новоизобретенных сплавов – платинора и осмиора, серебра и стали, дерева, шелковых шнуров, финиковых косточек, речного жемчуга, бисера, чтобы прикрепить на воротнике, лацкане пиджака или кармане, заколке для корсажа. Появились вереницы жемчуга, который связывался сзади как шарф, чароитовые застежки для пояса на различных тонированных серебряных пластинах [16. С. 340].

* Вместе с тем, в высокой моде эксклюзивно изготавливаются костюмы, по-прежнему соединяющие линию, особенности пошива с уникальными украшениями, создающими неповторимый образ.

Следующий мощный всплеск развития бижутерии происходит в 60-х гг. XX в.**, который пришелся период стиля в искусстве авангард. Многие художники-ювелиры работали в этом стилевом направлении, выражая себя как индивидуальность. На первый план выходит бьющая в глаза яркость материалов. Изготовители бижутерии сделали очень смелый шаг, начав применять в качестве украшений вошедшую в моду *пластмассу*, что позволяло воплощать всевозможные авангардные идеи. Формы украшений были предельно просты, но яркость цвета и контрастные сочетания делали украшения из пластмассы привлекательными для покупателя. Вместо характеристики «подделка» в бижутерии появляется понятие «*особого стиля*». Например, филигранное украшение – брошь флоральной тематики, выполнено из позолоченного металла с элементами бисерной вязки из стекла и пластмассы (рис. 5). Появились недорогие, но стильные дизайнерские изделия, предназначенные для женщин, которые самостоятельно могли приобрести себе украшения, аксессуары и одежду. Эта бижутерия не выдавала пластмассу за более дорогой материал, напротив, пластмассовые украшения привлекали непривычной яркостью красок, размерами и количеством, очерчивая контуры нового стиля (рис. 7). Бижутерия была призвана демонстрировать не богатства человека, а в первую очередь его оригинальность, она подчеркивала не только женскую привлекательность, но более всего смелость и даже дерзость, ставшую результатом послевоенного быта, когда женщина начала по-другому ощущать свое предназначение. Такая бижутерия не демонстрировала принадлежность к определенному социальному слою, исключение составляли украшения богемного характера, в которых декоративная функция сочеталась с эпатажем. Бижутерия начинает коррелировать с одеждой, привлекать внимание текстурами и фактурами материалов. Ярким примером служит коллекция Диор 1962–1964 гг., где часть платья вышита пласт-

** На смену комфорту, экономической стабильности и благосостоянию в послевоенные годы 50-х годов пришли 60-е, в которых эти блага оказались под угрозой из-за социальных противоречий. Молодое поколение стремилось к формированию нового культурного отношения к образительному искусству, моде и ювелирному дизайну. Абстрактный экспрессионизм отразился во всех сферах культуры и искусства. Заметное влияние на кутюрье и ювелиров, таких как Курреж и Карден, а в декоративных украшениях стали актуальны геометрические формы, расположенные в хаотичном порядке.

массовыми бусинами, стразы в форме ограненных камней создают целую декоративную сетку, а в сочетании с тканевыми объемными бусинами клеевые стразы напоминают ювелирное украшение (рис. 8, 8а).

В качестве отличительного фактора периода 60-х гг. стоит отметить такую особенность: костюмными украшениями становятся ранее самостоятельные украшения и аксессуары, такие как браслеты, которые могли служить манжетами на платьях, контрастируя с костюмом по цвету и форме, кроме того, стоит выделить очки, самостоятельный аксессуар, но в 60-е годы оправа очков подбиралась в цвет платья или, наоборот, на контрасте, но всегда в комплекте, что работало на один костюмный ансамбль.

Огромные пластмассовые «цыганские» серьги, крупные броши, пуговицы, пряжки на поясах привлекали внимание своими размерами и цветовой палитрой. Стоит отметить, что это время отличается активной работой с цветом и цветовыми сочетаниями. Одежде и украшениям были свойственны локальные контрастные цвета и геометрический рисунок. Эта мода, будучи даже несколько вызывающей по отношению к аскетизму 40-х гг., подчеркивала динамику и многоцветье эпохи.

Помимо моды на дешевую пластмассу, украшения создаются из других различных доступных материалов, воплощая во внутренней форме идею протеста против упорядоченного и устоявшегося мира. Это направление возникло на Западе в культуре хиппи в конце 60-х гг. Общеизвестно, что в итоге появился стиль жизни хиппи, охватывающий все сферы жизнедеятельности, а не только внешний вид. Идея стиля была вызвана намерением отказаться от всего, что символизировало буржуазные ценности, и была продиктована чувством вины перед обделенными жизненными благами слоями и целыми народами. Протест против половой дискриминации породил нарочито бесполовую одежду стиля «унисекс/юнисекс» (англ. «unisex»), сочетавшуюся с нарочитой небрежностью (одежда, производящая впечатление старой, «с чужого плеча»). Костюм становится одинаковым для всех, лишаясь отчасти полового признака, в этом контексте украшения также отчасти теряют половую дифференциацию. Бусы, цепочки, браслеты входят в мужскую моду. Прежде бывшие типично мужскими или типично женскими украшения перестают быть типично мужскими или типично женскими [12. С. 206]. Таким примером могут служить

ремни, пряжки, булавки, шейные платки, шарфы, которые вальсируют от мужской моды в женскую моду и обратно. Нужно отметить, что свое слово здесь говорят и новые технологии, которые могут влиять на моду. Желание напомнить о возможных конфликтах в жизни вызвало моду на рваные джинсы и нарочито небрежные украшения, сочетающие различные природные материалы и словно устаревшие выброшенные предметы (брелки, детские игрушки, ленточки). Насыщают европейскую и американскую моду украшения с подчеркнутыми этническими элементами, которые должны напомнить о богатых традициях культуры Африки, Индии, племенах американских индейцев (рис. 9). Это явно коррелирует с идеями борьбы за человеческое существование экономически отсталого населения планеты. «Дети цветов» невольно стали «родителями» этностиля, фолк и ретро-стиля, которые в 60-е гг. начинают выходить на модные подиумы.

Наступает момент, когда бижутерия после революционного обретения новых форм, цвета, материалов и технологий начинает развиваться сразу во всех направлениях.

Это бижутерия на основе имитации (сваровски, цветочки, стразы). В качестве особой фактуры появляются имитации чешуек, а количество стразов на костюме заставляет вспоминать о цирковых представлениях и театральных выступлениях. Граница между партером и сценой словно исчезает. На наш взгляд – это кульминация идеи имитации, граничащая с карнавальным раскрепощенностью, но в повседневной жизни оборачивающаяся в ряде случаев безвкусицей.

Это фантазийная бижутерия с использованием сочетаний различных материалов, с акцентом на художественную образность, что способствует формированию уникальной элитарной бижутерии, стоимость которой вполне соотносима со стоимостью традиционных ювелирных украшений.

Таким образом, 80-е гг. XX в. ознаменованы смешением различных направлений в бижутерии, но все больше доминирует бижутерия, которая не имитирует, а выявляет особенности материала, особенно в этнографическом стиле. Многочисленные броши из бересты или дерева, бусы из стекла, браслеты из каучука в сочетании с металлом, бисерные украшения – все они сочетались с костюмом, создавая единый образ, иногда уходя на второй план, иногда, наоборот, главенствуя над платьем.

Рис. 1. Ганс Гольбейн Младший, Портрет Генриха VIII, на costume которого можно видеть обильно декорированные пуговицами рукава и центральную нагрудную часть.

Рис. 2. Коллекция серебряных штампованных брошей конца XIX в., на которых изображены мотивы подков, сердечек и надписи имен. Броши этого периода небольшие, носили их сразу по несколько одновременно. Броши отражают культурную ситуацию конца века. Прослеживается тенденция в формообразовании: это простые формы круга, полосы или перекладины, впервые появившиеся в 1890-х гг. из простых цветочков, формы – сердечки. Такая специфика может говорить о половозрастной функции украшений, то есть броши носили молодые девушки, стремящиеся поведать о своей любви, надевая, например, броши в виде сердец или брошь с именем любимого. Очень популярен был девиц «Mizpah», что в переводе означает – «я всегда буду рядом с тобой», душевные украшения, со смыслом (значением) и предназначались так же для любимых.

Рис. 3. Викторианская поясная (крупная) брошь 1890–1900-е гг.

Рис. 4. Шейный обруч. Из итальянской коллекции Френка Хисса. 1944 г.

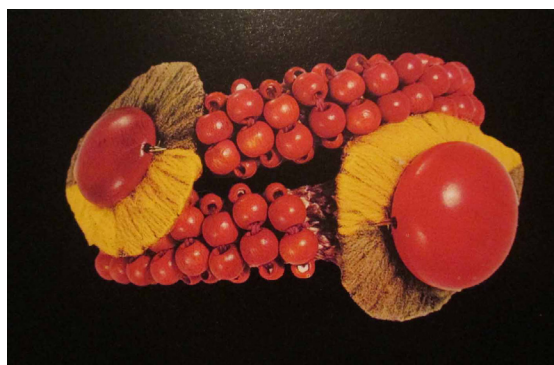
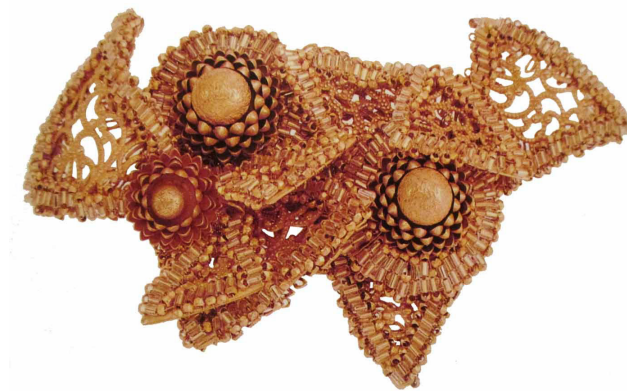

Рис. 5. Бижутерия, 1925–1930 гг. Френк Хисс. Шерстяные нитки, пластмасса, цветные деревянные бусины.

Рис. 6. Украшение костюма филигранным узором, выполненное из бисера, металлическими вставками, имитирующими золото, 1960 г.

Рис. 7. Из украшений 1960-х гг. XX в. актуальной была множественная пластмассовая бижутерия. В данном случае это пуговицы, браслет, бусы и клипсы, выполненные в единой цветовой гамме.

Рис. 8. Из коллекции Диор, 1962–1964 гг., верх платья обильно вышит стразами в металлических оправках.

Рис. 8а. Из коллекции Диор, 1962–1964 гг., верх платья и поясная часть декорированы объемными тканевыми и стеклянными бусинами и клеевыми стразами.

Рис. 9. Культура «хиппи» обладала ярко выраженной символикой и атрибутикой. Характерными особенностями костюма было внедрение этнических элементов, таких как орнаменты, плетеные «фенечки».

В современном мире мода на элитарное и массовое взаимодействуют друг с другом. Многие подиумные вещи не трансформируясь, уходят в массовое производство. Бижутерия, зачастую возникнув в массовом производстве, занимает важное место в элитарной и подиумной моде.

Задача, которую в качестве основной поставил XX в. – выявление ценности индивидуальной личности – парадоксальным образом противоречит тенденции на повторение и единообразие массового производства. Но избежать массового производства в принципе невозможно, если целенаправленно стремиться к повышению жизненного уровня всего населения [16. С. 413]. И тогда доступная, но имеющая большой потенциал к многообразию бижутерия будет работать на демонстрацию границ индивидуальности, не препятствующей проявлению индивидуальностей другим людям. Именно бижутерия становится многогранной или даже многоликой, позволяющей создать индивидуальный мир для единицы, выделяя ее из массы или же, наоборот, с легкостью влиться в толпу, став как все. «Границей универсального порядка существования служит свобода индивида, который должен своими силами создавать то, чего никто его лишить не может», – этими словами Ясперса о значении индивидуальности и способах ее воплощения [19. С. 309] можно завершить рассуждения о массовых украшениях – бижутерии – и их переменчивой судьбе в истории культуры.

Список литературы

1. Арнольдов, А. Культура, человек и картина мира / А. Арнольдов, В. Кругликов. – М.: Наука, 1987.
2. Беннетт, Д. Ювелирное искусство: иллюстрированный справочник по ювелирным украшениям / Д. Беннетт, Д. Маскетти. – М., 2005.
3. Береговая, О. В. Украшения костюма: мода и технологии / О. В. Береговая // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 186–198.
4. Береговая, О. В. Функции и типология костюмных украшений: история и современность / О. В. Береговая // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 55, № 15. – С. 119–128.
5. Бреполь, Э. Теория и практика ювелирного дела / Э. Бреполь. – Омск: Дедал-Пресс, 2000.
6. Ванюшова, Р. А. Ювелирные изделия. Иллюстрированный типологический словарь / Р. А. Ванюшова, Б. Г. Ванюшов. – СПб., 2004.
7. Демченко, А. И. Мировая художественная культура как системное целое / А. И. Демченко. – М.: Высшая школа, 2010.
8. Захаржевская, Р. В. История костюма: от античности до современности / Р. В. Захаржевская. – М.: Рипол классик, 2005.
9. Козловский, М. Т. Амальгамы и их применение / М. Т. Козловский, А. И. Зебрева, В. П. Гладышев. – Алма-Ата: Наука, 1970.
10. Мировое искусство. Направления и течения от импрессионизма до наших дней. – М.: СЗКЭО Кристалл, 2006.
11. Мерцалова, М. Н. Костюм разных времен и народов : в 4 т. / М. Н. Мерцалова. – М.: Академия Моды, 1993. – Т. 1.
12. Неклюдова, Т. П. История костюма / Т. П. Неклюдова. – Ростов н/Д., 2004.
13. Новиков, В. Ручное изготовление ювелирных украшений / В. Новиков, В. Павлов. – Л., 1991.
14. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет, 1991. – М.: АСТ, 2008.
15. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 218–260
16. Силинг, Ш. Мода. 150 лет. Кутюрье. Дизайнеры. Марки / Ш. Силинг. – М.: АСТ, 2011.
17. Шварков, А. В. Роль металлических украшений как формообразующих элементов в костюме XX-начала XXI вв. Традиции и новаторство : дис. ... канд. искусствоведения / А. В. Шварков. – СПб., 2007. – 166 с.
18. Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
19. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.
20. Cera, D. F. The jewels of Miriam Haskell. – Milan: Antique Collectors Club, 1997.

Сведения об авторе

Береговая Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства, Институт изобразительного искусства, Уральская государственная архитектурно-художественная академия (г. Екатеринбург, Россия).

olga3028@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).

Philology. Arts. Issue 96. Pp. 127–141.

**THE CREATIVITY IN COSTUME JEWELRY OF THE XX CENTURY
IN CONNECTION WITH ITS REPLICABILITY**

O. V. Beregovaya

Senior Lecturer in Arts and Crafts, Fine arts Institute, Ural State Academy of Architecture and Arts.

olga3028@mail.ru

This work highlights new trends identified in costume jewellery in the XX century. The impact and possibilities of diverse technologies in different stages, which allow one to create new artistic styles in the mass art jewelry, are considered and analyzed. The applicability of terms of “jewelry”, “imitation”, and “creativity” is discussed. During our work, the role of jewelry in creating a costume in the XX century and its importance for a costume ensemble fabrication has been revealed.

Keywords: *popular costume jewelry, fashion jewelry, creativity, consumer attractiveness, imitation jewellery, replicability, elite jewelry, costume ensemble.*

References

1. Arnol'dov A. *Kul'tura, chelovek i kartina mira* [Culture, people and world view]. Moscow, Nauka Publ., 1987. (In Russ.).
2. Bennett D. *Juvelirnoe iskusstvo: illjustrirovannyj spravocnik po juvelirnym ukrashenijam* [Jewelry Art: an illustrated guide to the jewelry]. Moscow, 2005. (In Russ.).
3. Beregovaja O.V. *Ukrasheniya kostjuma: moda i tehnologii* [Costume Jewellery Fashion Technology]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 2. Humanities], 2011, no. 3, pp. 186–198. (In Russ.).
4. Beregovaja O.V. *Funkcii i tipologija kostjumnyh ukrashenij: istorija i sovremennost'* [Functions and typology of costume jewelry: History and Modernity]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 2. Humanities], 2008, vol. 55, no. 15, pp. 119–128. (In Russ.).
5. Brepol' Je. *Teorija i praktika juvelirnogo dela* [Theory and practice of jewelry]. Omsk, Dedal-Press Publ., 2000. (In Russ.).
6. Vanjushova R.A. *Juvelirnye izdelija. Illjustrirovannyj tipologicheskij slovar'* [Illustrated Dictionary typological]. Saint Petersburg, 2004. (In Russ.).
7. Demchenko A.I. *Mirovaja hudozhestvennaja kul'tura kak sistemnoe celoe* [World art culture as a systemic whole]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 2010. (In Russ.).
8. Zaharzhetskaja R.V. *Istorija kostjuma: ot antichnosti do sovremennosti* [Costume history from antiquity to modern times]. Moscow, Ripol klassik Publ., 2005. (In Russ.).
9. Kozlovskij M.T. *Amal'gamy i ih primenenie* [Amalgam and their application]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1970. (In Russ.).
10. *Mirovoe iskusstvo. Napravlenija i techenija ot impressionizma do nashih dnei* [World Art. Directions and trends from impressionism to the present day]. Moscow, SZKJeO Kristall Publ., 2006. (In Russ.).
11. Mercalova M.N. *Kostjum raznyh vremen i narodov* [Suit different times and peoples], vol. 1. Moscow, Akademija Mody Publ., 1993. (In Russ.).

12. Nekljudova T.P. *Istorija kostjuma* [History of Costume]. Rostov-on-Don, 2004. (In Russ.).
13. Novikov V. *Ruchnoe izgotovlenie juvelirnyh ukrashenij* [Handmade jewelry]. Leningrad, 1991. (In Russ.).
14. Ortega-i-Gasset H. *Vosstanie mass* [Revolt of the Masses]. Moscow, AST Publ., 2008. (In Russ.).
15. Ortega-i-Gasset H. Degumanizacija iskusstva [Dehumanization of Art]. *Filosofija kul'tury* [Philosophy of Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. Pp. 218–260. (In Russ.).
16. Siling Sh. *Moda. 150 let. Kutjur'e. Dizajnery. Marki* [Fashion. 150 years. Couturier. Designers. Stamps]. Moscow, AST Publ., 2011. (In Russ.).
17. Shvarkov A.V. *Rol' metallicheskih ukrashenij kak formoobrazujushhih jelementov v kostjume XX-nachala XXI vv. Tradicii i novatorstvo* [Role of metal ornaments as the formative elements in the costume XX-beginning of XXI century. Tradition and innovation]. Saint Petersburg, 2007. 166 p. (In Russ.).
18. *Filosofija: Jenciklopedicheskij slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Gardarika Publ., 2004. 1072 p. (In Russ.).
19. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. (In Russ.).
20. Cera D.F. *The jewels of Miriam Haskell*. Milan, Antique Collectors Club, 1997.

УДК 74.01/.09
ББК Щ85

М. А. Лейдекер

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АВТОРСКОЙ КУКЛЫ И ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ

Рассматриваются вопросы современной художественности, проявляющейся в авторской кукле как произведении искусства. К сфере художественного авторскую куклу позволяет отнести воплощение в ней уникального художественного образа. Подчеркивая равноправие авторской художественной куклы и произведений классических видов искусства, автор статьи составляет схему анализа и интерпретации авторской художественной куклы.

Ключевые слова: авторская кукла, художественность, современное искусство, современная эстетика.

Невероятно популярная в последнее время авторская кукла является предметом полемики в среде искусствоведов. Некоторые не воспринимают этот вид творчества всерьез, предвзято относясь к нему как дамскому рукоделию. При этом ни авторов, ни коллекционеров нет нужды убеждать в том, что авторская кукла может быть настоящим художественным произведением. В термине «авторская художественная кукла» ключевой категорией, позволяющей рассматривать объект как произведение искусства, является именно художественность.

Художественность – эстетическая категория качества того или иного произведения, определяющая его принадлежность к области искусства. «Для художественности, – подчеркивает И. Б. Роднянская, – существен признак завершенности и адекватной воплощенности творческого замысла, того “артистизма”, который является залогом воздействия произведения на читателя, зрителя, слушателя»¹. Не стоит путать художественность с другими эстетическими категориями, например с категориями прекрасного и безобразного, с которыми она связана весьма опосредованно. И безобразное, и прекрасное являются неотъемлемой частью жизни и сущности человека. Прекрасное – эстетическая категория, наиболее полно характеризующая традиционные эстетические ценности. Прекрасное нельзя отождествлять ни с красивым, ни с художественным, ни с эстетическим. Эстетическое шире прекрасного. В современном эстетическом знании понятие красивого принято связывать с внешними, чувственными качествами предмета. Прекрас-

ное же всегда внутренне красиво. Красота характеризует предметы с их внешней, не всегда существенной стороны. Прекрасное связано с глубоким содержанием и совершенной формой².

С категорией художественности непосредственно связано и понятие «художественное произведение» (произведение искусства), и «художественный образ». Художественное произведение – продукт художественного творчества, в котором в чувственно-материальной форме воплощен замысел его создателя-художника, а также продукт, который отвечает определенным категориям эстетической ценности³. Однако стоит особенно отметить, что категории эстетической ценности в ситуации современной культуры весьма неоднозначны, о чем будет сказано ниже.

Любое произведение искусства, в том числе и авторскую художественную куклу, характеризует присутствие в нем художественного образа. В самом широком смысле художественный образ – всеобщая категория художественного творчества, форма истолкования и освоения мира с позиции определенного эстетического идеала, путем создания эстетически воздействующих объектов. Художественным образом также называют любое явление, творчески воссозданное в художественном произведении⁴. Художественный образ – это образ искусства, который создается автором художественного произведения с целью наиболее полно раскрыть описываемое явление действительности. В то же время смысл художественного образа раскрывается лишь в определен-

ной коммуникативной ситуации, и конечный результат такой коммуникации зависит от личности, целей и даже сиюминутного настроения столкнувшегося с ним человека, а также от конкретной культуры, к которой он принадлежит. Поэтому нередко по прошествии одного или двух веков с момента создания произведения искусства оно воспринимается совсем не так, как воспринимали его современники и даже сам автор⁵.

Понятие «художественность» в современной ситуации крайне неоднозначно. XX в. ознаменован множеством открытий в области творчества. Появление и бурное развитие некоторых из них выявили значительный художественно-творческий потенциал искусства, расширение его видового, жанрового и стилового разнообразия, то есть изменение не только границ художественности, но и самого феномена художественности как такового. В XX в. появившиеся произведения зрители не всегда оценивают как художественные, в отличие от самих авторов, критиков и других агентов мира искусства. В современных эстетических теориях прослеживается смещение предмета исследования, и важнейшую роль в этом играет само искусство. Если традиционная эстетика концентрировала внимание преимущественно вокруг проблемы прекрасного и в основном понималась как философия красоты, эстетизируя и сущность искусства, то современные теории пытаются противопоставить себя классической эстетике, в качестве философии нового искусства. Не случайно сегодня в эстетических исследованиях все большее внимание обращают на реальную практику искусства и новый художественный опыт, а сами художники сопровождают свои творения теоретическими изысканиями, пытаясь тем самым обосновать возможность нового видения окружающего мира. Однако, многообразие форм и неоднозначность восприятия художественного процесса, наблюдаемые в различных видах и направлениях искусства, ставят проблему уточнения его специфики. Сохраняется ли возможность назвать все объекты искусства художественными? Изменяется ли – и если да, то как – сама художественность?

Е. В. Рубцова в своей работе «Историчность парадигм искусства и проблема современной художественности» предлагает учитывать историческую изменчивость самого искусства и самих представлений о нем. Автор утверждает, что сама категория «художественность»

по-прежнему используется как в своем классическом, традиционном варианте по отношению к произведениям прошлого, так и для оценки современных художественных объектов. Сегодня художественная ситуация сложна и многообразна и не дает возможности определить художественность на значимой основе применительно к искусству второй половины XX – начала XXI в.

Особенность существования современного мира искусства такова, что понятия, используемые для рассуждения об артефактах творчества, характеризуются высоким уровнем неопределенности, что делает их невосприимчивыми к определениям, не учитывающим исторический аспект существования искусства. В современном искусстве, по мнению Е.В. Рубцовой, категория художественности признается универсальной, но не как проекция сущности искусства, а как проекция его реального исторического развития и функционирования, которые определяются в своем конкретном существовании по-разному, в зависимости от социокультурного контекста. Представив развитие искусства через смену парадигм, автор полагает художественность не сущностью искусства, которая задана раз и навсегда, а феноменом историческим, изменяющимся, но раскрывающим особенности существования искусства в различных социально-исторических контекстах. Выделяются четыре парадигмы, охватывающие историческую типологию существования искусства, обозначенные как: внеэстетическая, эстетическая, художественная, постхудожественная.

В рамках каждой парадигмы искусства является своеобразное понимание художественности. Внеэстетическая парадигма понимает искусство, например, как мимезис – подражание миру. Эстетическая парадигма, эстетизируя искусство, трактует его, к примеру, как созидание прекрасного. Художественная, предлагая теорию «искусства для искусства», исходит из идеи «художественного искусства». Но возможности этих парадигм, несмотря на их вариативность, оказались ограниченными в условиях нового социокультурного контекста, появления постмодернизма и неклассической эстетики. В этой ситуации во второй половине XX в. внимание исследователей было направлено на спецификацию новых условий существования художественности. Акцентировалось внимание как на исторически изменчивых условиях существования самого искусства, так

и на меняющихся содержательно категориях, с помощью которых анализируются и оцениваются художественные объекты⁶.

Новые виды искусства, особенно относящиеся к акционизму, закономерно заставляют пересмотреть традиционные представления о художественности: искусство провозглашает собственную открытость окружающему миру, используя все его объекты и процессы в качестве материала для творений. Современная художественная ситуация предполагает одновременно альтернативный и универсальный характер «постхудожественной» парадигмы, признающей множественность смыслов и, как следствие, дефиниций и теорий.

Альтернативный характер современной художественной стратегии проявляется в стремлении противоречить многим традиционным представлениям о творчестве, художественной профессии, мастерстве, индивидуальности, духовности, и вообще всем предполагаемым ценностям и функциям «высокого» искусства. В рамках новейшей парадигмы существуют различные, но равнозначные подходы к искусству, и, более широко, к творчеству вообще. Представив современную парадигму искусства как «постхудожественную», исследователи признают ее принципиально иной, нетрадиционный характер: она полностью исключает из ряда признаков художественности нормативность⁷, тем самым открывая авторам широчайшее поле для творчества. Самый яркий пример тому – включение авторских кукол в сезонные выставки в Союзе художников наряду с произведениями живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства.

Такие признаки художественности нового типа, как парадоксальность, процессуальность, провокативность являются не жесткими критериями, а свойствами, существующими наряду с другими. В искусстве второй половины XX в. принцип *парадокса* становится одним из ведущих: непредсказуемы и сами элементы произведений, и их связи, и конструкция в целом. Так, свидетельством парадоксальности современного искусства является популярное направление в авторской кукле – появление авторских игровых кукол. Парадокс заключается в том, что современная авторская кукла в целом близка мелкой скульптурной пластике. Обычно она жестко закреплена на подставке и не предполагает непосредственного манипуляционного взаимодействия с собой. Авторская игровая кукла, напротив, изначально создается как имеющая

игровой потенциал и могущая участвовать в играх (это особенно касается текстильной и шарнирной куклы), однако образность зачастую не предполагает адресацию детской аудитории, а цена и ориентированность на экспонирование в галерее или покупку взрослым коллекционером заставляют вступать в некое противоречие форму и содержание объекта. Подходящая по форме для игры кукла, на деле оказывается произведением искусства, с преобладающей чисто эстетической функциональностью.

Понятие *процессуальности* отражает смещение акцентов, произошедшее в современном искусстве, с самого объекта на процесс его создания или восприятия. Произведение перестало восприниматься как «автономная сущность», как «мир-в-себе» и «мир-для-себя», и начало рассматриваться как результат коммуникативного акта, вовлекающего в себя не только объект/процесс, но и его производителя (художника) и потребителя (воспринимающего/зрителя). Именно в современной художественной ситуации авторская кукла стала невероятно популярна. Она, воспринимается как объект и персонаж одновременно. С одной стороны, кукла как объект вызывает непосредственное желание взаимодействовать с ней: повертеть в руках, подвигать конечности, рассмотреть и потрогать детали костюма. С другой стороны, кукла – всегда персонаж, она вовлекает зрителя еще и в более сложное взаимодействие уже на внутреннем уровне: каждый человек при взгляде на куклу невольно наделяет ее характером, эмоциями и историей жизни, ситуациями, в которых ее личностные особенности могли бы раскрыться, начиная воспринимать ее уже не как объект, а субъект взаимодействия. Неотъемлемой частью образа куклы является ее имя, что еще раз указывает на субъект-субъектные отношения зрителя и работы кукольника. Такое взаимодействие произведения и аудитории не характерно для других пространственных видов искусства, где преобладают субъект-объектные отношения. Не удивительно: редко кому приходит в голову наделять индивидуальным именем и характером шкаф или стол, пусть даже они и высокохудожественны. Создание кукольного произведения, как и его восприятие – это взаимодействие с предметом на совершенно новом уровне. Это одновременно создание предмета и персонажа, виртуальной личности, которая неизбежно вовлекает зрителя во взаимодействие-игру, пусть даже и умозрительную.

Провокативность современной художественности связана с выявленной тенденцией отказа от нормативности: нарушением общепринятых табу, как социальных, так и художественных.

И эта тенденция современного искусства также в полной мере находит свое отражение в авторской кукле. Традиционным является представление о кукле как собирательном женском образе, идеале красоты определенной эпохи. Современная авторская художественная кукла может как воплощать этот идеал в гипертрофированном виде (куклы сестер поповых, или Марины Бычковой), так и отражать полную его противоположность. Куклы-монстры Аманды-Луизы Спейд тому лучшее доказательство. Работы этого автора – синтез эстетики безобразного, нашедшей такое широкое применение в современном искусстве, и современных гуманистических представлений о физической красоте и совершенстве как обязательном для счастливой жизни и гармоничного развития факторе. Ее работы призывают зрителя задуматься о важности красоты как эстетической категории, помогают понять, что красота – понятие крайне относительное и субъективное.

Как уже было отмечено, теоретики и философы искусства уже давно перестали отождествлять художественные и эстетические ценности. Эстетические ценности понимаются исследователями узко и связаны с одной стороны, с непосредственно воспринимаемыми (чувственными или структурными) особенностями произведения, с другой стороны – с вызываемым этим произведением эстетическим переживанием. Специфические ценности произведения искусства, то есть художественные ценности, не могут быть, по их мнению, сведены к узко понимаемым эстетическим ценностям. Как правило, эстетические ценности (в случае с неоавангардистскими произведениями это не обязательно) являются одним из компонентов художественной ценности, создаваемой также и другими свойствами произведения (познавательными, философскими, новаторскими и т. п.)⁸.

Необходимо отметить, что в последнее время все более сильными в искусствоведении и художественной критике можно считать тенденции конвенционализма. Проще говоря, искусством называют то, что договорились так называть. Объективных критериев определения художественной ценности современно-

го произведения сейчас нет. На первый план в данном случае выступает художественный критик, галерист или куратор выставки. То, что он лично, исходя из своего жизненного опыта, эстетического чутья, образования и эрудированности, посчитает достойным внимания произведением искусства, то этим произведением и станет. Ирония ситуации заключается в том, что один и тот же объект, помещенный в разные контексты, сегодня может быть и простым бытовым предметом, и мусором, и произведением искусства. Эти тенденции косвенно затрагивают и сферу авторской художественной куклы. Как уже было отмечено ранее, зачастую отнесение того или иного объекта классу кукол может часто быть весьма условным. В качестве примера можно привести простое противоречие: почему работы Ханса Беллмера называют сюрреалистическими куклами, а братьев Джейка и Диноса Чепменов – скульптурами.

Признаков современной художественности выделяется множество, но, в сущности, по мнению автора настоящей работы, продукт творчества только тогда будет художественным произведением, когда он является полноценным высказыванием автора, в полной мере реализует поставленные художественные задачи. В зависимости от эстетической парадигмы, в которой работает автор, это может быть и ориентация на новизну, нестандартность и оригинальность решения, свежесть авторской трактовки традиционного сюжета, иногда даже стремление шокировать зрителя, и опора на вечные эстетические ценности, – поставленных художественных сверхзадач может быть множество. Однако, прежде всего, произведение искусства должно вызывать эмоциональный отклик. Если такового не имеется, то произведение не состоялось. В любом из случаев, апеллирует ли работа непосредственно к эмоциям зрителя, или через разум должна в процессе рефлексии вызвать эмоциональную реакцию на остроумное художественное высказывание, задача всегда одна – не оставить зрителя безразличным и равнодушным. Если поставленная задача (вне зависимости от того, какую именно задачу ставил художник в конечном итоге: шокировать, умилить, вызвать эстетическое удовольствие, отвращение или негодование) не решена – работа не состоялась как художественный артефакт. Вот почему так сложно сказать, является ли тот или иной объект произведением искусства: невозможно вывести единственно правильные, подходящие

для любой ситуации и произведения критерии художественности. По сути, представление о художественности работы напрямую зависит от зрителя, его эмоциональной реакции на произведение и его зрительского опыта.

Несмотря на то, что художественность – категория, не регламентированная достаточно четко, ее наличие обязательно для рассмотрения авторской куклы как произведения искусства, что подчеркнуто в самой терминологии «авторская художественная кукла». По мнению Б. П. Голдовского, «художественная кукла – явление художественной культуры, особый жанр искусства (в США называется фигуративной скульптурой), самоценный художественный объект, близкий станковой и малой скульптуре, с родовыми чертами куклы»⁹. Таким образом, именно художественность можно назвать сущностной характеристикой авторской куклы, тем, что отличает ее от поточных изделий и от результатов хобби-творчества кукольников-любителей. По своей сути авторская кукла – не только персонаж, манекен в эстетичном и грамотно сшитом костюме, но прежде всего гармоничное произведение, где материал и технико-технологические приемы его создания – это форма, а художественный образ – содержание и цель проведенной работы.

Авторская художественная кукла, как уже было сказано, – синтетический вид искусства, включающий элементы скульптуры, живописи, дизайна костюма, декоративно-прикладного искусства. Соответственно, в арсенале выразительных средств, создающих художественный язык куклы, великое множество техник и приемов. В авторской кукле, органически связанной с декоративно-прикладным искусством материал зачастую диктует образность, а образ – в свою очередь – материал. От выбора материалов, их грамотного использования и наиболее подходящего для воплощения авторского замысла сочетания зависит успешность воплощения художественного образа будущей куклы, ее художественная ценность.

Для анализа и интерпретации авторской куклы как художественного произведения автором настоящей статьи была разработана и применена в ходе занятий со студентами по курсу «Анализ и интерпретация произведений искусства» схема анализа авторской куклы. За основу был взят список параметров качества исполнения авторской куклы, предложенный членами Национального института американ-

ских художников-кукольников NIADA¹⁰. Схема была доработана автором в соответствии с классической схемой анализа любого произведения искусства. Она включает следующие параметры.

1. Автор, название, материал, размер, год.
2. Тема / сюжет // иконография образа.
3. Особенности авторской трактовки образа.
4. Художественное своеобразие:
  - 4.1. пропорции/масштаб;
  - 4.2. анатомия, лицо;
  - 4.3. композиция;
  - 4.4. движение (логическая и убедительная пластика персонажа, гармоничное расположение фигуры в пространстве композиции);
  - 4.5. ритмическая организация, сочетание фактур/рисунков (узоров);
  - 4.6. колористические особенности;
  - 4.7. концепция костюма;
  - 4.8. использование/качество аксессуаров;
  - 4.9. подставка / мебель / постамент.
5. Пробуждение эмоционального отклика у зрителя (логика в подборе элементов и законченность образа; гармония, привлекающая внимание и заинтересовывающая зрителя).

6. В чем уникальность куклы, специфика авторской техники.

7. Вывод о том, какую цель ставил художник при создании данного произведения, какую хотел воплотить идею, удалось ли ему это.

Подводя итог разговора о художественности, стоит еще раз подчеркнуть, что, несмотря на то, что художественность – есть суть авторской куклы, жестких критериев, позволяющих ее определить нет и не может быть. Искусствоведы, и в частности Б. П. Голдовский, отмечают, что «они [критерии], конечно, есть, но все они субъективны, потому что оценку дают люди, живущие в то или иное время, в той или иной среде, получившие то, или иное воспитание. Они мерило ценности произведения искусства. Они создатели, критики и потребители. Вся история человечества в какой-то степени была посвящена выработке этих критериев: гармония, композиция, эмоциональное воздействие, метафоричность, наличие художественного образа»¹¹.

Примечания

¹ Рубцова, Е. В. Историчность парадигм искусства и проблема современной художественности : дис. ... канд. филос. наук / Е. В. Рубцова. – Екатеринбург, 2004. – С. 7.

² Рубцова, Е. В. Историчность парадигм искусства и проблема современной художественности. – С. 73.

³ Академик: словари и энциклопедии. – URL:http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/31325. – Дата обращения: 13.01.2015.

⁴ Там же.

⁵ Бычков, В. В. Эстетика : учебник / В. В. Бычков. – М.: Гардарики, 2004. – С. 267.

⁶ Там же. – С. 191.

⁷ Там же. – С. 193.

⁸ Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века – антиэссенциализм, перцептуализм, институ-

ционализм : антология / под ред. Б. Демидока, Б. Орлова. – Екатеринбург: Деловая книга, 1997. – С. 27.

⁹ Голдовский, Б. П. Художественные куклы. Большая иллюстрированная энциклопедия / Б. П. Голдовский. – М.: Дизайн Хаус, 2009. – С. 137.

¹⁰ Баева, Т. Взгляд на работу. Критерии оценки авторской куклы / Т. Баева // Прокуклы. – 2009. – № 1 (1) – С. 7.

¹¹ Голдовский, Б. П. Авторская кукла как произведение искусства / Б. П. Голдовский // Прокуклы. – 2010. – № 2 (2). – С. 16.

Сведения об авторе

Мария Алексеевна Лейдекер – аспирант кафедры художественного образования и декоративного искусства Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

masha_leideker@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 142–148.*

THE ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE ART-DOLL AND MATTERS OF ARTISTRY IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY AESTHETICS

M. A. Leydeker

*Postgraduate of the Department of Art Education and decorative arts of the Russian State
Pedagogical University named after A. I. Herzen. masha_leideker@mail.ru*

The article deals with the issue of modern artistry which manifests itself in art-doll as a work of art. The art-doll can be attributed to the sphere of art by the embodiment of the unique artistic image. Epy author of the paper emphasizes the equality of art-dolls and pieces of classical kinds of art and creates a scheme for analysis and interpretation of art-dolls.

Keywords: *art-doll, artistry, contemporary art, modern aesthetics.*

References

¹ Rubcova E.V. *Istorichnost' paradigm iskusstva i problema sovremennoj hudozhestvennosti* [The historicity of the paradigms of art and the problem of contemporary art]. Ekaterinburg, 2004. P. 7. (In Russ.).

² *Ibid*, p. 73. (In Russ.).

³ *Akademik: slovari i jenciklopedii* [Academic dictionaries and encyclopedias]. Available at: URL:http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/31325, accessed 13.01.2015. (In Russ.).

⁴ *Ibid*. – Available at: URL:http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4956/, accessed 13.01.2015. (In Russ.).

⁵ Bychkov V.V. *Jestetika* [Aesthetics]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. P. 267. (In Russ.).

⁶ *Ibid*, p. 191. (In Russ.).

⁷ *Ibid*, p. 193. (In Russ.).

⁸ *Amerikanskaja filosofija iskusstva: osnovnye koncepcii vtoroj poloviny XX veka-antijessencializm, perceptualizm, institucionalizm* [The US philosophy of art: the basic concept of the second half of the twentieth century – antiessentialsializm, pertseptualizm, institutionalism]. Ekaterinburg, Delovaja kniga Publ., 1997. P. 27. (In Russ.).

⁹ Goldovskij B.P. Hudozhestvennye kukly [Art dolls]. *Bol'shaja illjustrirovannaja jenciklopedija* [Big illustrated encyclopedia]. Moscow, Dizajn Haus Publ., 2009. P. 137. (In Russ.).

¹⁰ Baeva T. Vzgljad na rabotu. Kriterii ocenki avtorskoj kukly [Looking for work. Evaluation criteria dolls]. *Prokukly* [About puppets], no. 1 (1), 2009, p. 7. (In Russ.).

¹¹ Goldovskij B.P. Avtorskaja kukla kak proizvedenie iskusstva [Dolls as art]. *Prokukly* [About puppets], no. 2 (2), 2010, p. 16. (In Russ.).

«ВЕЛИКИЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ»: О ХОРОВОМ НАСЛЕДИИ БРУНО МАДЕРНЫ

Статья преследует своей целью частично восполнить пробел в изучении наследия одного из ярчайших композиторов середины XX в. Бруно Мадерны (1920–1973), незаслуженно преданного забвению в отечественном музыкознании. Как представитель дармштадской школы Мадерна явился одним из основных наследников новой венской школы. Вместе с тем особый интерес композитора к хоровому творчеству связан с национальными традициями итальянской музыки. Изучение хоровых произведений Бруно Мадерны позволяет сделать вывод о значительном вкладе мастера в становление новейшей итальянской хоровой композиции: в частности, идейный мир Мадерны и специфика его музыкального языка оказали влияние на Луиджи Ноно – значительнейшего мастера итальянской хоровой музыки второй половины XX века.

Ключевые слова: современная музыка, хоровая фактура, тембровые эксперименты, Дармштадтская школа, *Klangfarbenmelodie*, Б. Мадерна, Ф. Гельдерлин, Л. Ноно.

Творчество Бруно Мадерны (1920–1973) – одного из выдающихся представителей итальянского послевоенного музыкального авангарда – в нашей стране известно далеко немногим. Даже в среде музыкантов-профессионалов имя этого композитора в большей степени ассоциируется с определенными страницами биографий Луиджи Ноно и Лючано Берио, а также с интенсивной дирижерской деятельностью, результатом которой явились десятки дармштадтских премьер новейших европейских сочинений. Собственно композиторское наследие Б. Мадерны долгое время оставалось в тени творчества его младших современников, несмотря на то что именно Бруно Мадерне вместе с его учителем Джан Франческо Малипьеро принадлежала особая роль в становлении нового поколения итальянских композиторов, представленного именами Л. Ноно, Л. Берио, Ф. Эванджелисти, С. Буссотти, Ф. Донатони. Будучи всего на несколько лет старше своих коллег, он воспринимался ими не только как товарищ по музыкальному цеху, но и как наставник, обладавший несомненным авторитетом. Не случайно, что даже столь отличные друг от друга по эстетическим установкам Ноно и Берио обрели в лице Мадерны мудрого друга, чьим мнением они особо дорожили.

Мадерна, рано сформировавшийся как музыкант, развивался очень интенсивно. Уже в 1940-е гг. он создает сочинения, в который ярко заявляет о себе его индивидуальный стиль (среди них «Струнный квартет», «Реквием»,

вокальный цикл «Стихотворения Верлена»). В начале 1950-х гг. Б. Мадерна, как и Л. Ноно, приходит к созданию ангажированных сочинений, однако, в отличие от своего младшего друга, преодолевает этот период очень быстро, обращаясь уже в середине 1950-х гг. к интенсивным экспериментам с электроникой. В 1960-е гг. все творчество Б. Мадерны сосредотачивается вокруг романа Ф. Гельдерлина «Гиперион», ставшего для него не столько сюжетной, сколько идейной базой, по-новому высветившей популярную в XIX в. идею конфликта Художника и Общества. По сути, все поздние музыкальные сочинения Мадерны так или иначе связаны с «Гиперионом», который явился не отдельным музыкально-драматическим произведением, а огромным проектом, связавшим воедино несколько самостоятельных сочинений различных жанров. Нечто подобное в 1980-е гг. происходило и в творчестве Ноно, работавшего в этот период над грандиозной «трагедией слышания» («tragedia dell'ascolto») «Прометей»*. При этом, прослеживая связь между творчеством Мадерны и Ноно, с удивлением замечаешь, что их путь во многом схож, отличаясь лишь скоростью прохождения его основных этапов. Если для осознания эстетического тупика политического ангажмента Ноно потребовалось более 20 лет, то ангажированный период Б. Мадерны продлился меньше

* Напомним, два знаменитых сочинения Л. Ноно 1980-х гг. «Io» и «Das Atmende Klarsein» по мысли композитора являлись составными частями «Прометей».

пяти лет*. Перспективность использования в музыкальной композиции ресурсов электроники Мадерна осознал уже в 1950-е гг., в то время как Ноно, проявив небольшой интерес к электронной музыке в середине 1950-х гг., обратился к активным студийным экспериментам лишь в 1970-е гг. – в период своей работы в электронной студии Фрайбурга**. И, наконец, поэзия Гельдерлина, открытая Бруно Мадерной в 1960-е гг., стала спустя почти двадцать лет важнейшим источником вдохновения и для Луиджи Ноно. Приведенные наблюдения позволяют, кроме того, прийти к заключению о том, что эксперименты Мадерны не только опережали, но и во многом обуславливали развитие в определенном направлении творчества его коллег. Не останавливаясь здесь подробно на вопросе связи творческих идей Беррио и Мадерны, укажем на возможную концептуальную связь между сочинениями «From A to Z» Б. Мадерны (1969) и «А – гонне» Л. Беррио (1975).

Интенсивная исполнительская деятельность Б. Мадерны препятствовала его занятиям композицией. Отсюда и сравнительно небольшое творческое наследие этого мастера, представленное музыкально-драматическими, оркестровыми, камерно-инструментальными, вокальными сочинениями. В отличие от Л. Беррио, встававшего за дирижерский пульт, как правило, для исполнения своих собственных сочинений, Б. Мадерна, по словам Л. О. Ако-

* В немалой степени этому способствовало критическое отношение композитора к феномену универсальных истин, сводимых к кратким политическим формулам. По словам М. Барони, Мадерна не доверял пустым словам, не подкрепленным конкретными делами: «Мадерна был весьма скуп на принципиальные заявления и, казалось, не верил в слова, предпочитая им вещи: достаточно было его услышать, чтобы в этом убедиться <...> он как бы подразумевал, что у него нет той правды, которую нужно провозглашать, никакого универсального принципа, который необходимо демонстрировать, как если бы он готовился всегда к тому, чтобы заявлять: «Обратите внимание на то, что я делаю, а не на то, о чем я говорю» [3. С. 380].

** Справедливости ради необходимо отметить два существенных фактора, во многом определивших сдержанное отношение Ноно к ресурсам электроники в 1950-е гг.: 1) в миланской студии помимо Мадерны работал и Беррио – композитор, эстетические установки которого были глубоко чужды Ноно; 2) ресурсы электронной музыки в 1950-е гг. были весьма скудными в сравнении с возможностями Live-electronics 1970–1980-х гг.: композитор имел возможность либо создавать студийные электронные опыты, не предполагающие сценической презентации, либо вводить элементы конкретной музыки в свои сочинения. Для Ноно более предпочтительным был второй путь, от которого он тем не менее в дальнейшем отказался в пользу использования средств «живой электроники».

пьяна, «не слишком заботился о популяризации своего творчества и более охотно исполнял произведения коллег» [1. С. 322]. В итоге ряд сочинений Мадерны до сих пор не изданы, не представлены аудиозаписями, что не только осложняет изучение его творчества, но и делает практически невозможным ознакомление с ним широкой аудиторией.

К «белым пятнам» наследия Мадерны, вне всякого сомнения, можно отнести его хоровые сочинения, издание которых началось лишь в последнее десятилетие. При этом на сегодняшний день в рукописном виде остаются все хоровые фрагменты, представляющие различные сценические версии «Гипериона». Несмотря на то, что наибольший интерес для Мадерны на протяжении всего его творческого пути представляла инструментальная музыка***, изучение хоровых партитур в совокупности с имеющимися в распоряжении Архива Бруно Мадерны при Болонском университете аудиозаписями убеждает в том, что эти сочинения – не некие исторические манускрипты, позволяющие реконструировать итальянские музыкальные реалии середины XX в. (в том числе и в свете вопроса о возможных влияниях Мадерны на вокальное творчество его современников), но совершенные художественные сочинения, давно ожидающие широкого признания и изучения. Таким образом, в рамках настоящей статьи мы сосредоточимся на представлении основных хоровых произведений Бруно Мадерны, их эстетических и технических особенностей.

Хоровое творчество композитора по числу составляющих его опусов заметно уступает наследию Ноно или Беррио. Всего Бруно Мадерне принадлежат семь хоровых сочинений: «Реквием» (1946), «Три греческих стихотворения» (1948), «Жесты» (1969), «Весь мир – театр» (1972), «Псалом» (1968), Хоры а cappella из «Гиперион IV» (1969), «Песнь судьбы» (1969)****. Особая требовательность композитора, долго работавшего над техническим оформлением своего замысла, приводила к тому, что многие его сочинения многократно перерабатывались, приводя к одновременному существованию нескольких версий. Показательно в этом от-

*** Данный вывод подкрепим известным высказыванием Р. Ферна: «Интенсивно лирический, экспрессивный язык Мадерны ведет свое происхождение в большей степени от инструментального, нежели от вокального искусства» [6. С. 249].

**** Последние три сочинения из представленного списка являются хоровыми частями различных реализаций масштабного сценического проекта «Гиперион».

ношении замечание исследователей Марио Барони и Роксаны Дальмонте во вступительной статье к изданию «Трех греческих стихотворений»: «некоторые работы [Мадерны – А. Р.] сохранились в виде единственной версии, в то время как другие – подавляющее большинство – фактически имеют несколько редакций, которые могут касаться как всей партитуры, так и отдельных инструментальных партий» [4]. Семь сохранившихся хоровых сочинений обрамляют творческий путь композитора: два из них написаны в начале творческого пути, а пять остальных появились спустя двадцать лет, в большинстве своем инспирированные глубоким погружением Мадерны в мир образов «Гипериона» Ф. Гельдерлина.

Последовательно изучая хоровые партитуры Мадерны, обращаешь внимание на отсутствие резких «стилевых модуляций», которые заметны при знакомстве с хоровыми сочинениями Берлиоза, Лигети, Штокхаузена. Заявив в своем первом хоровом сочинении о себе как о наследнике венецианских традиций, Мадерна в последующем творчестве постоянно настаивал на отношениях преемственности между классическим и современным музыкальным искусством. Это отражается в фактурном и тембровом устройстве, это очевидно и в выборе литературных текстов. Первое серийное хоровое сочинение Бруно Мадерны, свидетельствовавшее о детальном изучении нововенского додекафонного метода, основано на текстах древнегреческих поэтов в переводе Сальваторе Квазимодо. Среди избранных композитором авторов поэты V и VI вв. до н. э. Меланиппидес и Ивик, а также поэт-аноним, чье творчество также относится к этому периоду. Интересно отметить тот факт, что два стихотворения из трех спустя восемь лет будут использованы Луиджи Даллапиколой в цикле «Пять песен»*. При этом для завершения цикла и в том, и в другом случае используется стихотворение Ивика, в звучании которого афористично запе-

* По сведениям Л. Конти, общение между Л. Даллапиколой, Б. Мадерной и Л. Ноно было весьма плодотворным уже во второй половине 1940-х гг. Скорее всего, именно сочинения Л. Даллапиколой привлекли внимание Б. Мадерны к сборнику древнегреческой лирики в переводе Сальваторе Квазимодо: «Обмены письмами между Л. Даллапиколой, Л. Ноно и Б. Мадерны в течение 1947–1948 гг. подтверждают энтузиазм обоих молодых людей по отношению к произведениям композитора. Особое внимание Ноно и Мадерны фокусировали на цикле «*Liriche greche*», и, главным образом, на «*Sex Carmina Alcaei*», которые были глубоко проанализированы и интерпретированы как смелый поворот в итальянской музыке...» [5. С. 243].

чатлено творческое кредо художника:

... и горю,
Как долгою ночью горят звезды,
Блестящие в небе.

(Перевод В. Вересаева)

Возможно, особый интерес Мадерны к античному искусству обусловил его глубокое увлечение романом Фридриха Гельдерлина «Гиперион». Кроме того, это сочинение могло оказаться созвучным тем настроениям композитора, что обусловили его отход от политической темы. По мнению Н. Т. Беляевой, главная трагическая коллизия «Гипериона» – «крушение надежд на преобразование общества на основах справедливости» [2. С. 561]. Герой Гельдерлина – не просто мечтатель, грезящий о возрождении великой античной культуры, но и деятель, непосредственно принимающий участие в борьбе за освобождение Греции от турецкого ига. Несмотря на пережитые им разочарования (разрыв отношений с Алабандой, смерть Диотимы), обрекшие его на одиночество, он живет, сохраняя веру в идеалы античной «теократии красоты», при этом осознавая утопичность ее воссоздания в человеческом обществе.

Ни содержание «Гипериона», ни его форма (эпистолярный роман) не способствовали созданию традиционного оперного либретто. Сочинение Гельдерлина, имеющее несколько редакций, а также определенное число отдельных фрагментов, относящихся к различным периодам работы над романом, является одним из своеобразных примеров «work in progress» в литературе прошлого, что во многом обуславливает и тождественную музыкальную реализацию Мадерны, представляющую собой несколько во многом отличных друг от друга музыкально-драматических постановок. С января 1966 г. по февраль 1970 г. возникает девять версий сочинения**, отличающихся друг от друга внутренней структурой и составом

** Перечислим их:

- Hyperion. *Lirica in forma di spettacolo* (Венеция; 6 сентября 1964 г.);
- Hyperion (Рим; 8 января 1966 г.);
- Hyperion II (Дармштадт; 19 июля 1965 г.);
- Hyperion III (аудиозапись с оркестром Юго-западного Германского радио)
- Hyperion et la violence (Брюссель, май 1968 г.)
- Hyperion – Orfeo dolente (Болонья; 18–19 июля 1968 г.)
- Hyperion IV для магнитофонной ленты (1969 г.)
- Сюита для солистов, хора и оркестра из оперы «Hyperion» (Берлин; 13 мая 1969 г.)
- «Hyperion» для сопрано хора и оркестра (Вена; 20 февраля 1970 г.).

участников. Композитор экспериментирует, вводя в сочинение наряду с текстом Гельдерлина и иные литературные источники. И если использование фрагментов древнегреческой лирики в хорах из «Гиперион IV» (тексты Сафо и Ивика) воспринимаются органичными в контексте общей концепции спектакля, то привлечение современной поэзии, представленной именами Лорки и Одена, на первый взгляд вызывает вопросы. Действительно, какова цель привлечения двух иноязычных вербальных рядов – англоязычного стихотворения Одена из цикла «Ораторы» и испаноязычного стихотворения «Пустыни» Гарсиа Лорки в хоровом «Псалме» из спектакля, поставленного в мае 1968 г. в Брюсселе? Отвечая на этот вопрос, музыковед Н. Верзина анализирует биографии поэтов, сравнивая жизненный путь Одена, Лорки и самого Гипериона: «Оден, как и большинство других интеллигентов, принял участие в испанской гражданской войне, ведя борьбу против военной диктатуры Ф. Франко, также как и Лорка, который был убит сторонниками диктатуры. Таким образом, наблюдается союз между Оденом и Лоркой – двумя поэтами, помещенными в сходный историко-политический и географический контекст. Испания, как и Греция Гипериона, представляет землю, в которой еще действуют идеалы свободы...» [9. С. 189]. Сходной точки зрения придерживается и Дж. Феррари: «роман обладает сильной политической составляющей: Гельдерлин думает о французской революции как об осуществлении своей мечты. Таким же образом Мадерна думает о гражданской войне в Испании: ассоциация текстов Лорки и Одена в Псалме это доказывает ясно» [7. С. 169].

Соглашаясь с этими высказываниями, отметим также и общность между текстами Лорки и Гельдерлина и на уровне содержания, что становится заметным в Сюите из оперы «Гиперион» (1969), а также в венской постановке «Гипериона» (февраль 1970), в которых появляется новый хоровой эпизод «Песнь судьбы Гипериона» на текст Гельдерлина. И в том, и в другом текстах сходным образом реализует себя оппозиция вечного и конечного: воплощением конечного является человеческая жизнь, которой противопоставляется вечность идеального небесного мира (у Гельдерлина) или незыблемость неживой природы (образ пустыни у Лорки), существующей в неизменном виде до и после прихода человека в этот мир.

Тема конечности человеческого бытия, тема смерти является общей для большинства хоровых сочинений композитора, начиная с первого – «Реквиема» на канонический текст заупокойной службы – и заканчивая последним – «Весь мир – театр»*, основанного на фрагменте монолога из комедии У. Шекспира «Как вам это понравится» с известным всем окончанием:

...А последний акт,

Конец всей этой странной сложной пьесы – Второе детство, полузабытье:

Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего».

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

К теме смерти добавляется мотив одиночества человека, компенсируемый ощущением сопричастности великим идеям, сосредоточием которых в соответствии с платоновским учением является высший мир. В диалоге с ним находятся герои почти всех избранных композитором литературных источников: стихотворение Одена решено в виде молитвы, обращенной к небесному Отцу; Гимн Сафо, открывающий хоры а саррелла из «Гиперион IV», обращено к Афродите – богине любви и красоты, Ивик в песни, завершающей цикл «Три греческих стихотворения» ощущает свое родство со звездами, вечно излучающими свой свет.

Глубокий интерес к великой литературе прошлого, отличающий хоровое творчество Мадерны от сочинений 1950–1960-х гг. его итальянских современников Берно и Ноно согласовывался и с глубоким уважением композитора к традициям итальянской хоровой композиции. Фактурный анализ Реквиема – первого хорового сочинения Бруно Мадерны – выявляет органичное сочетание принципов, присущих хоровому письму римской и венецианской полифонических школ, с новациями музыкального языка, усвоенными посредством знакомства с сочинениями старших современников композитора. Сочинение, родившееся между 1944 и 1946 гг. впервые было исполне-

* Удивительно, но и в последнем своем хоровом сочинении Бруно Мадерне удалось сохранить диалог с любимой им античной культурой. Общеизвестно, что знаменитый шекспировский афоризм «Весь мир – театр» (буквально: «весь мир – сцена») родился в диалоге с высказыванием древнеримского драматурга Петрония «Mundus universus exercet histhonam» («Весь мир занимается лицедейством»), которое цитируется в трактате Иоанна Солсберийского «Поликратик» (русскоязычный текст трактата представлен в издании: Иоанн Солсберийский «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» // Библиотека в саду. Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. – М., 1985).

Пример № 2а (Б. Мадерна «Tre liriche greche» № 2. Тм.40–41):

Example 2a shows a vocal quartet (Soprano, Contralto, Tenor, Bass) performing a passage from 'Tre liriche greche' by B. Maderna. The score is in Italian and features dynamic markings such as *f* (forte) and *mf* (mezzo-forte). The lyrics are: *nu - de, né cor - po si - mi - le a don - ne* (Soprano); *né sguar - do né for - ma* (Contralto); *cor - po si - mi - le a don - ne* (Tenor); *né cor - po si - mi - le a don - ne* (Bass). The music includes various rhythmic patterns and accents.

Пример №2б (Б. Мадерна «Tre liriche greche» №2. Тм.44 – 45):

Example 2b continues the vocal quartet from 'Tre liriche greche'. It features dynamic markings like *f* and *mf*, and includes performance instructions such as *legato* and *(crescere gradualmente)*. The lyrics are: *oh* (Soprano); *oh* (Contralto); *nu - de, su car - ri da cor - sa nu - de* (Tenor); *s'ad - de - stra - va - no lun - go le sel - ve* (Bass). The music is characterized by long, flowing lines and a gradual increase in volume.

Пример № 3 (Л. Ноно «La Victoire de Guernica». Тм. 28–32):

Example 3 shows a vocal quartet (Soprano, Alto, Tenor, Bass) performing a passage from 'La Victoire de Guernica' by L. Nono. The score is in French and features dynamic markings such as *mf* and *mf*. The lyrics are: *bons* (Soprano); *vi - sa - ges bons au froid à la* (Soprano); *vi - sa - ges bons au feu* (Alto); *aux re - fus* (Alto); *bons* (Tenor); *bons* (Tenor); *vi - sa -* (Tenor); *bons* (Bass). The music includes performance instructions like *(accel. poco a poco)* and *mf*.

при этом является динамика: композитор использует либо скандирование (*f*), либо шепот (*p*). Спустя два года этот же прием станет основной тембровой организацией пьесы «Данаиды» – центрального номера из цикла «Три греческих стихотворения». Мы не можем утверждать наверняка, но, возможно, идея вырастания высотно-определенных горизонталей хора из линий Sprechgesang могла быть почерпнута Б. Мадерной из знакомства с хоровыми партитурами драмы «Счастливая рука» и оперы «Моисей и Аарон» А. Шенберга. Но в отличие от Шенберга, Мадерна более последователен в построении фактурной композиции: компо-

зитор не просто интересуется эффектом сочетания вокального интонирования и Sprechgesang, но сам процесс тембрового преобразования, в ходе которого происходит постепенный процесс превращения ритмизованной речи в традиционную фонацию (примеры № 2а, № 2б).

Заметим, что подобную запись Sprechstimmen использует в своих хоровых сочинениях 1950-х гг. Л. Ноно. Кроме того, наблюдая ритмическое оформление хоровых линий в «Данаидах» Б. Мадерны и в «La Victoire de Guernica» («Победа Герники»; 1954) Л. Ноно, можно увидеть несомненное сходство, что возможно объяснить общей целью композиторов:

Пример №4 (Б. Мадерна «Tre liriche greche» №3. Т.11 – 13):

The image shows a musical score for six vocal parts: Soprano 1 (S.1), Soprano 2 (S.2), Contralto (C.), Tenor 1 (T.1), Tenor 2 (T.2), and Bass (B.). The score is written in 3/4 time and consists of three measures, numbered 11, 12, and 13. The key signature has one sharp (F#). The lyrics are: S.1: [f] ar - da - no; S.2: [f] no; C.: [f] ar - da - no; T.1: [f] ar - da - no; T.2: [f] no; B.: [f] ar - da - no. The score includes various musical notations such as accents (>), slurs, and dynamic markings ([f]).

добиться интенсивной певческой атаки каждого из слогов через использование синкоп в совокупности с пунктирным ритмом (см. *пример № 3* в сравнении с *примером № 2б*).

Третья пьеса цикла «Три греческих стихотворения» привлекает внимание неожиданной авангардной находкой – хоровая фактура большей части сочинения (17 тактов из 27) основана на ритмических преобразованиях малого мажорного секундааккорда с хроматическим раздвоением терции и квинты. Композитор не только акцентирует это раздвоение посредством дифференциации ритмического оформления хроматических «двойников», но и благодаря постоянному смещению метрических акцентов, меняет его звучность (*пример № 4*).

Аналогичный пример, связанный с тембровым преобразованием хоровой вертикали, мы встречаем в «Псалме» из брюссельской версии «Гипериона» 1968 г. («Nuregion et la violence»). В первых тактах наблюдается изменение звучания аккорда через смену интонирования *bossa chiusa* (закрытым ртом)* и *bossa semichiusa* (полузакрытым ртом). В дальнейшем повышение тесситуры в совокупности с *crescendo* сопровождается и приходом к интонированию гласных, а также их смены, отражающейся и на изменении звучания аккорда. Обратим внимание на тот факт, что тождественные тембровые эксперименты проводил в это время и Лючано Берно при создании своей «Симфонии» (1968).

* Впервые прием *bossa chiusa* Мадерна использовал в третьей пьесе цикла «Три греческих стихотворения» (1948).

Интересно отметить, что и в том, и в другом случае композиторы используют в партитуре условные обозначения, явно свидетельствующие об их знакомстве с таблицами Международной фонетической ассоциации (в частности, речь идет о переднем средневерхнем гласном [ø]).

Как уже было отмечено выше, «Псалом» – единственное хоровое сочинение в наследии Мадерны, в основе которого лежит двуязычный вербальный ряд. По наблюдению Дж. Феррари, образное и фонетическое различие текстов подвигает композитора к их фактурной дифференциации: «Мадерна находит музыкальную характеристику для каждого текста: сокровенный характер стихотворения на испанском языке соседствует с более конкретным, даже агрессивным, англоязычным текстом. Это соответствие характеристик получает выражение на чисто акустическом уровне. За исключением двух случаев, текст на испанском языке поручен женским голосами, текст на английском языке – мужскому хору. Таким образом, когда Мадерна накладывает оба текста, он дает внимательному слушателю возможность их идентифицировать посредством акустической ассоциации с звучащими голосами, через фактурное устройство» [7. С. 134–135]. Добавим к этому, что единственный пример нотированного *Sprechgesang*, напоминающего *Sprechgesang* в «Счастливой руке» и «Лестнице Иакова» А. Шенберга в хоровых сочинениях Мадерны используется здесь применительно именно к

го развертывания вербального ряда позволяет сохранить и традиционные фактурные типы, представленные, главным образом, гармоническим и имитационно-полифоническим изложением.

Избирая главным героем своего позднего творчества Гипериона, Мадерна сам оказывается удивительно на него похож: являясь одним из революционеров музыкального искусства XX в., он ощущает глубокую связь с традициями прошлого, превращающими его в самого консервативного представителя Дармштадтской школы. Тем не менее его искусство свидетельствует о неустанном поиске «новых берегов», доказательством чего является идейное пересечение с творчеством важнейших итальянских композиторов прошедшего столетия, неоднократно отмечаемое в настоящей статье. Хоровое творчество Мадерны сегодня только начинает выходить из тени, позволяя по-новому открыть для себя историю одного из самых бурных периодов развития академической европейской музыки XX в.

Список литературы

1. Акопян, Л. О. Музыка XX века. Энциклопедический словарь / Л. О. Акопян. – М.: Практика, 2010. – С. 322.
2. Беляева, Н. Т. Сотворение «Гипериона» / Н. Т. Беляева // Гельдерлин, Ф. Гиперион. Стихи. Письма / Ф. Гельдерлин. – М.: Наука, 1988.
3. Baroni, M. Poétiques, comportements, styles de vie Est-il légitime de penser que nous ayons quelque chose en commun? / M. Baroni // À Bruno Maderna. Textes réunis sous la direction de G. Mathon, L. Feneyrou, G. Ferrari. – Paris: Basalte Éditeur, 2007. – P. 380.
4. Baroni, M. The Re-Edition of Maderna's works / M. Baroni, R. Dalmonte // Maderna B. Tre liriche greche per piccolo coro, soprano solo e strumenti. – Milano: Edizioni Suvini Zerboni, 2002.
5. Conti, L. Les Tre liriche greche et les débuts du dodécaphonisme italien / L. Conti // À Bruno Maderna. Textes réunis sous la direction de G. Mathon, L. Feneyrou, G. Ferrari. – Paris: Basalte Éditeur, 2007. – P. 249.
6. Fearn, R. Quelques réflexions sur Maderna et la voix chantée / R. Fearn // À Bruno Maderna. Textes réunis sous la direction de G. Mathon, L. Feneyrou, G. Ferrari. – Paris: Basalte Éditeur, 2007.
7. Ferrari, G. Les débuts du théâtre musical d'avant-garde en Italie. Berio, Evangelisti, Maderna / G. Ferrari. – Paris: L'Harmattan, 2000.
8. Rizzardi, V. Introduction to Maderna's Requiem / V. Rizzardi // Maderna, B. Requiem per soli, cori e orchestra a cura V. Rizzardi / Riedizione critica delle opera di Bruno Maderna diretta da M. Baroni e R. Dalmonte. – Milano: Edizioni Suvini Zerboni, 2006. – P. 5–6.
9. Verzina, N. Bruno Maderna. Étude historique critique / N. Verzina. – Paris: L'Harmattan, 2003.

Сведения об авторе

Рыжинский Александр Сергеевич – кандидат искусствоведения, доцент кафедры хорового дирижирования Российской академии музыки имени Гнесиных (Москва).

Loring@list.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 149–158.*

“THE GREAT UNKNOWN”: ABOUT CHORAL MUSIC BY BRUNO MADERNA

A. S. Ryzhinskiy

Ph.D., assistant professor of choral conducting at the Russian Academy of Music. Loring@list.ru

Article purpose – meeting a lack in studying of Bruno Maderna's creativity. Maderna (1920–1973) is the known composers of the middle of the XX century. His works are unfairly buried in oblivion in a domestic musicology. Maderna became one of successors of new Vienna school as a representative of Darmstadt school. At the same time the composer's interest to choral creativity is caused by national traditions of the Italian music. Studying of Maderna's choral works allows to draw a conclusion on the

significant contribution of the master to formation of the latest Italian choral composition: Maderna's ideological world and specifics of his musical language had impact on Luigi Nono – the most considerable master of the Italian choral music of the second half of the XX century.

Keywords: *modern music, choral texture, timber experiments, Darmstadt's school, Klangfarbenmelodie, B. Maderna, F. Hölderlin, L. Nono.*

References

1. Akopjan L.O. *Muzyka XX veka. Jenciklopedicheskij slovar'* [Music of the XX century. encyclopedic Dictionary]. Moscow, Praktika Publ., 2010. (In Russ.).
2. Beljaeva N.T. Sotvorenije «Giperiona» [Creation of the “Hyperion”]. Gjol'derlin F. *Giperion. Stihi. Pis'ma* [Hyperion. Poems. Letters]. Moscow, Nauka Publ., 1988. P. 561. (In Russ.).
3. Baroni M. Poétiques, comportements, styles de vie Est-il légitime de penser que nous ayons quelque chose en commun? [Poetic, behaviors, lifestyles Is it legitimate to think that we have something in common?]. *À Bruno Maderna. Textes réunis sous la direction de G. Mathon, L. Feneyrou, G. Ferrari* [At Bruno Maderna. Edited under the direction of G. Mathon, L. Feneyrou, G. Ferrari]. Paris, Basalte Éditeur Publ., 2007. P. 380. (In French).
4. Baroni M., Dalmonte R. *The Re-Edition of Maderna's works. Maderna B. Tre liriche greche per piccolo coro, soprano solo e strumenti* [Three lyrical Greek for small choir, soprano solo and instruments]. Milano, Edizioni Suvini Zerboni Publ., 2002. (In Italian).
5. Conti L. Les Tre liriche greche et les débuts du dodécaphonisme italien [The Tre liriche greche and the beginnings of the Italian dodecaphonism]. *À Bruno Maderna. Textes réunis sous la direction de G. Mathon, L. Feneyrou, G. Ferrari* [At Bruno Maderna. Edited under the direction of G. Mathon, L. Feneyrou, G. Ferrari]. Paris, Basalte Éditeur, 2007 Publ., P. 249. (In French).
6. Fearn R. Quelques réflexions sur Maderna et la voix chantée [Some thoughts on Maderna and the singing voice]. *À Bruno Maderna. Textes réunis sous la direction de G. Mathon, L. Feneyrou, G. Ferrari* [At Bruno Maderna. Edited under the direction of G. Mathon, L. Feneyrou, G. Ferrari]. Paris, Basalte Éditeur Publ., 2007. (In French).
7. Ferrari G. *Les débuts du théâtre musical d'avant-garde en Ittalie. Berio, Evangelisti, Maderna* [The beginnings of the musical avant-garde theater in Ittalie. Berio, Evangelisti, Maderna]. Paris, L'Harmattan Publ., 2000. (In French).
8. Rizzardi V. Introduction to Maderna's Requiem. *Maderna, B. Requiem per soli, cori e orchestra a cura V. Rizzardi* [Requiem for soloists, chorus and orchestra by V. Rizzardi]. Milano, Edizioni Suvini Zerboni Publ., 2006. (In Italian).
9. Verzina N. *Bruno Maderna. Étude historique critique* [Bruno Maderna. Critical historical study]. Paris, L'Harmattan Publ., 2003. (In French).

УДК: 78.082.2

В. Г. Семькин

ФОРТЕПИАННЫЕ СОНАТНЫЕ ALLEGRO Л. ВАН БЕТХОВЕНА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ КОМПОЗИЦИОННО-ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОДНОЧАСТНОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ СОНАТЫ

На основе функционального анализа первых частей сонат № 5 c-moll (op. 10, № 1), № 8 (op. 13), № 17 d-moll (op. 31, № 2) и № 23 (op. 57) Л. ван Бетховена определены их композиционно-драматургические особенности (самостоятельность отдельных функциональных разделов, наличие триадной или множественной драматургии, совмещение драматургических функций, действие композиционных принципов других форм), которые стали исходными в становлении драматургии одночастной фортепианной сонаты.

Ключевые слова: Л. ван Бетховен, сонатное *allegro*, совмещение функций, драматургия, одночастная соната.

Появление одночастной фортепианной сонаты стало одной из ярких метаморфоз традиционных жанров, осуществленных в романтической музыке. Одночастные композиции, базирующиеся на драматургических принципах сонатного *allegro*, стали результатом жанрового развития инструментальной музыки в первой половине XIX столетия. В жанре фортепианной сонаты постепенно вызревали драматургические принципы одночастной фортепианной сонаты, ставшей ярким репрезентантом романтического художественного мировоззрения. Творческие достижения Бетховена явились стимулом для многих находок композиторов-романтиков. Именно в творчестве последнего из венских классиков наметились дальнейшие пути развития жанра фортепианной сонаты, приведшие к созданию ее новой жанровой разновидности. Одночастные сонаты Ф. Листа, ставшие первыми образцами этой жанровой разновидности, характеризуются рядом специфических драматургических признаков, которые на определенном уровне можно проследить уже в фортепианных сонатах Бетховена. Именно поэтому изучение специфики музыкальной драматургии в бетховенских *allegro* может приблизить исследователей к осознанию жанровых особенностей сонаты в творчестве романтиков и выявить черты глубинной преемственности между драматургией зрелой сонатной формы венского классицизма и романтической одночастной фортепианной сонаты.

Различные аспекты исследования проблем музыкальной драматургии представлены в

трудах Б. Асафьева, Н. Горюхиной, Л. Мазеля, Е. Назайкинского, В. Цуккермана, Т. Черновой и др. Однако, выбирая методы исследования музыкальной драматургии сонат Бетховена, автор статьи в качестве базового использует универсальный функциональный метод В. Бобровского. Это позволяет проанализировать основные драматургические и композиционные процессы, присущие сонатному циклу в целом и сонатной форме в частности.

В поисках закономерностей фортепианных сонатных *allegro* Бетховена, ставших стимулом для создания нового типа одночастной фортепианной сонаты, выделяем в сонатных циклах венского классика те образцы, в которых особенно ощутима их героическая тематика, созвучная программным сонатам Ф. Листа. Ведь первыеopus одночастной фортепианной сонаты представляют именно листовскую героику в сочетании со страстной романтической лирикой. Именно поэтому для осуществления функционального анализа избраны Сонаты № 5 c-moll (op. 10, № 1), № 8 (op. 13), № 17 d-moll (op. 31, № 2) и № 23 (op. 57). Героические образы Бетховена в их противопоставлении лирической сфере содержат настолько яркие средства выразительности, что придают музыке почти зримую конкретность, и как следствие – скрытую программность. Некоторые из сонат («Патетическая» и «Аппассионата») уже содержат подзаголовки, определяющие их образный смысл и тяготение к героике.

Рамки статьи не позволяют подробно останавливаться на драматургических особенно-

стях каждой сонаты, поэтому ограничимся анализом лишь тех принципов, которые получают свое дальнейшее развитие в одночастной фортепианной сонате как самостоятельной разновидности этого жанра.

Уже в первой части Сонаты № 5 *c-moll* можно выделить черты, которые в будущем будут присущи одночастной фортепианной сонате. Так, главной партии присуща конфликтность как ведущая идея, лежащая в основе ее экспрессивно-драматургических функций. Сама главная партия построена по принципам трехэлементной (триадной) драматургии, в которой воплощается соотношение «тезис – антитезис – синтез». По утверждению В. Бобровского, это «типичный для Бетховена вариант триады: действие – противодействие – преодоление (и одновременно новый акт действия)» [2. С. 63]. Первый мотив (тт. 1–3) главной партии имеет ярко выраженный героический характер и воплощает функцию тезиса в драматургической триаде. Второй мотив (тт. 9–16) намечает линию лирического направления: его нисходящая линия контрастирует начальному героическому движению и воплощает драматургическую функцию антитезы. Утверждение первого мотива в конце главной партии является воплощением третьего элемента драматургического действия – синтеза, в нем содержится и элемент нисходящего движения второго мотива при преобладании характера первого мотива (общее движение всех голосов в тт. 28–30).

Внешне построение главной партии соответствует требованиям классической сонатной формы (ее окончание совпадает с окончанием периода с дополнением), но ее триадная драматургия, воплощающая соотношение «тезис – антитезис – синтез» придает ей черты общности и относительной самостоятельности в общем драматургическом развитии экспозиции. Черты самостоятельности главной партии усиливает и развернутое дополнение к ней, в котором вновь в полном объеме проходит начальный героический мотив, создавая эффект трехчастного построения главной партии. Таким образом, главная партия содержит относительно законченную фазу трехэлементной (триадной) драматургии с соотношением «тезис – антитезис – синтез».

Если на уровне драматургии экспозиции воспринимать главную партию как тезис, то зона связующей и побочной партий является антитезой, выполняющей лирические экспрессивно-драматургические функции.

Общие логические функции связующей партии заключаются в создании начального этапа развития (функция «т») на уровне экспозиции. Чтобы придать связующей партии большую драматургическую подвижность и черты разработочности, Бетховен сокращает один из ее трех обязательных этапов, а именно стадию пребывания в основной тональности: партия начинается сразу с модуляционного движения к органному пункту на доминанте тональности побочной партии.

Интонационно связующая партия, равно как и в дальнейшем побочная, построена по принципу производного контраста к теме главной партии. Само же развитие связующей и побочной партий направлено на выявление их отличий от главной партии. Развитие лирической побочной партии как антитезы к героической главной завершается синтезом, что в дальнейшем утверждается в заключительной партии.

Триадная драматургия ярко проявляет себя и на уровне экспозиции. Развитие заключительной партии, начинающееся лирическими мелодическими оборотами, постепенно приводит к появлению первого тематического образования главной партии. Однако его характер несколько смягчается, сразу за ним идут интонационные элементы, относящиеся к лирической экспрессивно-драматургической сфере (мелодические обороты из связующей и второго тематического элемента главной партии). Само же появление первого тематического звена на главной партии в конце экспозиции создает эффект трехчастности теперь уже на уровне экспозиции. Иллюзия трехчастности экспозиции способствует ее четкому отделению от разработки и усиливает черты самостоятельности не только партий, но и более масштабных разделов формы сонатного *allegro*.

Таким образом, уже на уровне экспозиции первой части наблюдаем тенденцию к героизации образов, самостоятельности разделов и проникновения в форму сонатного *allegro* действия драматургических принципов других форм (в частности трехчастной).

Действие драматургических принципов других форм в сонатном *allegro* первой части Сонаты № 5 наблюдаем и в разработке: после мажорного (в одноименной тональности) проведения первого мотива главной темы, которым начинается разработочный этап общего драматургического развития, возникает новая тема. Экспозиционный тип изложения музыкальной мысли, присущий ее началу, в опреде-

ленной степени «тормозит» развитие разработки, придавая таким образом сонатной форме черты контрастной трехчастности, в которой середина построена на новом тематическом материале.

Черты экспозиционности свойственны лишь первому проведению новой темы. Дальнейшее развитие придает ей присущее разработке модуляционное движение, постепенно закрепляясь на доминантовом органном пункте основной тональности. Таким образом, в разработке наблюдаем совмещение драматургических функций (экспонирования и развития).

Тенденцию к отделению партии в самостоятельный раздел можно наблюдать и на уровне побочной партии в репризе, где она существенно разрастается – вместо однократного проведения в основной тональности, побочная партия проводится дважды: сначала в мажоре, и затем – в основной тональности. Благодаря такому приему в репризу проникают драматургические принципы разработочности. Ведь ладовая контрастность драматизирует проведение побочной партии, придает ей черты процессуальности, присущие именно разработке, а не репризе.

Подытоживая сжатые наблюдения над первой частью Сонаты № 5 Бетховена, можем констатировать, что главными признаками ее драматургии стали: преобладание героической образности, тенденция к обособлению партий в самостоятельные разделы (или подразделения в пределах одного драматургического раздела), действие композиционных принципов других форм.

Дальнейшее развитие выделенных признаков в полной мере проявляется в «Патетической» сонате, которая на общем уровне характеризуется уже не триадной, а многоэлементной (множественной) драматургией. Функционально-философской основой многоэлементной (множественной) драматургии выступает «изменение типов выразительности, психологических состояний, воплощенных в отделенных друг от друга моментах времени» [2. С. 64].

Одним из внешних признаков множественной драматургии является темповое противопоставление, типичное для частей сонатного цикла. Однако, и в пределах одного сонатного *allegro* также возможны сопоставления темпов, характеризующие изменение типов выразительности и психологических состояний. «Многоэлементность в любой сфере стремится к внутреннему группированию, создает

двух- или трехэлементные образования более высокого порядка... Группирование связано в основном с противопоставлением темпов (медленно-быстро или быстро-медленно, что создает парное сочетание, которое повторяется несколько раз» [2. С. 64]. В пределах сонатного *allegro* «Патетической» сонаты такое парное сочетание проходит трижды и представляет собой контраст между темой вступления и главной партией.

Стремление к отделению разделов сонатного *allegro* в относительно самостоятельные структуры в «Патетической» сонате значительно усиливается. Конечно, воплощается оно не просто в наличии вступления как самостоятельного раздела, но, прежде всего, в его роли в развитии образов всей части. Обособленность вступления достигается не только благодаря темповому контрасту, но и с помощью интонационного развития его материала. Из одного первичного мотива выстраивается контрастный двухчастный раздел: первые четыре такта представляют исключительно трагедийную образную сферу, соединяющуюся затем с элементами болезненной лирики, что придает трагическому художественному образу черты внутренней конфликтности (тт. 5–10). Тема вступления выступает первичной в понимании содержательного круга художественных образов сонатного *allegro*, что позволяет воспринимать ее темой-эпиграфом. Все темы сонатного *allegro* интонационно «прорастают» из темы вступления, воплощая типичный для Бетховена принцип производного контраста, который в одночастных сонатах и поэмах Ф. Листа перерастет в принцип монотематизма.

Признаки множественной драматургии проявляются и в том, что тема вступления, главная и побочная партии представляют собой три разновидности экспрессивно-драматургических функций: тема вступления – трагедийные, главная партия – бурно драматические, а побочная – лирически взволнованы образы. Причем в развитии всех тем композитор стремится к их максимальной поляризации.

Проведение главной и связующей партий создает впечатление трехчастности, ведь модулирующий и предиктивный разделы связующей партии построены на теме главной партии. Таким образом, как и в Пятой сонате, Бетховен подчеркивает господство образов главной партии, то есть героической, драматической сферы.

Относительную самостоятельность получают также и разделы побочной и заключитель-

ной партий, представляющие различные оттенки лирики. Все средства выразительности композитор направляет на усиление чувства контраста между побочной и главной партиями, что заключается в наличии не только тонального, но и жанрового и фактурного контрастов. Кроме того, масштабы этого раздела более развиты, чем главная и связующая партии. Ощущение многоэлементной драматургии усиливается и благодаря наличию нескольких тем. В то время как связующая партия представляет собой своеобразное мелодическое обращение главной партии, побочная партия дополняется еще двумя относительно самостоятельными темами заключительной партии. Третьей заключительной темой снова становится тема главной партии, что еще раз утверждает ее в качестве ведущей в сонатном *allegro*. Таким образом осуществляется типичный для Бетховена прием вторжения материала главной партии в зону действия побочной, что не только придает драматургическому развитию большее напряжение, но и выделяет наиболее важные художественные образы, которые формируют идею всего сонатного *allegro*, а иногда – и цикла.

Границей между экспозицией и разработкой становится проведение темы вступления, которое вдруг демонстрирует сопоставление темпов (*Grave – Allegro molto e con brio*). Длинная фермата в конце темы вступления усиливает отделение экспозиции от разработки.

Разработка сонатной формы базируется на контрасте и противоборстве темы главной партии и второго элемента темы вступления, представляющего собой образ болезненной трагической лирики. Компактность и краткость разработки создают ощущение ее сцепления с репризой. В саму же репризу, как и в Пятой сонате, проникают черты разработочности: побочная партия появляется сначала в субдоминантовой тональности и только после определенного развития модулирует в основную тональность.

Третий раз темповые сопоставления как признаки множественной драматургии, возникают на границе окончания репризы и начала коды, построенной на теме главной партии.

В целом в «Патетической» сонате Бетховена более четко выявляются черты трехчастной формы как формы второго плана.

Сходные черты на новом уровне можно наблюдать и в Сонате № 17, которая имеет ряд неофициальных подзаголовков – «Буря», «Со-

ната с речитативом», «Шекспировская соната». Уже в этих названиях в определенной степени содержится характеристика художественных образов цикла, которому присущ страстный, лирико-взволнованный тон высказывания. Психологические контрасты высокого уровня напряжения привели к иному, чем в «Патетической» сонате, использованию принципов множественной драматургии.

Название «Соната с речитативом» указывает на проникновение в художественный язык сонатного *allegro* уже не только драматургических принципов другой формы, но и другого по своей природе (вокального) жанра. Декламационность отдельных образов, в свою очередь, привела к внедрению в музыку приемов импровизационности.

Ориентация на принципы многоэлементной драматургии ощутима с первых тактов звучания главной партии. Если в «Патетической» сонате темповый контраст мы наблюдали между темой вступления и главной темой, то в Сонате № 17 значительный темповый контраст находится внутри главной партии: ее два тематических образования соотносятся как *Largo* и *Allegro*. Два контрастных тематических элемента главной партии представляют и две жанровые сферы – инструментальное арпеджиато и ариозо-декламационные интонации-вздохи, строящиеся на нисходящем секундном движении. Таким образом, темповый контраст выступает в единстве с контрастом жанровым. Разное интонационное построение тематических образований (восходящее арпеджиато и нисходящие ламентозные интонации), темповые и жанровые признаки создают характер образа не просто внутренне напряженный, но и остро противоречивый, углубленно-психологический.

Кроме того, следует указать на проникновение в структуру главной партии драматургических принципов импровизационных форм. Они проявляются не только в темповой нестабильности (дважды в партии возникают сопоставления *Largo – Allegro*), но и в тональном движении главной партии (только первое ее построение демонстрирует основную тональность *d-moll*, а второе начинается в параллельном мажоре *F-dur*), в особом построении самой партии (первый мотив выступает исходным, на котором базируется второе проведение с интонационным развитием начального мотива и расширением его структуры). Все перечисленные признаки позволяют говорить о двой-

ственности функции главной партии, которая одновременно выполняет своеобразную роль вступления, где в процессе свободного импровизационного развития осуществляется постепенная кристаллизация музыкальной мысли.

Два тематических образования главной партии объединяются как два противодействующих мотива одной темы связующей партии, первое проведение которой, в отличие от предыдущего раздела, имеет довольно четкое оформление в основной тональности. Связующая партия имеет тот же характер, что и главная. Переключка двух мотивов в ней остается, но теперь между ними нет жанровых и темповых границ – их объединяет постоянный триольный ритм сопровождения. Четкость ее первого построения, которое воспринимается как третье построение главной партии, снова указывает на двойственность функций связующей партии.

Итак, на примере главной и связующей партий наблюдаем совмещение функций на основе их противоположного действия: главная партия совмещает свои функции с функциями вступления, а связующая – с функциями главной партии. В общем, главная и связующая партии образуют единую драматургическую зону, в которой преобладает не экспозиционность, а разработочность. Все указанные специфические особенности обеих партий закрепляют ощущение страстного драматического образа с элементами его психологического осмысления. Характер связующей партии лишь усиливает ощущение драматической взволнованности пока еще единого образа с помощью триольного ритма, который сопровождает все развитие связующей партии.

В побочной партии, построенной на интонациях второго (лирического) мотива главной партии, на первый план выходит ариозо-монологический тип мелодики, что также придает теме черты психологизма и драматичности. Однако само углубление психологического начала придает характеру партии постоянную подвижность, она, в отличие от побочных партий в ранее проанализированных сонатных *allegro*, не стремится к отделению в относительно устойчивый самостоятельный раздел. В целом вся экспозиция вместе с заключительной партией имеет разработочный характер, что также свидетельствует (и на уровне целого раздела сонатной формы) о совмещении драматургических функций (экспозиции и разработки) на основе их противоположного действия. Кроме

этого, в интонационном построении заключительной партии наблюдаем действие логической драматургической триады «тезис – антитезис – синтез», поскольку ее интонационный состав содержит элементы всех предыдущих тем сонатного *allegro*.

Анализ тематического построения экспозиции первой части Сонаты № 17 дает основание говорить о проявлении принципа монотематизма, ведь именно из двух элементов главной партии вырастают все последующие тематические образования.

Третий темповый контраст, являющийся одним из ярких признаков действия принципов множественной драматургии, возникает на границе экспозиции и разработки: именно с первого мотива главной партии (восходящее арпеджиато) начинается в одноименной тональности (D-dur) разработка. Однако этот начальный мотив проходит трижды в разных тональностях, что становится свидетельством его разработочного характера. В дальнейшем вся разработка базируется на тональном развитии связующей партии (которая, в свою очередь, строится на тематических элементах главной партии). Разработка в дальнейшем углубляет состояние драматического напряжения, в котором противоборство двух мотивов только усиливается.

В репризе дважды заявит о себе темповый контраст в проведении главной партии, первое тематическое образование которой получает определенное развитие: в него добавляются новые элементы, именно благодаря которым Соната № 17 получила название «Соната с речитативом» – дважды после каждого арпеджиато возникают личностные монологи, построенные на принципах выразительного лирико-психологического речитатива.

Таким образом, Сонату № 17 можно воспринимать своеобразным переходным мостиком от бетховенских героико-патетических сонатных *allegro* к драматично-психологической романтической поэме, черты которой можно найти в первых образцах одночастных фортепианных сонат Ф. Листа.

В основу художественной концепции Сонаты № 23 «Аппассионата» также положена героика. Сонатное *allegro* произведения по своей страстности и масштабам развертывания становится близким к листовским одночастным фортепианным сонатам, характеризующимся особой монументальностью и рельефностью образов. И снова наблюдаем принцип множе-

ственной драматургии, основанной на трех тематических элементах, которые, в свою очередь, воплощают три образные сферы. Все три тематических элемента содержатся уже в первом предложении главной партии, составляя единый конфликтный комплекс.

В результате анализа особенностей развертывания формы сонатного *allegro* первой части Сонаты № 23 можно констатировать наличие совмещения функций на основе их противопоставления. Абсолютно справедливым считаем замечание Н. Горюхиной о том, что «понятие «экспозиция темы» по отношению к элементам и к теме главной партии – условное, поскольку в этой сонате почти отсутствует экспозиционность. Все здесь в становлении мысли, в развитии и в разработке» [3. С. 74]. Несмотря на широту дыхания побочной партии, она также тяготеет к разработочному развитию, что становится очевидным в ее втором предложении. Таким образом, в экспозиции сонатного *allegro* «Аппассионаты» снова наблюдаем совмещение собственно экспозиционной и разработочной функций при господствующем положении именно функции разработки. В то же время анализ разработки свидетельствует абсолютно противоположное: в разработке можно наблюдать значительное воздействие принципов экспозиционности. Они проявляются в ряде признаков, в частности, в четко определенном тематизме, который в экспозиции проходил лишь этап своего становления. Фазы разработки имеют довольно четкое разделение на зоны главной, связующей и побочной партий. В результате можно констатировать, что в разработке также имеет место совмещение драматургических функций – собственно разработки и экспозиции, где ведущей является экспозиционная функция.

Отметим также использование приема драматургического вторжения в кульминационный момент развертывания побочной партии материала главной темы, что в дальнейшем

получит свое яркое драматургическое переосмысление в одночастных фортепианных сонатах Ф. Листа.

Подводя итог, подчеркнем, что у истоков романтической одночастной фортепианной сонаты находятся сонатные *allegro* бетховенских фортепианных циклов героической направленности. Общность драматургических принципов в творчестве венского классика и в одночастной фортепианной сонате романтиков заключается в значительной самостоятельности отдельных функциональных разделов, важной роли элементов триадной или множественной драматургии, совмещении драматургических функций на основе их противоположного действия и наличии драматургических принципов других форм.

Список литературы

1. Асафьев, Б. В. Музыкальная форма как процесс / Б. В. Асафьев. – Л.: Музыка, 1971. – 376 с.
2. Бобровский, В. П. Функциональные основы музыкальной формы / В. П. Бобровский. – М.: Музыка, 1978. – 332 с.
3. Горюхина, Н. Эволюция сонатной формы / Н. А. Горюхина. – К.: Музична Україна, 1973. – 310 с.
4. Мазель, Л. Вопросы анализа музыки / Л. Мазель. – М.: Совет. композитор, 1978. – 352 с.
5. Назайкинский, Е. В. Логика музыкальной композиции / Е. В. Назайкинский. – М.: Музыка, 1982. – 319 с.
6. Способин, И. В. Музыкальная форма / И. В. Способин. – М.: Музыка, 1984. – 400 с.
7. Цуккерман, В. Музыкальные жанры и основы музыкальной формы / В. Цуккерман. – М.: Музыка, 1964. – 159 с.
8. Чернова, Т. Драматургия в инструментальной музыке / Т. Чернова. – М.: Музыка, 1984. – 143 с.

Сведения об авторе

Семькин Валерий Григорьевич – профессор, заведующий кафедрой специального фортепиано Донецкой музыкальной академии имени С. С. Прокофьева.
valeriisemikin@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).

Philology. Arts. Issue 96. Pp. 159–165.

ALLEGRO PIANO SONATAS OF BEETHOVEN AS A SOURCE OF FORMATION OF COMPOSITIONAL AND DRAMATURGICAL FEATURES OF ONE-PART ROMANTIC SONATA

V. G. Semikin

S. Prokofiev Donetsk state academy of music. valeriisemikin@mail.ru

The article analyzes the creative achievements of Beethoven, which was the impetus for discovery of romantic composers in the genre of one-movement piano Sonata. Indicates that one-movement sonatas of Franz Liszt, who became the first examples of this genre variety, characterized by a number of specific dramatic indication that at some level, can be traced already in Beethoven's piano sonatas.

As a basic method for the analysis of the author sportsuit universal functional method V. Bobrovsky, which allows to analyze the main dramaturgical and compositional processes inherent in the Sonata cycle in General, and Sonata form in particular.

Based on the analysis of the first parts funtsionalnoho sonatas number 5 c-moll (or. 10, № 1), № 8 (or. 13), № 17 d-moll (or. 31, № 2) and number 23 (or. 57) Beethoven set their composition dramatic features (independence of separate functional sections, the presence of multiple process or drama, combining dramatic features, performance composite principles other forms) that are primary to the formation of musical drama piano sonatas in wan part.

Analysis of Beethoven's sonatas, in which the development of musical drama directs the heroic beginning, shows that Sonata allegro first movements cycles have already the dramaturgical principles, which later will be developed into a romantic one-movement piano Sonata. The article stresses the idea that the study of the specificity of musical drama in Beethoven allegro can bring researchers to the awareness of genre features of the Sonata in the works of the romantics and to identify features of deep continuity between dramaturgy Mature Sonata form Vienna classicial and romantic one-movement piano Sonata.

Keywords: *Ludwig van Beethoven, sonata allegro, overlapping functions, drama, sonata.*

References

1. Asaf'ev B.V. *Muzykal'naya forma kak protsess* [Musical form as a process]. Leningrad, 1971. 376 p. (In Russ.).
2. Bobrovskiy V.P. *Funktsional'nye osnovy muzykal'noy formy* [The functional principles of musical form]. Moscow, 1978. 332 p. (In Russ.).
3. Goryukhina N. *Evolyutsiya sonatnoy formy* [The evolution of Sonata form]. Kiev, 1973. 310 p. (In Russ.).
4. Mazel' L. *Voprosy analiza muzyki* [The analysis of music]. Moscow, 1978. 352 p. (In Russ.).
5. Nazaykinskiy E.V. *Logika muzykal'noy kompozitsii* [The logic of musical composition]. Moscow, 1982. 319 p. (In Russ.).
6. Sposobin I. V. *Muzykal'naya forma* [Musical form]. Moscow, 1984. 400 p. (In Russ.).
7. Tsukkerman V. *Muzykal'nye zhanry i osnovy muzykal'noy formy* [Musical genres and the basics of musical form]. Moscow, 1964. 159 p. (In Russ.).
8. Chernova T. *Dramaturgiya v instrumental'noy muzyke* [Drama in instrumental music]. Moscow, 1984. 143 p. (In Russ.).

УДК 782
ББК 85.335

С. В. Черевань

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ОПЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В РЕАЛИЯХ ПОСТМОДЕРНА И В ЗЕРКАЛЕ МУЗЫКАЛЬНО-КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Статья посвящена проблемам режиссерского театра Дмитрия Чернякова, актуальным для современного музыкального искусства. Выявлены особенности постановочных решений в русских классических операх XIX – начала XX века в период постмодерна. Рассматривается музыкально-критическая мысль, направленная на осмысление авангардной режиссуры, синтезирующая идеи музыковедов-исследователей, дирижеров, режиссеров, исполнителей. Выявляются и обосновываются критерии допустимого и возможного в режиссерской интерпретации жанра оперы.

Ключевые слова: *Дмитрий Черняков, режиссер, режиссерский театр, русская опера, музыкальный театр, интерпретация, художественный текст.*

На сегодняшний день формируется взгляд на традиционное искусство как на развлекательный жанр, во многом обусловленный воздействием институтов массовой коммуникации. Ныне успешно кристаллизуется модель ценностного сознания «потребительского» общества, приводящая к утрате нравственно-развивающей и доминированию развлекательно-релаксационной функций искусства: «Акт посещения оперного спектакля в современном обществе становится социальным поведением, прежде всего направленным на светское общение и статусный отдых» [18].

Полемичность темы композитор-режиссер-слушатель нашла отражение во многих современных научных исследованиях*, стала предметом обсуждения на Международной научной конференции в г. Ростове**. На множестве круглых столов, творческих лабораториях, собирающих композиторов, музыковедов, критиков, режиссеров вновь и вновь поднимаются вопросы: где та художественная грань произведения, за которую непозволительно

переходить режиссеру, сценографу; как нужно ставить «забронзовевшие» оперы, чтобы они стали интересными современному слушателю и многое другое***.

Проблема сценических интерпретаций классических отечественных опер в конце минувшего – начале нынешнего века приобрела уже достаточно острый и злободневный характер. Проявляется закономерная «усталость» от материала, обилие оперных штампов, узнаваемость развития сюжета – вплоть до неперемного «малинового берета» Татьяны, Ленского «в накидку» и вишневого варенья в «Евгении Онегине». Большинство постановок, особенно провинциальных, ограничивается иллюстрацией партитуры без вскрытия подтекстов и выявления ассоциативных связей. «Борис Годунов», «Хованщина», «Иван Сусанин», «Китеж» советского прочтения словно превратились в окаменелости – в своеобразные памятники по сохранению традиций и архаического взгляда на оперу. Знание ответов на вопросы, отсутствие интриги вряд ли привлекут в театр не только искушенного зрителя, но даже случайного.

В начале нынешнего столетия – эпоху постмодерна – наблюдается ренессансный всплеск интереса к русским оперным шедеврам с явным намерением их «перелицовки» и при-
*** В октябре 2009 г. в Санкт-Петербурге состоялась лаборатория композиторов и драматургов, где одной из ведущих стала тема «Автор и режиссер в музыкальном театре». Основой для обсуждения стала яркая статья известного драматурга и либреттиста Ю. Дмитриева «Право на бесчестье», напечатанная в петербургском «Журнале любителей Искусства» и получившая множество откликов.

* О. В. Комарническая пишет: «В настоящий момент в связи с распространившимся волюнтаризмом в постановках (произвольными решениями, далекими от истинных представлений о драматургии, стилевых особенностях, композиции сочинений) назрела настоятельная необходимость теоретической разработки проблем оперного жанра» [16. С. 3].

** «Оперный театр: вчера, сегодня, завтра»: международная науч.-практич. конф. 10–14 марта 2010 г., Ростовская гос. консерватория (академия) им. С. В. Рахманинова. Программа буклета и ссылки на сайте: http://www.rostcons.ru/festivals_r/opera2010.htm.

дания им неожиданного прочтения. С одной стороны, можно считать это отрадным фактом, так как Большая русская опера стала вновь приковывать внимание критики, исполнителей, дирижеров, участников жарких дискуссий на форумах Интернета*.

С другой стороны, трансформация сюжетных линий, характера образов, исторического и географического места действия, в целом духа-атмосферы произведения вызвали возникновение антагонистичных высказываний. На сегодняшний день наиболее острая полемика возникает из-за эпатажных постановок современного режиссера Дмитрия Чернякова (родился в Москве в 1970 г.)**, обращающегося к драматическим и музыкальным спектаклям и являющимся, как правило, режиссером и сценографом в одном лице [11; 12; 14; 25; 28]. Нам представляется важным выявить, какие черты оперной режиссуры Дм. Чернякова являются специфическими, а также попытаться определить, что является, на наш взгляд, приемлемым и неприемлемым в рамках прочтения авторского текста, сформулировать систему доказательств, опираясь на материалы постановок, основные труды по музыкальной истории и теории музыки, музыкальной критике и журналистике. Таким образом, предметом для музыкально-критического ракурса статьи становится интерпретация Дм. Черняковым русских опер XIX – начала XX в.

Дмитрий Черняков – выпускник Российской академии театрального искусства, удивительно востребованный ведущими театрами России и за рубежом. Среди постановок русских опер за рубежом: «Борис Годунов» (Берлин, 2005); «Хованщина» (Мюнхен, 2007); «Китеж» (Амстердам, 2012); «Царская невеста» (2013) и др., в том числе оперы зарубежных композиторов. За лучшую режиссерскую работу был неоднократно отмечен Национальной премией «Золотая маска» («Китеж» 2001, Мариинский театр; «Похождения повесы» 2002, Большой театр; «Аида» 2003, Новосибирский театр; «Евгений Онегин» 2006, Большой театр). Неослабева-

* «"Китеж" Дм. Чернякова оказался не просто свежим прочтением одной из самых значительных – и самых занудных – опер Римского-Корсакова, но реанимацией национального эпоса, давно выродившегося в красивую сказку» (из рецензии А. Глайды [9]).

** Г. Вишневецкая: «Я сходила на премьеру «Евгения Онегина» в Большом театре, и меня охватило отчаяние от происходящего на сцене <...> наверно, до конца своих дней я не избавлюсь от стыда за свое присутствие при публичном осквернении наших национальных святынь» [6].

ющие дискуссии в связи с его постановками, восторженные высказывания поклонников и средств массовой информации словно создают нового кумира и пророка, развеивая сомнения относительно неправомерности его концептуализма и нового «видения»***.

Почти 15 лет потребовалось на осмысление режиссерского театра Дм. Чернякова, в результате чего произошла коренная «ломка» взглядов. Начиная с выхода в свет «Китежа» вне исторического времени и пространства, где сокровенный град спрятан в складках обыденности и реальности, – через проникновение в «Жизнь за царя» с акцентом на антигосударственном, лично-повседневном, – до отторжения гламурного «Евгения Онегина» с роскошно сервированным столом – символом бездуховности и бездушия с пирующими гостями. Оценивая творческое кредо режиссера, выявляя архетипичные методы и ключевые моменты его постановок, появляется некая целостная картина в осознании почерка и мировоззрения режиссера.

Вопросы постановочной интерпретации оперы, воплощения оперного текста особенно явственно обнаружилась в XX в., когда «борьба за власть» между музыкой, словом и сценическим действием, не прекращающаяся на различных этапах развития оперы, достигла своего апогея – в связи с возникновением явления режиссерского театра. С XVII по XIX вв. главной фигурой являлся композитор, нередко сочетающий композиторскую деятельность с дирижерской и даже часто выполняющий функцию режиссера-постановщика спектакля. Картина значительно меняется в конце XIX – начале XX в. ввиду укрупнения фигуры и значения роли режиссера, о чем свидетельствует понятие «режиссерский театр» и позднее даже «режиссерский перпендикуляр», типичные для работ музыкально-театральной среды.

И если у ныне здравствующих композиторов еще есть право голоса относительно «режиссерского перпендикуляра» в отношении своих произведений, то оперная классика в этом отношении предстает совершенно беззащитной, безоружной. Ее перелицовывают,

*** В. Журавлев пишет, что Дм. Черняков в «Китеже» «заменял сакральный кич на современный спектакль, который не стыдно было бы показать на предстоящих лондонских гастролях». Ему «удалось то, о чем многие маститые только мечтали <...> оперная режиссура впервые за многие годы отказывается от приемов устаревшего психологического театра, от тотального мизансценирования в духе Бориса Покровского» [13].

осовременивают, искажают сюжетно-смысловую канву, беспощадно купируют, внедряют в содержание и концепцию, то есть хорошо известное классическое оперное произведение становится «площадкой» для экспериментов режиссеров, некоей отправной точкой для самовыражения в искусстве. Так, в прочтении режиссера Дм. Чернякова под музыку увертюры «Рассвет на Москве-реке» омовцы ликвидируют трупы после ночного побоища, девы из гарема Ратмира моют Руслану ноги в тазу под хохот зала... [5].

Осознание специфики музыкального театра в реалиях современного культурологического мышления закономерно обогатилось сведениями из смежных отраслей знания. Согласно французскому философу-постструктуралисту и семиотику Р. Барту (1915–1980), Текст не идентичен произведению. Скорее, он является почвой, из которой произрастает произведение, набирая соки и мощь [2]. Текст – это множественность смыслов («гено-текст» по определению современной французской исследовательницы литературы и языка, писательницы, семиотика и философа Ю. Кристевой, родившейся в 1941 г.), «неструктурированная память культуры». Произведение – иерархически организованный, структурно упорядоченный объект. Произведение, таким образом, становится тем, что выносится на поверхность текста, Текст же – тем, что скрыто в глубине произведения (словно невидимая часть айсберга) [2]. Таким образом, по справедливому утверждению немецкого философа Г. Гадамера (1900–2002), спектакль становится «встречей с произведением» [7], порождая новые смыслы и аллюзии. Удивительно проницательно утверждал в своих трудах отечественный культуролог и семиотик Ю. Лотман (1922–1993), подчеркивая открытость и коммуникативность, диалогичность художественного текста.

Длительный период театральные постановки Дм. Чернякова для автора статьи ассоциировались с активно развиваемой в современном гуманитарном мышлении теорией интертекстуальности, получившей претворение в работах Ю. Кристевой, М. Арановского, Р. Барта, М. Раку. В каждое произведение, указывает М. Арановский [1], в том числе и оперное, вплетено множество культурных слоев, кодов. Не всегда их проявление связано напрямую с сознательным и явным желанием автора, но именно они и являются связующим звеном между текстом и произведением: «это перспек-

тива цитаций, мираж, сотканный из структур... Отсылая к написанному ранее, иначе говоря, к книге (к книге культуры, жизни, жизни как культуры), он превращает текст в проспект этой книги» [3. С. 45].

Диалогичность Текста и произведения, их взаимосвязь и образует явление *интертекстуальности*, для которой характерен бессознательно-интуитивный характер. Порой даже к устремлениям автора она не имеет непосредственного отношения, образуясь в результате пересечения нередко крайне полярных мировоззренческих и идеологических парадигм. Ю. Кристева формулирует интертекстуальность следующим образом: «Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [15. С. 225].

Многие режиссерские неординарные мизансцены: и взрыв бомбы, подброшенной в метро террористом Гришкой Отрепьевым, и потасовку Ленского с Онегиным, в результате которой ружье выстреливает случайно, ассоциации грешных жителей Малого Китежа с социально деклассированными элементами – возможно, объясняются с позиций определения «режиссерского перпендикуляра», которое ввел в театральную практику один из лучших российских оперных режиссеров Б. А. Покровский*. Но, несмотря на насыщенность в культурологической сфере множества интересных и ярких теорий, через призму которых можно было бы не менее ярко и убедительно раскрыть концептуальный театр Дм. Чернякова, в недрах подсознания таилось «нечто», которое сопротивлялось этому порыву. И если обычный зритель имеет право высказать свое отрицательное мнение или восторг, не объясняя причины, то задача музыковеда–критика найти веские аргументы и привести систему доказательств (либо «за» либо «против»).

Дм. Черняков очень часто обращается именно к русским классическим операм XIX – начала XX в. ** Более того, как признается он сам в

* «...режиссерская параллель идет рядом с музыкой, не смешиваясь с авторским замыслом никогда. В то время как цель перпендикуляра – достичь авторского текста, сочленившись действием с ним, родить новое качество... Успех зависит от того, под каким углом произошло это сочленение зримого со слышимым» [20. С. 201].

** Отвечая на вопрос, насколько отличается восприятие оперы в России и на Западе, Дм. Черняков отвечает: «Я хочу, чтобы все любимые с детства русские оперы мне предложили поставить. Особенно на Западе, где освоили лишь три-четыре оперных названия. Остальное для них – оперная экзотика. Мне хочется, чтобы западная публика

одном из интервью: «Моя идея фикс – ставить русские оперы!» [10]. Вместе с тем возникает странный парадокс в русле современной глобализации: его спектакли, на наш взгляд, настолько чужды русскому менталитету, характеру, что становятся непонятным, с какой целью режиссер так последовательно продолжает обращаться к русским «святыням»: «Жизни за царя», «Китежу», «Евгению Онегину»? Он привычно «стирает» или иронизирует над подлинным национальным колоритом в «Евгении Онегине»: сценами с крестьянами в усадьбе, их песнями и плясками («Уж как по мосту» – поют захмелевшие гости за столом); исключает старинные обряды – осенних «дожинок» (последний сноп вносили в избу, украшали и оставляли до следующей жатвы), свадебный обряд «Китежа» и др.

Мир отечественных опер пронизан ощущением красоты, наполнен поэтикой природного Космоса, близостью светлых, чистых героев к миру природы (Феврония, Антонида, Иван Сусанин, Татьяна). Дм. Черняков данный контекст исключает полностью как морально устаревший и в выстраиваемой им сюжетной линии, и в сценографии. Если по замыслу Н. А. Римского–Корсакова, Феврония – лесная дева, отшельница, и даже опера начинается с «Похвалы Пустыни» (с темы леса), то на сцене Мариинского театра 2001 г. можно увидеть рукомойник, огромные кувшины, высокую сухую траву. Немаловажно, что в дальнейшем озера Светлояр, занимающего в опере главнейшее место, включая развитый музыкальный тематизм, нет и в помине. О равнодушном отношении к национальным святыням, русской природе Дм. Чернякова можно судить по его впечатлениям от поездки к озеру Светлояр – духовному очагу для верующих, в которое, согласно легенде, погрузился Китеж: «Попад туда, я поймал себя на грустной мысли, что вот я стою тут, смотрю на это озеро, а ведь и сам Китеж, и все, что я люблю в нем, оно ведь где-то в другом месте, не здесь. Осталось где-то там, откуда я уехал. А может быть, даже среди театральных декораций. А тут передо мной плещется обыкновенное озеро» [23].

Отсутствие природных элементов в интерьере, избегание народно-национального колорита в сценических версиях Дм. Чернякова, возможно, объясняется «осовремениванием»

полюбила Римского–Корсакова, к которому она относится недоверчиво, зная его лишь как оркестровщика опер Мусоргского и автора «Шехеразады» [17].

(Годунов восседает за массивным дубовым столом, на котором стоят «ленинская» лампа и жидкокристаллический монитор; Татьяна выходит в конце замуж за олигарха, а ее решающая встреча с Онегиным происходит в оперном театре; тело Февронии увозят на блокадных санках и так далее). Можно объяснить и то, что Дм. Черняков старательно избегает христианской символики, словно стыдясь предыдущей постановки А. Степанюка (Мариинский театр, 1994 г.), поставленной, на наш взгляд, в духе высокой русской мистерии*, а по оценкам едких критиков (вслед за А. Париным), заклеенной как «религиозный китч» [19. С. 292]. Но есть определенные позиции, образующие противоречие с партитурой и восприятием, не вписывающиеся в культурно-эстетические, иногда и нравственные рамки, обозначенные нами следующим образом:

1. Пренебрежительное отношение к авторскому тексту** (к тексту либретто) при позиционировании возврата к первоначальному авторскому замыслу***. В интервью с С. Бэлзой (видеозапись 2004 г. Мариинский театр) режиссер сообщил, что сам текст оперы его не вдохновил, значительность идей ощущается лишь в музыке, что его «реально вставила» музыка М. Глинки. На столь циничное заявление обращаюсь к историческим документам, в которых говорится о том, что И. Сусанина «изыскали польские и литовские люди и пытали великими немирными пытками, а пытали, где в те поры великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович», терпя немерные пытки про царя не сказал и за то был замучен до смерти, изрублен в «мелкие куски»****.

2. Избегание глобальных идей: о бедах Руси, Спасении, самопожертвовании, патриотизме, долге*****. Зачем братья за философско-

* По высказыванию В. Гергиева «В “Китеже” – что мне особенно близко сегодня – речь идет о сохранении, спасении, об очищении» [25. С. 138].

** Говоря о постановке «Сказания», он выразился достаточно определенно: «Я бы сказал, что шел не от музыки, а по направлению к ней», обнаруживая равнодушие к авторскому замыслу [23].

*** В пресс-релизе Дм. Черняков декларирует, что в спектакле «Жизнь за царя» он «вернулся к сюжету, настроению и смыслу глинкинской оперы» [12].

**** <http://www.pobeda.ru/content/blogcategory/5/18/20/140/> ПОБЕДА.RU.

***** Дм. Черняков: «Давайте честно говорить, <...> что Россия не успевает за Америкой, что СССР – отсталая страна... С точки зрения уровня оперного искусства (как и многих других) Россия – цивилизация третьего мира, развивающаяся страна, <...> Россия недосмотрела, недополучила, недополучила, недовключилась в те вещи, которые

сакральные* оперы, в которых нет Бога, царя, Отечества тоже нет, ведь, как он сам признается перед постановкой «Жизни за царя», ему вообще было непонятно, как подступиться к теме патриотизма? [11].

3. Постоянное снижение, трансформация жанра оперы. Независимо от первоначального жанра, обозначенного композитором («лирические сцены» – «Онегин», опера – литургия, историко-эпическая – «Китеж», народная драма – «Жизнь за царя»), в Черняковском прочтении наблюдается доля сарказма, гротеска. К примеру, Сирина и Алконоста (райские птицы) у режиссера – работницы на железной дороге в униформах-телогрейках (Алконост покуривает в форточку), они же и омывают тело девы и везут его на санках. И если М. И. Глинке, по словам В. Ф. Одоевского, удалось «возвысить народный напев до трагедии», то Дм. Черняков с легкостью низвел эту драму-трагедию до китчевого фарса. Исторические, зрелищные оперы – «Хованщина», «Годунов», «Китеж» требуют огромной работы в плане изучения архивов, персонажей, костюмов, декораций, создания духа-контекста эпохи, исторической достоверности, которые, не принимаясь во внимание, подменяются на растиражированный прием постмодернистского театра – осовременивания и концептуальности. Применительно к рассматриваемым операм он представляется упрощенно-примитивным и имеющим мало общего с метафоричностью интертекстуальности, выявляющим поверхностный ассоциативный ряд в пределах обыденного сознания.

4. Разорванность целостности – разъединение визуально-сценического и аудиально-слухового впечатления, музыки и происходящего на сцене (увертюра к опере «Жизнь за царя» и звук рубанка плотника Сусанина). Демонстративное сопротивление визуального (анархического) ряда и вербальному (монархическому) ряду оперы. И если опера на протяжении более чем четырех столетий представляла собой противоборство: слова, музыки, режиссуры с европейской культурой давным-давно пережиты. *Здесь мне, конечно, могут возразить про какой-то особый «русский путь» и про всякую х...ю* [нецензурное выражение. – С. Ч.], *типа, у российских собственная гордость, но я считаю, что, когда выдвигается подобная аргументация, проблемы простиупают особенно ярко* [выделено мной. – С. Ч.] [8].

* В монографии С. В. Черевань раскрываются важнейшие идеи эпохи создания, получившие своеобразное преломление в «Китеже»: Апокалипсиса и Антихриста, Всеединства и Соборности, космизма, нравственного идеала и духовного подвижничества [25].

выходом на первый план то одного, то другого компонента – то в режиссуре Дм. Чернякова (пусть даже яркой, неординарной) можно констатировать победу режиссера над композитором и фактически «смерть автора» (по меткому определению Р. Барта [4]).

5. Эклектичность мышления, проявляющаяся в смешении эпох – нарочитом сочетании элементов интерьера, костюмов разных периодов XX в. в «Онегине», «Китеже», подчеркиваемые Дм. Черняковым сознательно**. Тем острее осознается проблема целостности замысла в спектакле, «нанизывания» не связанных друг с другом разностильных сцен по типу клиповой культуры***.

6. Тенденция к отсутствию Красоты и культ антиэстетичности. Проявляется в склонности к некрасивым (!) декорациям (к примеру, нет расписных полотен, как у Коровина, Васнецова, Глазунова – только их «цитаты» в «Китеже»), костюмах (Феврония в полукедах – типаж хиппи, Гришка в «трениках» с оттянутыми коленками), натуралистических подробностях при чрезмерном употреблении пищи в «Онегине».

7. Непременные актуализации и манипуляции с местом и историческим временем происходящего; типичный декор ЦПКиО с фонарем, гипсовым лосем и теленком, трехрожковая «брежневская» люстра в «Жизни за царя»; лифт-поезд, вместо лесной чащи – аналогии с дачными шестью сотками в «Китеже» и так далее; фасад центрального Московского телеграфа на Тверской, сталинское метро с позолоченными рельефами, витрина «Макдональса», летописец Пимен в ветеранском пиджаке в «Борисе».

** Дм. Черняков: «Каждая новая картинка, появляющаяся в спектакле, не связана с другими ни пространственно, ни стилистически, ни даже временем действия. Эту эклектичность я культивировал совершенно сознательно» [23].

*** Критично и объективно оценивает, к примеру, «Китеж» Кирилл Веселаго: «Эклектичная и неубедительная работа художников по костюмам Ольги Лукиной и Дмитрия Чернякова <...> ужасающа. Подозреваю, что постановщики стремились к некоей “надмирности” постановки <...> путем нарочитой, намеренной стилизации костюмов. Но здесь смешение стилей и времен в одежде привело, на мой взгляд, лишь к впечатлению спешно одетого из запасного гардероба спектакля; в лучшем случае – к неоправданной эклектике. Именно эклектика, на мой взгляд, является ключевым словом в сценическом решении спектакля. Казалось, что имея достаточно четкую концепцию той или иной сцены, режиссер откровенно “плавал” в других картинах, в море музыкального материала Римского-Корсакова, будучи не в силах окунуть взглядом всего замысла оперы» [5].

8. Снижение масштабов личностей и характеров. Гришка Кутерьма – трагический персонаж, его тексты восходят к Горю-Злочастью, романам Ф. Достоевского; у Дм. Чернякова – у Гришки «плоский» характер, без подтекста, привокальный бомж и алкоголик. Тенденция к отсутствию положительного героя в опере: прислуга смеется над Татьяной, сплетничает, подглядывает; Ленский (романтичный, влюбленный, пылкий поэт) – в постановке нелепо-смешной неудачник в шутовском колпаке, читающий по бумажке гостям свои любовные стишки, ослепленный ревностью, надрывно поющий куплеты вместо Трике. Поэтичная Татьяна (любимый персонаж Чайковского) – некая истеричная барышня, либо страдающая аутизмом в первом действии, либо в нервном припадке отпаиваемая успокоительным мужем в последней сцене.

9. Сознательное низведение высокого до обыденно-повседневного; тяготение к уменьшению смыслового объема. Семья Сусанина нарезает докторскую колбасу в красной упаковке завода «Парнас», перебирает гречку за столом, употребляет майонез «Провансаль», консервы с зеленым горошком, огурцы из трехлитровой банки с магазинной этикеткой*; Малый Китеж – Сенная площадь; нищие вместо лесных зверей**.

10. Недопустимое искажение событий – дуэль превращена в случайное убийство-потасовку (где же важнейший трагический колорит пушкинской эпохи?***).

11. Склонность к излишней, даже нарочитой сентиментализации – выжимающие слезы сцены предсмертной арии Ленского (с рыдающей рядом няней), гиперболизированный акцент на переживаниях Антонида.

12. Появление «самоцитирования» и штампов в пределах своего же творчества – лейтмотивный стол в «Жизни за царя» (2004), через 2 года в «Евгении Онегине» (2006).

* Вспоминаются размышления М. Д. Сабининой, которая пишет о недопустимости чрезмерной детализации, заслоняющей музыку, и изречение А. Гозенпуда о «погоне за мелкой бытовой правдой» [21. С. 33].

** Наконец, «хай-тековский чудо-конь с лампами вместо глаз в сцене нашествия вызвал не ужас в зале, а веселое оживление» [26].

*** Генеральный директор «Opera National de Paris» Жерар Мортье о черняковском «Евгении Онегине», поставленном в Большом театре в 2006 г.: «Замечательна идея Чернякова обойтись без дуэли – сегодняшняя молодежь не знает, что такое дуэль». Удивительный аргумент, но вдруг среди слушателей найдется тот, кому все же понятен смысл слова «дуэль»? [27].

13. Главное – отсутствие Света, в особенности важное для замысла «Сказания». Ощущение безрадостности, беспросветности жизни – частое явление у Дм. Чернякова. В «Китеже» тема духовного Света, немерцающего, Божественного, который воссияет из Пустыни Февронии (вспоминается Саровская, Оптинская пустынь) в Невидимом граде – одна из главнейших, получившая значительное развитие в музыкальной концепции****. Удивительно, что в постановках Дм. Чернякова впервые за много лет возвращается подлинный текст в «Жизни за царя» (барона Розена) и «Китеже», где есть упоминания и Бога, и царя, но этот вербальный аспект (явно слышимый!) не находит выражения в невербальном компоненте постановки.

Апофеозом режиссерских исканий стала новая жестко-реалистичная постановка «Китежа» Дм. Черняковым (2012 г.) в Амстердаме. В ней, к сожалению, мотивы Спасения в финале полностью отсутствуют, размыта грань между добром и злом. В постмодернистичном «Китеже» жизнь скоротечна и бессмысленна, а смерть – одинаковая для всех, рая нет ни для праведников, ни для грешников. Нет важного различия для концепции композитора между греховным Малым Китежем и городом великих крепостей – Великим Китежем. Вместо Малого Китежа – современное разгульное кафе, вместо Великого – облупившееся здание дворца культуры с больничными койками. Отсутствует подвиг китежан – мужчины уходят на борьбу обреченно. Нет ни чуда Спасения-преображения града – женщины выпивают смертельный напиток, добровольно уходя из жизни перед вторжением террористов (вместо нашествия татар), ни блаженной кончины Февронии – ее зарежет Гришка в лесной чаще. А ее вхождение в Небесный град, райские чудеса и встреча с воскресшими близкими окажется лишь предсмертным видением, иллюзией. И это уже не просто «режиссерский перпендикуляр», а «смерть автора», уничтожение глобального смысла в произведении, венчающем творческий путь композитора [25].

Многие оперные критики (среди них И. Черномурова, К. Веселаго, Е. Цодоков, Ю. Димитрин****) также всерьез обеспокоены нынешним

**** «Двери собора распахиваются, являя неизреченный свет» (из ремарки партитуры). В Священном Писании Бог называется Светом, а в момент символического явления Божественной Троицы в финале в партитуре обозначена цифра 333 [25].

***** Черномурова, И. «Неактуальные мысли о модном театре». – Петербургский театральный журнал. – 2007. –

состоянием «старушки-оперы» именно в связи с кардинальными изменениями в режиссуре, когда словно ставится не конкретное музыкальное произведение автора, а начинаются бесконечные «свободные вариации» на партитуру – со свойственными преобразованиями жанра, формы, масштабов, характера, интонации и пр. Таким образом, радикально трансформируется само произведение-первоисточник и к нему приращивается свой смысл, словно вкладывая в него свои некие нерешенные социо-психологические проблемы.

Замысел режиссера, таким образом, может быть каким угодно, фантазия и самовыражение поистине не знает границ. Но что делать зрителю-слушателю, тем более пришедшему впервые на оперу, для которого соотношение содержания в программе и происходящего на сцене представляют собой такие замысловатонавороченные пазлы, которые никак не складываются в целое, в связи с чем после Польского Акта, (малоэстетичные танцы для Госаппарата в Кремлевском дворце для дам в вечерних платьях, с охранниками и мобильными телефонами, Сусаниным), значительная часть слушателей направилась к выходу. Немаловажная деталь: при просмотре афиш Мариинского театра и «Китеж», и «Жизнь за царя» в списках значатся крайне редко. Подобная участь, кстати, постигла и сказочную оперу «Вольный стрелок» К. Вебера в Саратове (2001), перенесенного режиссером Д. Беловым в пространство нацистской Германии 30-40-х гг. XX в. После Собиновского музыкального фестиваля, к которому была приурочена премьера, авангардный спектакль был снят – публика не ходит. И если критик В. Журавлев пишет о том, что «Отрицание сказочности и возвращение оперы Римского-Корсакова, этой сакральной «святой коровы», в театральные обиход – еще одна задача режиссера» [13], то с этой главнейшей задачей режиссер, увы, не справился.

В качестве резюме, будучи критиком, позволю себе высказать весьма критические мысли. Отмечу удивительную нелюбовь Дм. Чернякова к национальному, близкому и дорогому

с детства, вследствие чего происходит тотальное разрушение мифов, генетической памяти и опрокидывание смысла. Возникает резонный вопрос: зачем и почему режиссера так привлекают национальные святыни, насыщенные глобальным смыслом, историко-мистериальные оперы? Можно найти произведение современного композитора или воплотить совместно с кем-нибудь свои идеи и донести до публики. «Жизнь за царя», «Китеж» – оперы с многострадальной судьбой, которые до сих пор практически так и не могут быть поставлены в соответствии с авторским замыслом и партитурой.

Ю. Темирканову принадлежит поистине пророческое, крылатое выражение, содержащее и драматизм апокалипсиса, и светлую его надежду на благополучный исход: «Опера выживет, – если ее не убьют режиссеры»*. И в современных реалиях выход-спасение видится в активном вмешательстве публики, прессы, критики, музыковедов-исследователей, которые не побоятся предстать «немодными» и ретроградными. Вспоминается замечательное высказывание-кредо немецко-австрийского театрального режиссера В. Фельзенштейна**: «любая постановка должна быть отвергнута, если при этом на первый план выдвигается задача создания интересного спектакля, вместо того, чтобы предварительно подробнейшим образом изучить замысел композитора и либреттиста и как можно точнее реализовать его на сцене. Режиссеру, который полагает необходимым сделать обработку или модернизацию известного музыкального произведения, можно посоветовать заказать новое, а не злоупотреблять для своих целей уже существующим произведением» [24. С. 20].

В одном из интервью Дм. Черняков поделился о том незабываемом впечатлении, какое на него произвела в детстве премьера «Сказания...» в 1983 г. [23]. Скорее всего, этого бы не случилось, если бы знакомство с оперой началось с авангардной режиссуры. Ведь еще Г. А. Товстоногов говорил о том, что «если спектакль запинается хотя бы об одно слово,

№ 4 (50). – URL: <http://ptj.spb.ru/archive/50/neaktualnyemyсли-omodnom-teatre/>. Веселаго, К. «Трудно искать черную кошку в темной комнате, или грустные заметки об оперной режиссуре...». – URL: http://veselago.narod.ru/regissura_mmiv.html. Цодоков, Е. «Опера – «уходящая натура или поминки по жанру». – URL: <http://www.forum-klassika.ru/showthread.php?t=49277>, <http://www.operanews.ru/history54.html>. Димитрин, Ю. «Опера на операционном столе». – URL: <http://operanews.ru/13092209.html>.

* Речь шла о спектакле «Кармен» на сцене Большого театра, где Ю. Темирканов в то время являлся музыкальным руководителем. Темирканов Юрий: опера как жанр гибнет : интервью. – 21.04.2008. URL: <http://www.classical-musicnews.ru/interview/Jurii-Temirkanov-opera-kak-zhanr-gibnet/>.

** В. Фельзенштейн (1901–1975) – создатель собственной школы и оперной эстетики (основатель театра «Комише опер»).

то концепция неверна». В режиссерском театре Дм. Чернякова подобных «каменной преткновения», к сожалению, – великое множество.

Список литературы

1. Арановский, М. А. Музыкальный текст. Структура и свойства / М. А. Арановский. – М.: Композитор, 1998. – 344 с.
2. Барт, Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 413–423.
3. Барт, Р. S/Z / Р. Барт. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
4. Барт, Р. Смерть Автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 384–391.
5. Веселаго, К. «Мариинка: пришла эпоха «Звездных войн» / К. Веселаго. – URL: <http://www.operanews.ru/kitesh.html>.
6. Вишневская, Г. Галина Вишневская отказывается от юбилея в Большом: открытое письмо Г. Вишневской генеральному директору Большого театра А. Иксанову / Г. Вишневская // Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/2006/09/07/vishnevskaya.html>.
7. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
8. Гершензон, П. «Прекратить порочное восприятие оперы!» (беседа с Дмитрием Черняковым) / П. Гершензон. – URL: <http://www.globalrus.ru/opinions/783235/>.
9. Глайда, А. Маска, приятная во всех отношениях. Четыре оперы, три балета и семь танцев / А. Глайда // Итоги. – URL: <http://www.itogi.ru/archive/2002/16/96567.html>.
10. Долгачева, Л. Дмитрий Черняков: «Моя идея фикс – ставить русские оперы» / Л. Долгачева // Культура. – URL: http://www.kultura-portal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=485&rubric_id=207&crubric_id=100442&pub_id=470482.
11. Должанский, Р. «Кастинг среди публики не устройшь» (интервью с Д. Черняковым) / Р. Должанский // Коммерсант Ъ. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=478598&ThemesID=688>.
12. Ефремова, Е. Жизнь за царя? / Е. Ефремова // Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/culture/2004-06-01/6_glinka.html.
13. Журавлев, В. Новый «Китеж» и генплан Гергиева в Мариинском театре / В. Журавлев // Ведомости. – URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2001/02/12/25285>.
14. Злотников, К. Смолящий Алконост, татары-пауки и Феврония у дверей рая / К. Злотников // Время новостей. – URL: <http://www.vashdosug.ru/theatre/article/print/5065>.
15. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
16. Комарницкая, О. В. Русская опера XIX – начала XXI веков. Проблемы жанра, драматургии, композиции : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения / О. В. Комарницкая. – Ростов-на-Дону, 2012.
17. Крылова, М. Режиссер Д. Черняков: «Борис Годунов» не обязан отвечать на Западе за Россию» (интервью с Д. Черняковым) / М. Крылова // Новые известия. – URL: <http://www.newizv.ru/news/2009-04-02/107448/>.
18. Лосева-Демидова, Е. С. Оперное искусство как фактор формирования ценностных ориентаций зрительской аудитории : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. С. Лосева-Демидова. – М., 2010.
19. Парин, А. Хождение в невидимый град: Парадигмы русской классической оперы / А. Парин. – М., 1999. – 464 с.
20. Покровский, Б. Размышления об опере / Б. Покровский. – М.: Совет. Композитор, 1979. – 279 с.
21. Сабина, М. Д. Взаимодействие музыкального и драматического театров в XX веке / М. Д. Сабина. – М.: Композитор, 2003. – 328 с.
22. Садых-Заде, Г. Бомжи из небесного града. Премьера «Сказания о невидимом граде Китеже и деде Февронии» Римского-Корсакова в Мариинском театре / Г. Садых-Заде. – URL: <http://old.russ.ru/culture/textonly/20010124.html>.
23. Садых-Заде, Г. Дмитрий Черняков: «Тот, кто ставит «Китеж», должен страдать» (интервью с Д. Черняковым) / Г. Садых-Заде // Время новостей. – URL: <http://www.vremya.ru/2001/8/10/5512.html>.
24. Фельзенштейн, В. О музыкальном театре / В. Фельзенштейн. – М.: Радуга, 1984. – С. 20.
25. Черевань, С. В. «Сказание о Невидимом граде Китеже и деде Февронии» Н. А. Римского-Корсакова в философско-художественном контексте эпохи / С. В. Черевань. – Челябинск, 2006. – 175 с.
26. Черемных, Е. «Китеж» в Москве утонул: о показе оперы «Сказание о невидимом граде Китеж и деде Февронии» в постановке Мариинского театра / Е. Черемных // Коммерсантъ.

– 05.03.2002. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=313152&ThemesID=688>.

27. Якунина, О. Театральный мир аплодирует новому «Онегину» (подборка мнений гостей Большого театра) / О. Якунина // Вечерняя Москва. – URL: <http://www.oneginbt.ru/eonall/wrld-clap.htm>.

28. Ян, М. «Китеж» новый, причины неудач – старые: Премьера в Мариинском театре / М. Ян // Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/culture/2001-02-07/7_kitej.html.

Сведения об авторе

Черевань Светлана Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и теории музыки Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Svet_chel2008@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 15 (370).
Philology. Arts. Issue 96. Pp. 166–176.*

THE OPERA LEGACY OF RUSSIA FROM THE 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES IN THE POSTMODERN REALITY AND IN THE MIRROR OF THE MUSIC-CRITICAL THOUGHT

S. V. Cherevan

*Ph. d., Associate Professor of history and theory of music of Chelyabinsk Academy of culture and arts.
Cherevan_Svetlan@mail.ru*

The article is devoted to the problems of the director's theater of Dmitry Chernyakov which are relevant to the contemporary art of music. The article identifies particular solutions made in staging of Russian classical operas of the 19th and early 20th centuries in the postmodern period. Music-critical thought is considered as aimed at understanding avant-garde direction, synthesizing ideas of musicologists and researchers, conductors, stage directors, performers, music lovers. It is noted that if composers are alive, they still can express their views on "the director's perpendicular" in respect of their works, whereas the opera classics in this regard appear to be totally helpless, defenseless. They are transformed, updated, the plot and the narrative are distorted, pieces are ruthlessly cut out, the contents and concept are intruded into, i. e. the well-known classical opera piece becomes a "playground" for experiments, a starting point for self-expression in art.

The issues of interpretation of an opera in the process of staging and of the embodiment of the opera text became particularly obvious in the 20th century, when a "struggle for power" between music, text and stage action, which had never been really over at different stages in the development of opera, reached its climax – the emergence of the phenomenon of the director's theatre. The article also identifies and justifies the criteria of what is valid and possible in the interpretation of the genre of opera by a stage director, especially in the productions by Dmitry Chernyakov.

Keywords: *Dmitry Chernyakov, stage director, director's theatre, Russian opera, theatre music, interpretation, text.*

References

1. Aranovskiy M.A. *Muzykal'nyy tekst. Struktura i svoystva* [Music text. Structure and properties]. Moscow, 1998. 344 p. (In Russ.).
2. Bart R. Ot proizvedeniya k tekstu [From artworks to the text]. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1994. Pp. 413–423. (In Russ.).
3. Bart R. *S/Z [S/Z]*. Moscow, 2001. 232 p. (In Russ.).
4. Bart R. Smert' Avtora [The death of the author]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1994. Pp. 384–391. (In Russ.).

5. Veselago K. Mariinka: prishla epokha “Zvezdnykh voyn” [The Mariinsky: came the era of the “Star Wars”]. *Opera News* [Opera News]. Available at: <http://www.operanews.ru/kitesh.html>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).
6. Vishnevskaya G. Galina Vishnevskaya otказыvaetsya ot yubileya v Bol'shom: Otkrytoe pis'mo G. Vishnevskoy general'nomu direktoru Bol'shogo teatra A. Iksanovu [Galina Vishnevskaya refused from Jubilee in Large: G. Vishnevskaya's open letter to the General Director of the Bolshoi Theater of A. Iksanov]. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. Available at: <http://www.rg.ru/2006/09/07/vishnevskaya.html>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).
7. Gadamer Kh.-G. *Istina i metod* [Truth and method]. Moscow, 1988. 704 p. (In Russ.).
8. Gershenzon P. «Prekratit' porochnoe vospriyatie opery!» (beseda s Dmitriem Chernyakovym) [“Stop the wrong perception of the Opera!”] (interview with Dmitry Chernyakov). *Globalrus.ru* [Globalrus.ru]. Available at: <http://www.globalrus.ru/opinions/783235/>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).
9. Glayda A. Maska, priyatnaya vo vsekhn otnosheniyakh. Chetyre opery, tri baleta i sem' tantsev [Mask, pleasant in all respects. Four operas, three ballets, seven dances]. *Itogi* [The outcome]. Available at: <http://www.itogi.ru/archive/2002/16/96567.html>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).
10. Dolgacheva L. Dmitriy Chernyakov: “Moya ideya fiks – stavit' russkie opery” [Dmitriy Chernyakov: “My idea of a fix to the Russian Opera”]. *Kul'tura* [Culture]. Available at: http://www.kultura-portal.ru/tree_new/culpaper/article.jsp?number=485&rubric_id=207&crubric_id=100442&pub_id=470482, accessed 05.05.2015. (In Russ.).
11. Dolzhanskiy R. Kasting sredi publiki ne ustroish' (interv'yu s D. Chernyakovym) [Kasting among public will not arrange (interview with D. Chernyakov)]. *Kommersant* [Kommersant]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=478598&ThemesID=688>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).
12. Efremova E. Zhizn' za tsarya? [Life for the tsar?]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper]. Available at: <http://www.ng.ru/printed/49099>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).
13. Zhuravlev V. Novyy «Kitez» i genplan Gergieva v Mariinskom teatre [New “Kitez” and Gergiev's general plan at the Maryinsky Theater]. *Vedomosti* [Sheets]. Available at: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2001/02/12/25285>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).
14. Zlotnikov K. Smolyashchiy Alkonost, tatory-pauki i Fevroniya u dverey raya [Pitching Alkonost, Tatar spiders and Fevroniya at paradise doors]. *Vremya novostey* [Time of news]. Available at: <http://www.vashdosug.ru/theatre/article/print/5065>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).
15. Il'in I.P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow, 1996. 256 p. (In Russ.).
16. Komarnitskaya O.V. *Russkaya opera XIX – nachala XXI vekov. Problemy zhanra, dramaturgii, kompozitsii* [Russian Opera of the XIX – beginning of XXI centuries. Problems of genre, drama, song]. Rostov-on-Don, 2012. (In Russ.).
17. Krylova M. Rezhisser D. Chernyakov: «Boris Godunov» ne obyazan otvechat' na Zapade za Ros-siyu» (interv'yu s D. Chernyakovym) [Directed By D. Chernyakov: “Boris Godunov” is not obliged to answer the West for Russia”] (interview with D. Chernyakov). *Novye izvestiya* [Novye Izvestia]. Available at: <http://www.newizv.ru/news/2009-04-02/107448/>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).
18. Loseva-Demidova E.S. *Opernoe iskusstvo kak faktor formirovaniya tsennostnykh orientatsiy zritel'skoy auditorii* [Opera as a factor of formation of value orientations of the audience]. Moscow, 2010. (In Russ.).
19. Parin A. Khozhdenie v nevidimyy grad: Paradigmy russkoy klassicheskoy opery [Walk in the invisible city: Paradigms of Russian classical Opera]. Moscow, 1999. 464 p. (In Russ.).
20. Pokrovskiy B. Razmyshleniya ob opera [Thinking about the Opera]. Moscow, 1979. 279 p. (In Russ.).
21. Sabinina M.D. Vzaimodeystvie muzykal'nogo i dramaticheskogo teatrov v XX veke [The interaction of musical and drama theatre in the twentieth century]. Moscow, 2003. 328 p. (In Russ.).
22. Sadykh-Zade G. Bomzhi iz nebesnogo grada. Prem'era “Skazaniya o nevidimom grade Kitezhe i deve Fevronii” Rimskogo-Korsakova v Mariinskom teatre [Homeless people from the heavenly city. Premiere of “the legend of the invisible city of Kitezhe and the maiden Fevronia” by Rimsky-Korsakov at the Mariinsky theatre]. Available at: <http://old.russ.ru/culture/textonly/20010124.html>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).

23. Sadykh-Zade G. "Tot, kto stavit «Kitezha», dolzhen stradat'" (interv'yū s D. Chernyakovym) ["The one who puts "Kitezha" must suffer" (interview with D. Tcherniakov)], *Vremya novostey* [News time]. Available at: <http://www.vremya.ru/2001/8/10/5512.html>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).

24. Fel'zenshteyn V. O muzykal'nom teatre [About musical theatre]. Moscow, 1984, p. 20. (In Russ.).

25. Cherevan' S.V. "Skazanie o Nevidimom grade Kitezhe i deve Fevronii" N.A. Rimskogo-Korsakova v filosofsko-khudozhestvennom kontekste epokhi ["The legend of the Invisible city of Kitezha and the maiden Fevronia N.A. Rimsky-Korsakov in philosophical and artistic context of the era]. Chelyabinsk, 2006. 175 p. (In Russ.).

26. Cheremnykh E. «Kitezha» v Moskve utonul: o pokaze opery «Skazanie o nevidimom grade Kitezha i deve Fevronii» v postanovke Mariinskogo teatra ["Kitezha" in Moscow drowned: about the premiere of Opera "The Legend of the invisible city of Kitezha and the maiden Fevronia" staged by the Mariinsky theatre], *Kommersant* [Kommersant]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=313152&ThemesID=688>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).

27. Yakunina O. «Teatral'nyy mir aplodiruet novomu «Oneginu» (podborok mneniy gostey Bol'shogo teatra) ["The audience applauds new "Onegin" (a compilation of the views has a Large theatre)]. *Vechernyaya Moskva* [Evening Moscow]. Available at: <http://www.oneginbt.ru/eonall/wrldclap.htm>, accessed 05.05.2015. (In Russ.).

28. Yan M. «Kitezha» novyy, prichiny neudach – starye: Prem'era v Mariinskom teatre ["Kitezha" is new, the causes of failures are old: Premiere at the Mariinsky theatre]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper]. Available at: http://www.ng.ru/culture/2001-02-07/7_kitej.html, accessed 05.05.2015. (In Russ.).